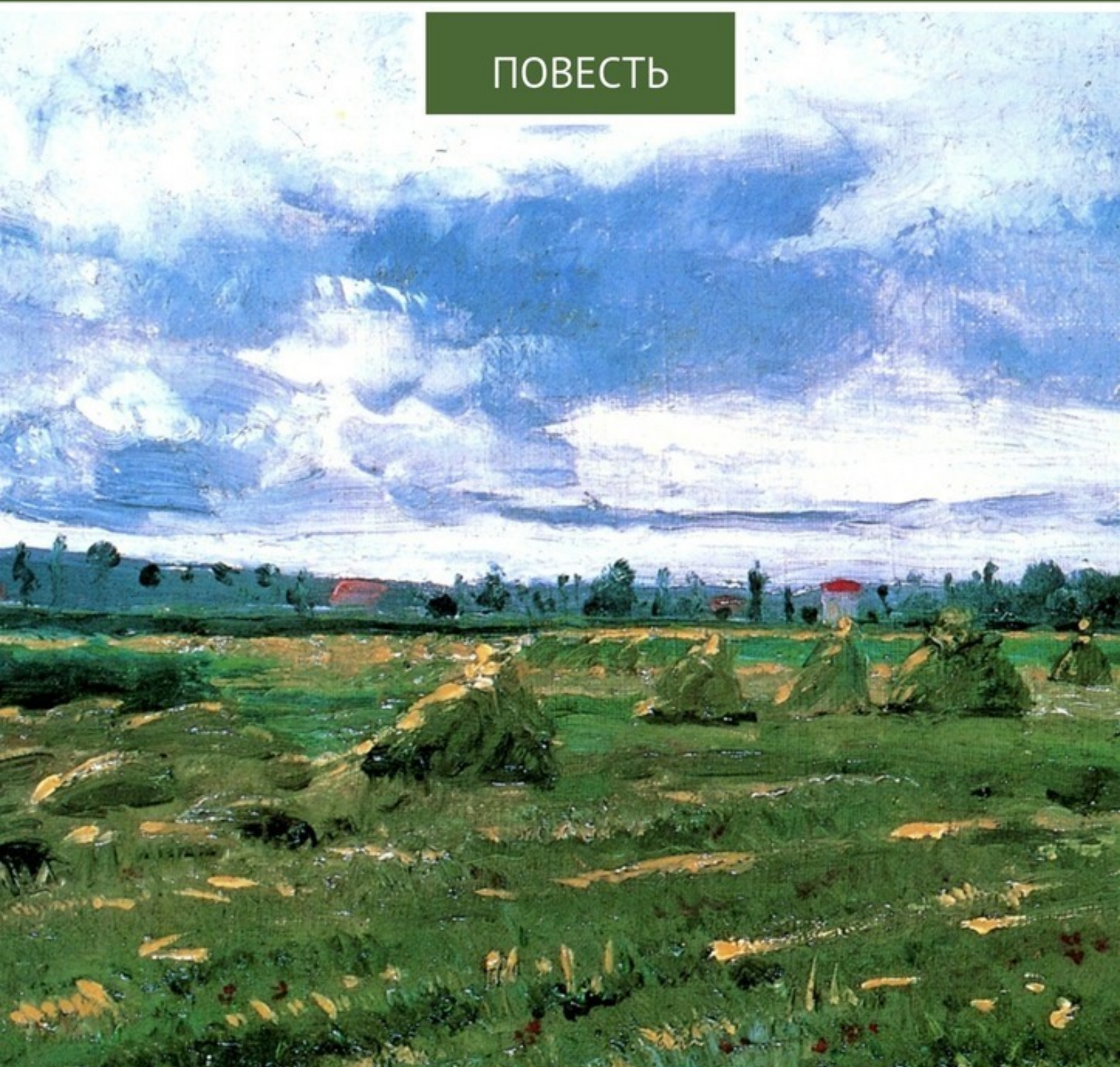


АЛЕКСАНДР КАЛМЫКОВ

Желторотик

ПОВЕСТЬ



Александр Калмыков
Желторотик. Повесть

«Издательские решения»

Калмыков А. И.

Желторотик. Повесть / А. И. Калмыков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834384-1

Произведение повествует о человеке, который мечтал связать свою жизнь с небом. Путь к мечте был заполнен творчеством созидания, преодолением трудностей и приключениями. Желторотиками называют едва оперившихся птенцов, которые, ещё не научившись толком летать, покинули своё гнездо. Книга рассчитана на читателей в возрасте 18+.

ISBN 978-5-44-834384-1

© Калмыков А. И.
© Издательские решения

Желторотик

Повесть

Александр Иванович Калмыков

© Александр Иванович Калмыков, 2016

ISBN 978-5-4483-4384-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ранним утром двадцатого января в восьмидесяти километрах южнее Самарканда за высокогорным перевалом Тахта-Карача в узбекском городе Шахрисабз родился мальчик.

Мать хотела назвать его Владимиром в честь Владимира Ильича Ленина, который скончался 21 января более двух десятков лет тому назад, но из-за суеверия назвала сына Александром. Александр – это покоритель. Как Александр Македонский. И родился сын в городе, в котором когда-то родился великий восточный правитель и полководец Тимур. Пусть он будет похожим на них.

Дав имя сыну, она говорила всем своим знакомым, что Александр родился на смену Ленину. Но, словно оправдываясь, поясняла, что назвала его другим именем потому, что Владимиры в её роду живут короткую жизнь.

Итак, парня назвали Александром. Он не возражал и даже был доволен, потому что Александром быть ему нравилось.

С первых дней после рождения родители оберегали мальчишку от всяких опасностей и простуд. Это «закалило» организм парня до такой степени, что он стал регулярно по два раза в месяц болеть ангиной. Александр рос хилым и болезненным мальчиком.

Семья, в которой родился Александр, жила скромно. Его родители, как многие из людей того поколения, не имели большой образованности. Тем не менее, они на практике освоили профессию бухгалтеров и теперь работали бухгалтерами на предприятиях.

К моменту появления на свет Александра прошло меньше пяти лет после окончания Великой Отечественной войны. Отец Александра, командовавший в военное лихолетье взводом, ротой, батальоном, сохранил в себе на долгие годы военную строгость и солдатские фронтовые песни. Отец не стремился прививать у сына военной черты характера и любовь к военной жизни. Но он часто рассказывал подрастающему Александру о своих боевых делах, о подвигах героев, о людях, боровшихся с фашистами. Отец рассказывал маленькому сыну о своих фронтовых товарищах и пел фронтовые песни.

Когда Александр подрос, они стали петь их вместе.

Слушая отца, он представлял себя командиром Советской Армии.

Живая память старшего поколения о прошедшей войне передавалась мальчишкам – сверстникам Александра. Стремясь быть похожими на своих отцов и их фронтовых товарищей-героев, мальчишки играли в «войнушку».

В раннем возрасте от родителей Александр знал о своих тёзках-полководцах и тёзках-героях. Ему нравилось, что полководец Македонский был Александром, а Александр Суворов, как и он, в детстве был хилым и болезненным мальчиком, но переборол свои слабости и смог стать настоящим солдатом. Александр гордился своим именем, потому что Александр Матросов, помогая товарищам победить фашистов, не побоялся закрыть собой, своей грудью, амбразуру вражеского дота, откуда по нашим солдатам строчил фашистский пулемёт.

Ему хотелось походить на этих людей. Хотелось быть сильным и смелым парнем.

Мать учила Александра думать и разбираться в плохом, и хорошем, и у него с матерью отношения были иными, чем с отцом.

Мать имела сильный и волевой характер. Любое непослушание сына заканчивалось для него определёнными неприятностями, которые он ощущал сзади ниже спины. Она наказывала Александра, любя, и, поэтому, эти наказания не были болезненными для его тела. Они скорее носили символический характер воспитания. Тем не менее, это воспитание держало парня в рамках правильного поведения и позволяло определяться в совершении поступков.

Видя, что Александр обижается на наказание, мать говорила сыну, что на мать не обижаются. Наказывая сына за непослушание, она в то же время и жалела его. Это вызывало в мальчишке бурю различных чувств. В нём одновременно были и досада за то, что он неправильно поступил и обида за наказание, и большая любовь к матери. В такие минуты он готов был разреваться и, ощущая свою вину, пускал слезу.

– Плакать легче всего! – говорила мать, видя состояние сына. – Нужно не плакать, а думать о своих поступках и никогда не делать ничего плохого. Ты, будущий солдат, сынок, а солдаты не плачут.

Это хорошо действовало на Александра. Он хотел быть настоящим и хорошим солдатом.

Когда Александр брался за какое-нибудь дело, и оно у него не получалось, мать помогала ему. Они вместе всегда доводили его до конца.

Отец меньше уделял внимания сыну. Он много работал. Но, в свободные воскресные дни отец с сыном вместе занимались домашним хозяйством, помогая жене и матери.

Отец был заядлым рыбаком. По обе стороны посёлка, в котором они жили, протекало множество быстрых небольших горных речек. Речки эти были не глубокие, но рыбы в них водилось так много, что этому могли бы позавидовать рыбаки на больших реках.

Александр с отцом в воскресные летние дни часто отправлялись в пешие походы на рыбалку, вопреки строжайшим запретам матери, которая боялась, как бы сын не заболел после общения с природой и водной стихией. Но отца с сыном невозможно было отговорить от этих походов. Они приносили им радость общения. В такие дни они много ходили, как выражался отец, пешим ходом.

–левой, левой! Шире шаг, Шурик! – по военному говорил отец сыну, когда Александр начинал медленно брести по дороге, чувствуя усталость.

Помня о том, что он Александр и, беря пример с Александра Суворова, мальчишка шагал левой, левой и делал шире шаг. Такие команды поднимали настроение и прибавляли силы.

Как правило, опасения матери не оправдывались. После таких походов Александр не болел.

Семья жила неподалёку от небольшого посёлка Китаб на станции Китаб, которая была в пяти километрах от города Шахрисабза. Шахрисабзский район Кашкадарьинской области, где они жили, одно из красивейших мест Узбекистана. Станция Китаб была таким маленьким посёлком, что он затерялся в предгорьях отрогов Памира, и его не было даже на уважаемой географической карте республики. В семидесяти километрах от этого посёлка находится город Самарканд, один из древнейших и самых красивых городов Узбекистана. Попасть в Самарканд из посёлка можно было только через горный перевал Тахта-Карача.

В детской памяти Александра навсегда осталась красота гор со снежными шапками вершин. Эти горы были привычны для взоров мальчишек, которые жили рядом с ними. Они их видели ежедневно из любого места в посёлке. Разбросанные вокруг посёлка хлопковые поля в летние дни своей зеленью украшали величие гор. Особенно красивой становилась местность на восходе солнца. Ранние его лучи озаряли розовым цветом серые громадины скал. Белый снег, лежащий на их вершинах, подчёркивал чистую голубизну восточного неба. Бархатная зелень хлопковых полей в эти мгновения была похожа на большой рукотворный ковёр, которым укрыли землю золотые руки добрых людей.

Александр любил в утреннее время любоваться этой красотой. Голубизна чистого неба манила его куда-то и вызывала необъяснимое волнение в душе. В эти минуты он завидовал

птицам, которые легко и радостно парили в необъятном просторе неба. Ему самому хотелось взмахнуть руками, взлететь и окунуться в эту бирюзовую бездну. И чем старше он становился, тем сильнее становилось его желание летать в небе подобно птицам. Он полюбил небо. Он полюбил его за манящий простор. Он полюбил небо за торжественную недоступность и загадочность.

В домашнем семейном хозяйстве был небольшой сарай, где всегда водились полтора десятка кур и пара свиней. Курятник и он же свинарник нужно было содержать в полном армейском, как говорил отец, порядке. Конечно, хозяйственные основные работы делал отец, но он непременно поручал сыну важное дело. Александру нравилось по поручению отца кормить кур и убирать мусор из сарая. Большой восторг вызывал у него сбор свежеснесённых яиц, которыми семью одаривали куры. На этом трудовом поприще у Александра однажды произошёл конфликт с петухом, который очевидно считал себя хозяином сарая. Надо сказать, что этот петух был на редкость драчливым и лез в драку по любому поводу с местными дворняжками и кошками, не говоря уже о его собратях петухах. Все они его хорошо знали и не особенно стремились к встречам с ним.

Александр тоже хорошо знал повадки петуха, однако, часто наблюдая его агрессивный характер, совершенно не делал для себя никаких выводов. Ещё бы! Ведь он не собака и не кошка! Он ведь человек! Пусть пока ещё маленький, но человек.

Однажды Александр собирал в курятнике яйца. Петуху, который был неподалёку, видимо надоела возня постороннего существа в его владениях, и он решил отучить пришельца от курятника.

Петух налетел на Александра сзади и показался ему в этот миг большим и тяжёлым. Мальчишка не испугался и попытался отогнать его от себя. Но не тут-то было. Петух бросался на парня с яростью и настойчивостью. Подпрыгивая на высоту его маленького роста, петух своей петушиной грудью насакивал на Александра и, оглушая крыльями, пытался клюнуть его в лицо. Трудно пришлось мальчишке, но рядом во дворе был отец. Пришлось громко звать его на помощь. Вдвоём отец с сыном быстро укротили драчуна. Отец поймал петуха. Однако, даже в его руках петух оставался неугомонным и, вырываясь, пытался клевать отца в руки. Это уже было слишком. Такую ярость отец потерпеть не мог.

Суп из петуха был очень вкусным и оказал чудодейственное влияние на восстановление сил, которые были затрачены на сражение с ним.

Отец с матерью часто читали сыну книжки. Больше всего он любил истории про Буратино, Чиполлино и доброго доктора Айболита. Александр просил родителей перечитывать любую из этих книжек. Ему не хватало чтения, потому что он был в полной зависимости от родителей в этом интересном занятии и без их помощи не мог встречаться с героями любимых книг.

Мать рано начала учить его читать. К шести годам Александр уже мог самостоятельно читать небольшие рассказы и сказки. Но перед этим он, наверное, как и все дети его возраста, зная все буквы алфавита, не мог из них складывать слова. Старшая сестра Светлана, учившаяся в это время в Самаркандском педагогическом институте, приезжая домой на каникулы, упорно учила братишку этому, как ему казалось, трудному делу.

Прочитай, Шурик! – говорила она Александру, выбрав в книге или в журнале слово.

Александр пытался читать. Получалось раздельно «М-А-М-А» или «П-А-П-А». Глядя в текст, он видел лишь отдельные буквы в словах. Но, однажды, он вдруг увидел всё слово сразу. Это было для Александра открытием. Он, как-то, сразу всё понял и после этого начал самостоятельно читать всё, что хотел.

Приближалась ответственная и интересная пора в жизни – учёба в школе. Александру очень хотелось в школу. Когда он представлял себя школьником, у него появлялось ощущение взрослости и самостоятельности.

Школа была рядом с домом, где семья жила в маленькой барачной квартирке, состоящей из двух крохотных комнаток.

Школу и школьников Александр ежедневно видел из окна комнаты. Он завидовал мальчикам, носящим школьную форму. Она так была похожа на военную форму. Ему очень хотелось носить, если уж не военную, так хоть школьную форму, чтобы походить на настоящего солдата.

Иван Андреевич часто ездил в командировки. Александр скучал и очень ждал его возвращения домой. Командировки у отца были короткими, но его отсутствие в течение пары дней было для Александра очень долгим. Возвращаясь из командировки, отец всегда привозил подарки.

Александром нравилось что-нибудь сооружать, пилить и строгать. Это учитывалось родителями. Они постоянно поддерживали творческие начала сына. Особую поддержку в этом он получал от матери. По её просьбам отец, возвращаясь из командировок, привозил сыну то какие-нибудь инструменты для детского труда, то простейшие сборные модельки, то наборы юного конструктора. Игрушками Александра не баловали. Но он с удовольствием строил эти простейшие модельки, собирал из деталей конструктора различные сооружения. Творчество доставляло ему удовольствие и радость.

К семи годам Александр освоил эту простейшую работу и без малейших проблем мог из имеющихся подручных деталей собирать для себя и приятелей различные игрушки. Но этого ему уже было мало. Александром хотелось сделать что-то своё, особенное.

Он начал фантазировать, пытаясь, свои фантазии нарисовать на бумаге.

Так появилось новое увлечение – рисование. Он рисовал всё подряд. Рисование настолько увлекло Александра, что он на какое-то время забросил техническое творчество. Рисуя, он больше вглядывался в окружающий его мир. В рисовании он мог выразить свои мысли, показать свои чувства. Его захватило ощущение свободного творчества. В рисовании он мог придумать и изобразить то, чего он хотел и, что его больше всего интересовало.

Александр рисовал солдат, которых вёл командир. Рисовал танки и летящие самолёты с красными звёздами. Рисовал людей, идущих на работу. Рисовал папу и маму.

Рисунки Александра вызывали улыбки у родителей и их знакомых. Видимо очень лихо выглядело всё то, что было нарисовано им.

Однажды в журнале «Мурзилка», а может быть и не в «Мурзилке», а в «Весёлых картинках», одним словом, в детском журнале увидел Александр, как рисуют другие дети. Его интерес к этим рисункам подогрел отец.

– Шурик, если ты пошлешь свои картинки в Москву, то и твои картинки напечатают в этом журнале! – сказал он сыну.

Это известие взволновало Александра. Ему очень захотелось, чтобы его рисунки тоже были в этом журнале, чтобы их все видели. После этого он горячо взялся за дело. Долго выбирал, что же такое новое нарисовать, да так, чтобы всем понравилось. Выбор остановился на Чапаеве, который мчался в бой на лихом коне. Его-то Александр и нарисовал.

В школе юный художник ещё не учился, но писать печатными буквами уже мог.

Запечатав в конверт своё художество с изображением Чапаева, он старательно написал на конверте: «Москва. Детский журнал».

Свой домашний адрес Александр знал, потому что он был очень простой. Написал и его на конверте, не указав, однако, ни названия населённого пункта, где жил, ни области, ни республики. Написал только название улицы и номер дома, где жил с родителями.

Довольный тем, что всё смог сделать самостоятельно он сбросил своё послание в почтовый ящик, висевший на углу барака, в котором они жили.

Прошло несколько дней.

Александр с нетерпением ждал результатов. Но пришло разочарование. Его письмо принёс домой отец. Дело было в том, что он отправил свой рисунок в конверте без марки.

Откуда Александр мог в своём возрасте знать все тонкости почтовой службы!

Увидев разочарование сына, отец с матерью пошутили над ним.

– Письмо на деревню дедушке! – смеялся отец.

Но они помогли сыну завершить начатое дело. Всей семьёй они отправили, наконец, как положено, рисунок Александра в детский журнал. Какова была его радость и радость родителей, когда из редакции журнала пришёл ответ, что полученный рисунок «Чапаев на коне» будет опубликован в журнале.

Этот творческий успех отразился на дальнейшей жизни Александра. Он придавал значимость занятиям рисованием и закрепил в Александре элементы настойчивости в достижении поставленных целей, ибо он увидел конечный результат своего творчества, к которому стремился и которого достиг усилиями собственного труда и разума.

Чем ближе приближалось время учёбы в школе, тем с большим желанием ждал его Александр.

Приближался сентябрь. Наступил период летнего благоденствия. Щедрая земля Узбекистана в этот период времени года дарила людям богатые урожаи фруктов, овощей и бахчевых культур. Во всех семьях в это время не переводятся красные сочные помидоры, сахарные и душистые арбузы и дыни, завораживающие кисти сладкого винограда. Всей этой благоухающей и сочной зелени было в изобилии.

Мать с отцом солили и мариновали помидоры на зиму. Александр в это время старался больше уделять внимания дыням. Помидоры были едой настолько привычной, что порой на них он не обращал особого внимания. Дыни – это совсем другое дело! Дыня сладкая. Ешь на здоровье! Да, к тому же, сколько хочешь!

Недели за две до первого сентября Александру купили новую, первую в его жизни школьную форму. Полный комплект. Даже фуражку с двумя жёлтыми кантами и лакированным чёрным козырьком. Форму ему взяли на вырост, но он не обращал никакого внимания на то, что она была несколько великовата. Он был счастлив. У него была новая школьная форма. Он скоро пойдёт в первый класс.

Александр свою форму надевал каждый день, представляя, что он уже школьник и ходит в школу.

Портфель и учебники родители приобрели для него чуть позже, ближе к первому сентября.

Таким образом, к школе Александр был подготовлен. Осталось подождать всего несколько дней до начала учёбы в первом классе.

Тридцать первого августа был назначен, как и полагается, пробный день. Но Александр, к его большому сожалению, в этот день не смог сесть за свою парту и «попробовать» школу. В этот день у него поднялась температура от неведомо откуда взявшейся простуды и мать не позволила ему пойти в школу.

Александр был очень расстроен и сильно переживал своё несостоявшееся свидание со школой вместе со сверстниками. Он был готов целый день и всю ночь сидеть под тёплым одеялом над кастрюлей со сваренной картошкой и дышать обжигающим все внутренности паром. Он храбро подставлял свой тыл медицинской сестре, которая делала ему уколы. Он терпеливо пил горячее молоко со свиным жиром и глотал горькие пилюли лекарств. Он стремился выздороветь до первого сентября, чтобы со всеми вместе пойти в школу.

Александру это удалось. Общими усилиями и его большим желанием простуда была побеждена. Вечером 31 августа он уже чувствовал себя относительно неплохо и был уверен, что утром пойдёт в школу. Эта уверенность придала ему новые и дополнительные силы.

Видя, что мать приготовила ему всё необходимое для школы, Александр уснул крепким сном, чтобы утром проснуться сильным и здоровым и быть готовым к большому первому самостоятельному жизненному пути – к учёбе в школе.

Утром первого сентября погода была прекрасной. С гор дул небольшой ветерок, несущий прохладу. Небо было чистым от облаков. Оно было бирюзовым и бездонным. Ни единого облачка. Настроение Александра праздничное. Он одет в дорогую его сердцу школьную форму и новые чёрные ботинки. Гимнастёрка формы подпоясана чёрным лакированным ремнём с блестящей бляхой. На голове форменная фуражка – самая лучшая из всех головных уборов. Белый отглаженный подворотничок, пришитый к вороту гимнастёрки заботливыми руками матери ещё сохраняет запах утюга и приводит Александра в торжественное и взволнованное состояние. Такого чувства у него раньше никогда не было.

Когда приблизилось время начала первого урока мать с отцом, взяв сына за руки, повели в школу. Они словно чувствовали его состояние и, ведя сына за руки, как бы помогали ему преодолеть волнение.

Александр не шёл, а словно во сне, летел в школу. Летел медленно, видя, как приближается её дверь – дверь школы. Вокруг он видел других пап и мам, которые, так же, как и его родители, вели своих детей и его сверстников в первый класс. Более взрослые ученики Александра почему-то не интересовали. Он их по этой причине не замечал. Он был поглощён собственным вхождением в новую и интересную для него жизнь.

К школе подошли быстро. Во дворе школы собралось много пап и мам. Среди них то тут, то там мелькали белые фартучки девочек первоклассниц и серые блинчики школьных фуражек мальчишек первоклашек, чёрные лакированные козырьки которых подчёркивали белизну подворотничков на их загорелых тонких шеях. Важно прогуливались по школьному двору старшеклассники. Всё было торжественно и празднично. Да, это был праздник – праздник знаний! У всех учеников в руках были букеты с цветами. Сама школа сверкала чистотой и свежей краской. В воздухе стоял необыкновенный запах. Пахло цветами и краской. Это был запах школы.

Прозвенел звонок на первый урок. Все ученики, в том числе и сверстники Александра – первоклассники, пошли в глубину здания школы, чтобы там, разойдясь по классам, приступить к учёбе.

Александр растерялся. Он не знал, куда ему нужно идти и что делать. Вчера он не участвовал из-за простуды в пробном дне школы и поэтому не знал ни своего класса, ни своих одноклассников, ни своего учителя. Ему стало обидно. Слёзы готовы были покатиться из глаз, но он сдерживал свои чувства. Он же был в школьной форме!

В этот момент к ним, слегка прихрамывая на левую ногу, подошёл знакомый дяденька и поздоровался с родителями Александра.

– Здравствуй, Александр Иванович! – сказал этот дяденька, протянув руку и Александру.

Такое обращение было для Александра новым, но он не растерялся.

– Здравствуйте! – сказал он в ответ и тоже протянул руку.

Они пожали друг другу руки, как равные.

Это был первый учитель Александра – Александр Константинович Боков.

Не выпуская руки мальчика, Александр Константинович повёл его в класс.

Этот человек был давно знаком с родителями Александра. Знал он и его. Саша тоже знал Александра Константиновича, но никогда не думал, что он будет его первым учителем.

Посёлок Октябрьский по своим размерам совсем небольшой. В его западной части на окраине находился маленький полевой аэродром. На него садились лёгкие пассажирские самолёты, прилетавшие в посёлок из Самарканда. Преимущественно это были самолёты Ан-2 и Як-12.

Александр со своими друзьями часто бывал на этом аэродроме. В основном аэродром пустовал, и мальчишки на его поле играли в футбол. Собственно это лёгкое поле и аэродро-

мом нельзя было назвать. Это было просто большое поле, на краю которого стоял высокий шест. На этом шесте висел, иногда развеваясь на ветру, непонятный для мальчишек полосатый мешок. Позже они узнали, что его почему-то называют «колбасой» и нужен он для лётчиков, которые по нему определяют направление и силу ветра.

Самолёт, летевший из Самарканда, виден издалека. Подлетая к посёлку, он хорошо был виден в голубом небе над серым горным рельефом.

Завидев приближающийся к аэродрому самолёт, мальчишки прекращали все свои игры на лётном поле и бежали к месту посадки самолёта. По «колбасе» они умели определять, с какой стороны будет заходить на посадку этот самолёт. Не приближаясь слишком близко к вероятной точке его приземления, Александр вместе с приятелями старался, тем не менее, быть как можно ближе к этому летающему чуду. Мальчишки с восторгом наблюдали, как снижается, а затем приземляется самолёт. Приближаясь к месту, где находились ребята, самолёт снижался всё ниже и ниже. Вот он поравнялся с ними. А мальчишки в это время находятся от пролетающего самолёта в нескольких десятках метров. Он ещё в воздухе. Он летит. Александру он кажется таким лёгким и красивым, прекраснее чего нет ничего на свете.

Увидев в кабине маленькие фигурки лётчиков, управляющих самолётом, мальчишки уже не сдерживали своих чувств восторга и начинали прыгать и орать во всю глотку.

После приземления самолёт заруливал на стоянку в отдалении от мальчишек. Они же в это время, стремительно сорвавшись с места, со всех ног наперегонки мчались к нему. Бежать приходилось длинную дистанцию, поэтому, когда они подбегали к самолёту, он стоял на своей стоянке совсем неподвижно. Из самолёта выбирались пассажиры. Александр им очень завидовал. Они только что летели в голубом небе над горами. Они были высоко над землёй и видели её сверху.

– Как там? – думал Александр, глядя в небо.

Каждый раз, подходя к самолёту, он долго не мог отойти от него. Саша любовался самолётом. В самолёте ему нравилось буквально всё. От самолёта исходил приятный запах авиационного бензина и масла. Слышалось тонкое гудение чего-то в кабине и потрескивание в моторе. В безмолвной тишине эти звуки казались ему музыкой. Запахи полевых трав, смешанные с запахом авиационного бензина проникали в самое сердце, навсегда оставаясь в нём, и всё больше заполняя его необъяснимым чувством какого-то далёкого счастья.

Лётчики, понимая ребячье состояние, не прогоняли их от самолёта и с лётного поля. Напротив, они позволяли им потрогать самолёт.

Однажды после такого позволения, не чувствуя под собой ног, Александр подошёл к крылу самолёта. Поверхность крыла была гладкая и отливала блеском зелёной краски. Он провёл рукой по поверхности крыла. Крыло Александру показалось подозрительно мягким. Он обеими руками схватился за острый хвостик крыла, не обращая внимания на надпись «Не братья!» сделанную именно в том месте, где он вцепился в крыло. Надавлив пальцами на поверхность крыла, Саша почувствовал её мягкую упругость.

Стояла ранняя осень. Воздух был ещё по-летнему знойным. Солнце палило нещадно, но Александр стоял в тени. Его закрывало от солнца верхнее крыло самолёта.

Щупая крыло, он понял, что оно не такое, каким он его себе представлял. Крыло было пустым, а то, что он щупал, оказалось тонкой крашеной тканью. Это было для Александра открытием. Раньше он думал, что крыло сплошное, как у петуха, только больше. Сейчас же он видел, что оно совсем не такое.

– Тряпчатое крыло! – подумал изумлённо Александр.

Стоя рядом с самолётом, и, вдыхая его запахи, он не мог оторвать руки от кромки крыла. Это первое прикосновение к самолёту вызывало в нём чувство восторга и навсегда вошло в его память.

Его приятелям быстро надоело смотреть на самолёт, и они стали звать Александра домой.

Саше очень не хотелось уходить от самолёта. Самолёт притягивал к себе силой растущего в Александре любопытства.

Вернувшись, домой, он сразу сел рисовать. Отныне Александр рисовал только самолёты.

Увидев увлечение сына самолётами, родители стали покупать для него книги об авиации и наборы простейших моделей планеров и самолётов.

Эти подарки были редкими, но приносили Александру радость творчества и познания.

Дворовыми друзьями Александра были Валерка и Камиль. Они были его ровесниками и жили по соседству. Камиль с матерью и сестрой жил в том же бараке, что и Александр, а Валерка в небольшом доме напротив барака.

У Камиля не было отца. Он случайно погиб на железной дороге, попал под поезд, когда Камилю было всего два года.

Когда Александр приходил к Камилю в гости, то обращал внимание на большой портрет, висевший на стене. Это был портрет отца Камиля, который никогда не рассказывал о нём своим друзьям. Он совсем не помнил его.

Но, Александр знал от своего отца, что отец Камиля был Героем Советского Союза и поэтому гордился своим другом. Сам Камиль относился к этому совершенно спокойно, отчего у Александра создавалось впечатление, что ему всё равно, кто был его отец.

Александр понимал, что на самом деле это совсем не так, но никогда не расспрашивал его об отце. Это накладывала некоторый отпечаток на общение мальчиков.

Сильнее дружба у Александра была с Валеркой, и они всегда были вместе. Все игры, проводимые во дворе, проходили только при их обоюдном участии. Вместе они ходили в школу. Жаль только, что учились в разных классах. Эта дружба была, как бы традиционной. Семьями дружили родители. Старший брат Александра, Виктор, дружил со старшим братом Валерки, тоже Виктором. Валеркины родители были очень простыми и приветливыми людьми. Его мать, тётя Маруся, была очень доброй женщиной. Работала она уборщицей в школе. Когда Александр приходил к Валерке в гости, то она непременно усаживала его за стол, и угощала чаем.

Отец Валерки, дядя Коля, часто и подолгу болел. Здоровье ему подорвала война и плен в фашистском концентрационном лагере Дахау.

Дружба Валерки и Александра была особенная. У обоих парней формировались характеры. Они оба были упрямыми. Каждый хотел, чтобы всё соответствовало его требованиям. Из-за этого мальчишки ссорились по разным пустякам и дрались, как петухи, разбивая друг другу, носы. После каждой драки они получали трёпку от родителей, снова мирились и дружили по-прежнему. Они не могли быть друг без друга длительное время. Крепкая у них была дружба.

Учёба в школе шла своим чередом. Домашняя предварительная подготовка к школе сразу вывела Александра в отличники. Всё чему учил Александр Константинович, он уже знал, поэтому почти без усилий осваивал программу первого класса. Домашние задания делал быстро, получая за них пятёрки на уроках. Учёба не тяготила Александра, потому что она давалась ему легко, даже слишком легко. Ему нравилось ходить в школу и получать там пятёрки. Других оценок в первом классе у Александра не было. Отсутствие проблем в учёбе позволяло ему иметь уйму свободного времени. Он не искал себе специальных занятий. Александра тянуло на аэродром к самолётам. Аэродром был недалеко и, поэтому, когда слышался знакомый рокот авиационного мотора, он старался попасть туда, чтобы ещё и ещё пощупать самолёт, погладить его упругую обшивку.

После занятий в школе Александр был предоставлен самому себе. Мать с отцом, находясь на работе, были уверены в своём сыне, в том, что он ничего плохого не совершит в их отсутствии. Они доверяли сыну, видя, что он дисциплинирован и педантичен во всех делах.

Все задания и поручения родителей Александр выполнял безупречно и пунктуально. Его обязательность и пунктуальность вызывали у родителей полное доверие к его самостоятельности.

Пока стояли тёплые осенние дни, Александр почти ежедневно с друзьями бегал на аэродром. Он пытался разобраться, как и из чего сделан самолёт, потому что сам захотел построить самолёт. Для него конструкция самолёта оставалась загадкой. Он видел только внешний облик крылатой машины. Заглянуть внутрь никак не удавалось. Александр, почему-то, стеснялся попросить разрешения у пилотов на экскурсию по самолёту.

Глядя на обшивку фюзеляжа самолёта, он видел множество заклёпок. Заклёпки он воспринимал, как гвозди, но назначение их и смысл понял сразу. Ему казалось, что самолёт собран из громадного количества металлических пластинок, соединённых между собой этими гвоздями. О том, как сделаны крылья, Александр не думал. Он видел их внешние формы, и ему этого было достаточно. Ему казалось, что сделать самолёт совсем не трудно. Нужно только найти подходящие кусочки тонкой жести. Но, где их найти?

Выбор пал на консервные банки, которые можно найти на мусорной свалке.

– Нужно только собрать много пустых консервных банок! – думал Александр. – Вырезать из этих банок крышки и соединить их между собой обычными железными гвоздями.

Сделав такой вывод, он горячо взялся за дело. После уроков Александр перестал бегать на аэродром. У него появилась цель. Он хотел построить сооружение похожее на фюзеляж самолёта. Он мечтал о том, чтобы это сооружение стояло во дворе, и он с друзьями мог бы играть в лётчиков.

Желание Александра переросло в действие. Определив материальную потребность для строительства будущего сооружения, он начал собирать со всех мусорных ящиков посёлка пустые консервные банки и тащить их домой. Это материально-техническое снабжение предстоящего предприятия было пресечено матерью сразу же после обнаружения найденных и принесённых домой «ценностей» под кроватью в комнате. Всё, что Александр насобирав, и накопил, за несколько дней, было в один момент вынесено обратно в прежние мусорные места.

Александр с сожалением понял, что допустил ошибку в месте выбора склада своего строительного материала.

С матерью долго объясняться не пришлось. Она поняла всё сразу и поддержала желание сына построить самолёт. Но объяснила ему, что он сейчас не сможет этого сделать, потому что для этого нужно сначала научиться строить маленькие самолёты.

Однако, мать не убедила Александра. Он по-прежнему остался в полной уверенности, что построить самолёт, к тому же, не летающий, дело пустяковое. Для этого нужно много консервных банок, помощь друзей и собственное желание. А желание у него было. Это желание навсегда осталось в его душе и переросло в мечту.

Последовав совету матери, Александр решил для начала построить маленький самолётик. С чего начинать и, как его сделать, он не знал, но был уверен, что самолётик у него получится хороший. Подумав, из чего можно сделать самолётик, он решил, что для этих целей лучше всего подходят доски, которые лежали в курятнике. Не откладывая этого дела в долгий ящик, Александр, вооружившись ножовкой и большим кухонным ножом, пошёл в курятник.

Выбрав там деревянную рейку, он отпилил от неё небольшой кусок. Что нужно было делать дальше, он не знал. Опять нужно было что-то придумать.

Друзья звали Александра на улицу играть, но ему стало не до игр. Он был увлечён творческим созиданием. Представляя себе будущий самолётик, он мысленно начертил его контуры на дощечке. Взял нож и попытался строгать дощечку, придерживаясь мысленного контура будущего самолётика. После нескольких срезов все мысленные контуры самолётика развеялись, и Александр не мог из-за этого строгать дощечку дальше. Здесь ему стало ясно, что на дощечке нужно сделать какие-нибудь отметки, чтобы было видно, где её строгать.

Последовательно рассуждая, он пришёл к выводу, что на дощечке ему нужно нарисовать этот маленький самолётик, и только потом выстругивать его из дощечки. Нарисовать нужный контур самолётика для Александра не составило труда. Это он и сделал. Дальше работа пошла быстрее. Строгать ножом пришлось долго, чтобы обозначились контуры будущей модели. Александр устал. Пот ручьями лил по лицу, заливая глаза. Он впервые выполнял, такую трудную для себя, работу.

Через некоторое время на ладони правой руки от ручки ножа появилась большая водяная мозоль. Работа захватила Александра. Уже вырисовывались грубые формы будущего фюзеляжа. Мозоль на ладони лопнула. Было больно держать нож в руке и строгать деревяшку. Александр терпел, но продолжал начатое дело. Наконец, контуры фюзеляжа были выструганы. Собственно, то, что выстругал Александр, ещё нельзя было назвать фюзеляжем модели самолётика, но отдалённо было видно, что это будущий фюзеляж. Как сделать его лучше, Александр не знал.

Лопнувшая мозоль болела нестерпимо. Александр, отдыхая от своей работы, взглянул на мозоль. Ему стало страшно. Ему показалось, что он увидел собственное мясо. Мозоль кровоточила, окрашивая поверхность ранки красным цветом. Не зная, что делать дальше и, терпя боль в ладони, он решил попросить помощи у отца. Отец в это время был на работе. Александру больше ничего не оставалось, как убрать за собой струганные щепки и пойти домой дожидаться его прихода. День близился к концу.

Сидя в комнате, Александр, вспомнил своего брата Виктора, который в это время был далеко от дома и учился в другом городе в речном училище. Александру очень не хватало его помощи. Он скучал по брату и сожалел, что его сейчас не было рядом.

Рабочий день закончился. В окно Александр увидел, что по дороге идут люди. Это были рабочие и служащие с хлопкоочистительного завода, который находился в пяти минутах ходьбы от дома. На этом заводе бухгалтером работала и Евдокия Ефремовна, мать Александра.

А вот и она! Дверь в комнату открылась и вошла мать. Она выглядела немного уставшей, но была очень красивой. Александр любил свою маму. Ему захотелось рассказать ей о своей проделанной работе. Он подбежал к ней. Обнял её и поцеловал. Мать поцеловала сына в макушку стриженной головы и вопросительным взглядом посмотрела ему в глаза.

Александр, торопливо, боясь, что-нибудь пропустить, начал рассказывать ей о событиях прошедшего дня. Мать, улыбаясь, слушала сына. Когда его рассказ дошёл до мозоли, она осторожно взяла руку сына, чтобы посмотреть на мозоль. Александру стало стыдно. Руки у него были грязными. Замечтавшись, он забыл их вымыть.

Мать, всплеснув руками, отправила сына мыть руки.

Взяв в руки мыло, Александр попытался их вымыть. Ему стало больно. Нестерпимо защищала мозоль, когда он смочил ладони водой и начал шевелить пальцами правой руки. Упрямо сжав губы, и с трудом перенося боль, Александр вымыл руки и осторожно вытер их о полотенце, стараясь не прикасаться к мозоли.

Отец пришёл домой позже. Внимательно выслушав рассказ сына о проделанной работе и о возникших трудностях, он пообещал помочь ему.

Александру хотелось, чтобы помощь была немедленной. Фюзеляж модели самолётика был уже почти готов. Нужно было только выровнять неровности на его поверхности, да загладить зарубки от ножа, которые он нерасчётливо нанёс на дощечке. Александру это представлялось делом простым. Он был уверен, что отец это сделает в один миг. Он рассчитывал на его силу и опыт. Но отец не стал спешить.

– Ты свою работу должен завершить сам! – сказал Иван Андреевич. – Я только помогу тебе.

Александр глянул на свою мозоль. Она хоть и побаливала, но уже не казалась ему страшной.

– Вот и у тебя, Шурик, появились трудовые мозоли! – улыбнулся отец, взглянув на мозоль сына. – И это только начало. Много их будет в твоей жизни, и болеть они будут сильнее. Но эти мозоли сделают тебя трудолюбивым и умным. Мозоли всем идут на пользу. И мне нравится, что мозоли уже появились и у тебя. Я хочу, чтобы ты стал хорошим человеком и настоящим мужиком!

– Когда мы будем заканчивать мою работу? – спросил Александр, поняв, что отец не будет остругивать фюзеляж его модельки.

– Пусть заживёт мозоль на твоей руке, – ответил отец. – Она будет мешать тебе в работе.

Александр не был согласен с отцом. Хотелось быстрее завершить работу и увидеть самолёт, построенный своими руками. Однако ждать пришлось до ближайшего воскресенья. В воскресный день Иван Андреевич сам позвал Александра завершить начатую работу.

В курятнике он взял с полки небольшие железные полоски с деревянными ручками.

– Твой самолёт нужно обрабатывать теперь этим инструментом, – сказал Александру отец.

Александр потрогал эти железные полоски, которые отец назвал инструментом. Они были шершавыми. На поверхностях каждой полоски выступали небольшие, но острые зубчики. На одном из инструментов зубчики были крупнее, чем у других.

– Это напильники, – сказал отец. – Они помогут тебе выровнять поверхности твоей заготовки. Тот напильник, где зубчики очень крупные, называется рашпиль. Он сейчас нам нужнее всего. Рашпилем ты сможешь основательно подровнять поверхность на дощечке, а потом напильниками её шлифуешь до нужной тебе гладкости. После этого ещё немного поскоблишь стёклышком, и фюзеляж твой будет готов.

Показав Александру, как нужно обращаться с инструментом и пользоваться им, отец ушёл заниматься своими делами.

Александр остался один, но он уже знал, что нужно делать дальше.

Через некоторое время фюзеляж его модели был готов. Фюзеляж самолётика был таким, каким его хотел видеть Александр.

Дело осталось за малым. Нужно было сделать крылья и прикрепить их к фюзеляжу.

Осмотрев курятник, Александр обнаружил деревянный ящик. Он отодрал от него тонкую струганную дощечку и опилил её концы со всех сторон, а затем обточил рашпилем.

Осмотрев заготовку, Александр был доволен. Крыло получилось под стать фюзеляжу – крепкое и массивное.

Прибив крыло гвоздями к нижней части фюзеляжа, Александр завершил строительство первого в своей жизни самолёта. Работа была завершена, но ему казалось, что сделал он её не очень хорошо. Глядя на своё создание, Александр видел, что его самолёт не очень похож на тот самолёт, который прилетал к ним в посёлок. Тот самолёт был красивее. Он был большой и настоящий. А самое главное – он летал. Его же самолётик лишь отдалённо был похож на настоящий самолёт и уже не казался красивым. Александр увидел его недостатки. Но дело было сделано. Переделывать сделанную модель ему не хотелось.

– Сделаю новую модель! – решил Александр.

Он взял свой самолётик в правую руку и пошёл с ним к друзьям, игравшим во дворе.

Сделанный самолётик стал первой игрушкой, с помощью которой они воображали себя лётчиками, летящими высоко в небе. На какое-то время этот самолётик отодвинул у мальчишек на второй план игрушки автомобилей и пистолетов. Они, держа над головой самолётик, и, бегая с ним по двору, по очереди играли в лётчика.

Александр получил удовольствие от результатов своего творчества. Оно оказалось полезным и для его друзей.

Эксплуатация самолётика была весьма интенсивной и, несмотря на повышенную прочность его конструкции, он, всё-таки, поломался. Поломался не весь. Сломались крылья.

Играя в лётчиков, Александр вместе с друзьями бегал по двору, держа самолёт в руке. Мальчики представляли себя сидящими в этом самолёте. Они смотрели на землю, которая проносилась под крыльями самолёта, словно из пилотской кабины. Бегая по двору во время таких полётов, они не замечали препятствий под ногами, и, случалось, падали. Падения отразились и на них, и на самолётике. Они получили синяки, а самолёт повышенные нагрузки. Конечно, самолётик был не верхом совершенства. Простая струганная деревяшка с убогим намёком на фюзеляж, да рейка, прибитая поперёк этой деревяшки, напоминающая крыло лишь своим предназначением. Но и этого для мальчишек было достаточно. Для них это был самолёт.

После поломки мальчишки ремонтировать самолёт не стали.

Александр не был доволен своей первой конструкцией и решил сделать другой самолёт, но лучше первого. Ему хотелось, чтобы он обязательно летал.

Все последующие попытки сделать новую модель самолёта, да к тому же летающую, были безуспешными. Самолёты получались похожими на первый, а это Александра не устраивало. Ему хотелось сделать самолёт красивым, изящным, стремительным. Таким, какие он видел на картинках в журналах. Но ничего не получалось. Все свои работы Александр выполнял, в основном, большим кухонным ножом. Вскоре он уже в совершенстве овладел этим инструментом и мог вырезать из дерева довольно сложные для его возраста фигуры.

Евдокия Ефремовна постоянно учила сына доброте и справедливости.

– С несправедливостью нужно бороться, а доброту и справедливость всегда защищать, – говорила она Александру. – Никогда не проходи мимо, если видишь, что обижают слабого. Защити его, если тебе позволяют возможности.

Александр глубоко воспринял эти уроки и был настроен на борьбу с несправедливостью и защите доброты.

Однажды такой случай представился.

Стояла глубокая осень. С деревьев слетала редкая листва и желтым покрывалом устилала землю. С гор дул небольшой, но прохладный ветер.

Сделав уроки, Александр вместе с приятелями играл во дворе.

В другом конце барака жила больная женщина. Каждый день по вечерам она выходила во двор подышать свежим воздухом и подолгу сидела на табуретке в углу двора, наблюдая за играми детей. От болезни она была очень слабая. Видно было, что болезнь её очень мучает. Эта женщина была очень худая. Она всегда неподвижно сидела на своём табурете, положив перед собой на колени тонкие прозрачные руки. Её большие голубые глаза всегда смотрели на играющих мальчишек с невыразимой грустью.

Мальчики жалели её и старались чем-нибудь развеселить. Им всегда это удавалось. Наблюдая за мальчиками, тётя Поля, так звали эту женщину, всегда оживала. На её бледном худом лице проступал слабый румянец. Она иногда улыбалась, а её глаза выражали мальчикам благодарность.

– Я, Борис, пошёл на низ и принёс оттуда рис! – играя во дворе, услышали ребята знакомое пение.

К ним во двор вбежал парнишка лет четырнадцати. Это был дурачок Борька. Так его называли родители Александра и его приятелей. Они категорически не разрешали им подходить близко к этому парнишке, потому что он был ненормальным из-за перенесённого в детстве менингита.

Так, в общем, Борис был парнем спокойным, но иногда баловал. В этот раз он сразу пристал к тётя Поле. Стал прыгать вокруг неё и толкать с табуретки.

Тётя Поля, побледнев ещё сильнее, стала защищаться от Бориса. Она оттолкнула его, когда он приблизился к ней.

В этот момент произошло непредвиденное событие. Борис размахнулся и сильно ударил тётю Полю по лицу.

Раньше, когда его прогоняли, Борис, улюлюкая и строя рожи, убегал со двора. А в этот день он вёл себя странно и агрессивно.

Тётя Поля упала с табуретки и, с трудом поднявшись, заплакала.

Увидев всё это, Александр и его друзья бросились защищать тётю Полю. Они налетели на Бориса, не осознавая опасности, и стали прогонять его со двора.

Борис отбежал от мальчиков в сторону метров на десять. Его глаза налились кровью, лицо побагровело. Борис секунду смотрел на мальчиков с бешенством, а потом быстро нагнулся и схватил с земли лежавший там большой обломок кирпича. Через мгновение он с силой запустил им в мальчиков.

Мальчики бросились в стороны, а Александру показалось, что если он отвернётся и присядет, то увернётся от кирпича. Он так и сделал, не определив, что кирпич ему и предназначался.

Тяжёлый кирпич со всего маха угодил Александру в нижнюю часть затылка. От этого удара у него потемнело в глазах. Вместе с тупой болью в голове у парня появилось болезненное ощущение где-то в глубине носа. Раны на затылке не было, но из носа упало несколько капель крови.

Александр, опустившись на колени, схватился руками за затылок, так и застыв в этой позе.

Голова болела нестерпимо. Слегка тошнило, то ли от боли, то ли от головокружения.

Всё это произошло на глазах у работников хлопкоочистительного завода, которые после работы шли мимо двора домой. Они прогнали Бориса. Кто-то подошёл к Александру и поднял с земли.

Боль в голове постепенно проходила, но настроение у него было испорчено. Александр досадовал на то, что не смог увернуться от кирпича.

Валерка и Камиль были возбуждены. Увидев, что с Александром ничего страшного не произошло, они убежали домой.

Тётя поля тоже ушла домой.

Александру было нехорошо. Немного болела голова. Тошнило. Появилась слабость. Хотелось лечь.

Он тихо пошёл домой.

Мать пришла домой вместе с отцом. Они пришли с работы чуть позже обычного времени. Евдокия Ефремовна после работы пошла на базар и там встретила Ивана Андреевича. Купив необходимые продукты, они вместе пришли домой.

Быстро темнело. Наступила ночь. Мать приготовила ужин и позвала мужа и сына к столу ужинать. После ужина Александр вновь почувствовал себя плохо. Тошнило. Он лёг на кровать и стал перебирать в памяти события прошедшего дня.

– Что-то ты бледный сегодня! – посмотрела на сына и сказала Евдокия Ефремовна, – Ты не заболел? Как ты себя чувствуешь?

– Я здоров и чувствую себя хорошо! – соврал матери Александр. – Но мне хочется полежать.

Мать подошла к сыну и пощупала его лоб ладонью. Убедившись, что у него нет температуры, она отошла к столу. Убрал со стола всё лишнее, оставив на нём только виноград в чашке, Евдокия Ефремовна поставила на стол чайник с заваркой и пиалы для чая.

– Мужики, садитесь за стол виноград кушать и чай пить, – позвала она мужа и сына.

Александру не хотелось вставать с кровати. Донимала возникшая слабость. От движений слегка проступал холодный и липкий пот. Но ему не хотелось огорчать родителей своим состоянием. Пересилив внезапно возникшую слабость, он встал с кровати, подошёл к столу. В этот момент произошло нечто ужасное. Он ничего не видел. Помня, где находится стул, он удачно сел на него. Стараясь не показывать родителям своего состояния и возникшую слепоту, Саша

закрыв глаза. Страх у него не было. Он боялся лишь одного, как бы мама не догадалась, что он ничего не видит.

– Шура, а ты, почему не ешь виноград? – спросила Евдокия Ефремовна сына, видя, что он не открывает глаза и не обращает внимания на виноград.

– Мне есть не хочется, потому что я хочу спать, – ответил Александр.

После этого, осторожно открыв глаза, он низко нагнул голову. По-прежнему, ничего не видно. Зная примерно, где стоит чашка с виноградом, Саша наугад протянул туда руку. Попал. Взяв одну виноградинку, он сделал вид, что рассматривает её. Вдруг он действительно увидел эту ягоду винограда. Он смотрел на виноградинку и видел её каким-то точечным зрением. Больше ничего не видел, только виноградинку. И та виделась ему не вся, а только её зелёная поверхность с прожилками под тонкой кожицей, казавшаяся ему в этот момент розовато-серой. Всё остальное вокруг было чёрным. Но это было уже кое-что. Александр поднял голову и посмотрел на стол. Темнота. Но в этой темноте было маленькое отверстие, в которое он смотрел, словно издали, и чуть, чуть видел то, что было за этим отверстием. Медленно ведя взгляд по столу, он нащупал им вначале бок чашки, а затем и виноград в ней. Отверстие в темноте стало чуть больше. Теперь Саша видел уже целую виноградинку, на которую смотрел.

Угостившись виноградом, он лёг спать. Темнота не проходила. Ему становилось страшно. Он боялся того, что мать догадается, что с ним. Александр понимал, что это состояние связано с ударом кирпича в затылок. Он, лёжа с закрытыми глазами, вновь мысленно пережил происшедшее событие и незаметно уснул.

Утром Александр проснулся и открыл глаза как обычно. Черноты и слепоты не было. Чувствуя прилив счастья и бодрости, он наслаждался утренними красками наступившего дня. Вставать не хотелось. Ему казалось, что если он встанет, то, вновь, как вчера, всё зальётся чернотой. Но нужно идти в школу. Родители уже собирались на работу.

Евдокия Ефремовна, проводив на работу Ивана Андреевича, принялась за сына.

Александр пришлось вставать. Сделал он это с большой осторожностью. Его опасения оказались напрасными. Он по-прежнему видел радужные краски утреннего света и в школу пошёл с отличным настроением. Ничего, что немного болела голова и шишка на затылке. Зато он чувствовал себя героем, который получил рану в бою с несправедливостью, но победил.

Страна жила событиями века. Впервые в истории человечества советские люди запустили ракеты в космос и вывели на орбиту Земли искусственный спутник. Эти события отразилось и на Александре. Раньше он полагал, что летать могут только птицы и самолёты. Теперь, когда в лексиконе людей появились слова «ракета» и «искусственный спутник» ему стало ясно, что летают в небе не только самолёты, но и непонятные пока для него ракеты и спутники.

В газетах и журналах помещались фотографии этих загадочных для Александра сооружений. Вглядываясь в их контуры, он пытался понять принцип их способности летать, но не мог. Отец, как мог, объяснял сыну принцип полёта ракеты, но эти объяснения были настолько туманными, что по-прежнему не давали Александру ясного представления о полёте ракет. Ему было ясно только одно, что спутник летает вокруг Земли на очень большом от неё расстоянии и никогда не упадёт на Землю.

Шло время. Наступала весна. В школе учителя организовали выставку творчества учащихся. Они объявили школьникам о конкурсе на лучшее рукоделие учащихся.

Все одноклассники Александра начали мастерить и рукодельничать, чтобы победить в конкурсе.

Взялся за дело и Александр. Подумав немного, он начал делать искусственный спутник Земли, летающий вокруг неё по орбите. Работа эта показалась ему лёгкой и незначительной. Саше казалось, что его творчество будет обычным среди поделок школьников и никак не заслужит внимания. Но ничего другого для изготовления, более привлекательного, придумать не смог.

Выстрогав ножом два деревянных шарика, один большой, размером с теннисный мяч, а другой маленький, как шарик настольного тенниса, Александр тщательно обработал их напильниками и наждачной шкуркой. Получились два аккуратных шарика, пусть не совсем круглых, но гладких и похожих на шары. По замыслу вырезал ножовкой небольшую деревянную подставку и, обработав её поверхности наждачной шкуркой, прикрепил к ней большой шар маленькими сапожными гвоздями. Получилась «Земля» на подставке.

Глядя на фотографию спутника в газете, Саша сделал из проволоки четыре уса антенн. Он, осторожно, вбил в тело маленького шарика их короткие, специально подогнутые концы. Спутник получился, ну точно, как на фотографии в газете. Осталось заставить его летать вокруг «Земли», стоящей на деревянной подставке.

Подумав немного, Саша выгнул водило из той же проволоки. Осторожно пробив сапожным гвоздиком отверстия в макушке «Земли» и в боку «спутника», он насадил на один конец проволоки «спутник». Вставив свободный конец проволоки в макушку «Земли», он получил желаемой сооружение.

Покрутив водило со «спутником» вокруг «Земли», Александр остался доволен своим изобретением. Старательно разукрасив «Землю» и «спутник» акварельными красками, он побежал в сарай-курятник. Там на полочке, висящей на стене, стояла бутылка с мебельным лаком. Покрыв лаком все поверхности своего изделия, Саша залюбовался своим рукоделием. Покрытое лаком, оно приобрело товарный вид.

Глядя на своё рукоделие, ему приятно было сознавать, что оно сделано его руками из простой доски и обыкновенной проволоки, которую он подобрал на улице. Он вновь видел результат своего творчества и труда.

Работа была закончена быстро. На всё производство потребовался всего один воскресный день. На следующий день, придя утром в школу, Саша отдал своё рукоделие Александру Константиновичу – классному руководителю. Отдавая своё изделие учителю, Саша был уверен в том, что его работа самая простая, и, самая неинтересная среди остальных поделок школьников и одноклассников. Чего только они не сделали. Были и парусные лодки, и танки, были и автомобили, и ажурные кружева фанерных выпиловки. Было много, чего, разного. Саша смотрел на поделки, которые принесли в школу другие ребята, и глаза у него разбегались от их большого разнообразия. От этого ему казалось, что его «спутник», летающий на проволоке вокруг «Земли», самый неинтересный и некрасивый среди всего этого игрушечного многообразия.

Когда Саша отдавал своё изобретение Александру Константиновичу, у него от волнения и начавшегося предварительного переживания за судьбу своего изделия слегка защеботало под ложечкой. В этот момент у него появилась потребность признания собственного труда другими людьми. Саша боялся, что его работа будет хуже других работ, и, впервые, почувствовал конкурентное переживание создателя.

Однако его волнения оказались напрасными. Александр Константинович пришёл в восторг от изобретения Саши.

– Это же надо так додуматься! Спутник летает вокруг Земли! – восхищался Александр Константинович, вращая пальцем «спутник» вокруг «Земли». – И как все, похоже! Молодец, Саша! Из тебя выйдет толк! Конструктором станешь, когда вырастешь!

Саша никак не ожидал такой похвалы. Это было выше его ожиданий.

Выставка рукоделий школьников длилась неделю. По общему признанию учителей и родителей «спутник» Александра, летающий вокруг «Земли», занял на этой выставке первое место. Это был единственный эпизод в его жизни, когда Александр, поддавшись общему настроению окружающих его людей, рождённому успехами в освоении космического пространства, на какое-то время отвлекся от рисования самолётов и изготовления их моделей. Но запуски в космос ракет и искусственных спутников Земли, а затем и полёты космических

кораблей с животными на борту вызывали у него только техническое любопытство. Самолёты были для его души ближе и дороже ракет и космических кораблей. Он уже имел возможность создавать свои собственные модели самолётов и строить их. Ему нравились их изящные и вместе с тем хрупкие конструкции, которые ощутимо летали по его воле и по его желанию. Выпуская свои модели в полёты, Александр как бы летал на них сам.

Это ни с чем несравнимое чувство было сильным и устойчивым. Это чувство подавило его мимолётное увлечение ракетно-космической техникой. Да и восьмилетний возраст слишком мал для серьёзных рассуждений в этой области техники. Романтика полётов одержала верх над детским разумом. Александр вновь стал рисовать свои самолёты и строить их модели. Эти модели летали, принося ему неопишное удовольствие. Случалось, они падали. Иногда падали по непонятным причинам. Это заставляло искать причины падений самолётов и планеров, которые, как правило, заканчивались серьёзными поломками.

Александр было жаль своего труда, и он старался «летать» аккуратно.

Поиски причин падений планеров и самолётов учили анализировать промахи в их конструкциях, учили думать.

Наступало лето. На полях вокруг посёлка зеленели свежие всходы хлопчатника. Небо над головой было бирюзово-голубым и манило в свою необозримую высь.

Таяли ледники в горах. Ледяная вода, сбегая с горных вершин в долину, наполняла реки силой жизни и весёлым шумом.

Заканчивалась учёба в первом классе. По всем предметам у Александра были отличные оценки. Первый класс он закончил, став круглым отличником.

Началось лето. Учёба в школе осталась позади. Первый раз в жизни у Александра были школьные каникулы.

Ещё когда шли занятия в школе, многие его товарищи поговаривали о пионерском лагере и строили планы на лето.

Александр не представлял себе жизни в пионерском лагере, но почувствовал, что это, что-то почти из взрослой жизни. Ему казалось, что в пионерском лагере должно быть интересно и как-то особенно. Не как в обычной, повседневной жизни. Для него это была неизведанная часть жизни. Ему хотелось узнать эту неизвестность. Хотелось почувствовать себя взрослым и побывать в пионерском лагере. При удобном случае он сказал об этом желании матери.

Сказано. Сделано. Отец с матерью и сами хотели отправить сына в пионерский лагерь. Его желание было исполнено. Иван Андреевич похлопотал о путёвке и приобрёл её для сына.

Время отъезда в пионерский лагерь пришло быстро и незаметно. Больших проводов Александру родители не устраивали. В нужное время Иван Андреевич отвёз сына в пионерский лагерь, который находился не очень далеко в горах.

Приехав в пионерский лагерь, Александр впервые в жизни оказался не только в новой для себя жизни в отдалении от родителей, но и впервые попал в горы, которые раньше видел только издали.

Пионерский лагерь находился у подножия скал, вызвавших у него особенное впечатление. Сам лагерь занимал небольшую площадь, если не считать дорогу от ворот лагеря до жилой территории. Ворота пионерского лагеря были символическими. Такое своё название «ворота» имели два сооружения, стоявшие по обеим сторонам дороги, да будочка для дежурных. Перед «воротами» густыми зарослями росла арча. Эти вечно зелёные, горные деревья Востока, напоминающие своей формой ели, окаймляли дорогу в лагерь от дальних предгорий до самых «ворот» пионерского лагеря. От «ворот», несколько петляя, дорога тянулась к городку лагеря. Почти до самых домиков лагеря, по обеим сторонам дороги, разбросались овраги и балки, в которых густо росли деревья грецкого ореха. Всё это Александр познал позже. Сразу же по приезду он был поражён величием гор, окружавших пионерский лагерь. Всё остальное было

менее грандиозным и не привлекало к себе большого внимания. Но величие гор было бы неполным без этих деревьев, оврагов и дороги, подчёркивающих красоту и величие скал.

Определив сына на место, Иван Андреевич уехал домой.

После отъезда отца Александр почувствовал себя самостоятельным и взрослым человеком. Папа и мама теперь были далеко от него.

За короткий остаток времени первого дня пребывания в пионерском лагере Александр успел познакомиться со многими ребятами из своего отряда. Некоторых мальчиков он знал и раньше. От присутствия старых знакомых создавалось впечатление обыденности. Но это было только в первый момент встречи старых знакомых.

Вечером Александра ожидало новое впечатление – заход солнца за горы. Если в своём родном посёлке он всегда видел горы освещённые солнцем с утра и до захода солнца, то здесь было совсем другое видение. К вечеру тёплое летнее солнце пряталось за вершины скал. Они сразу становились одноцветными и тёмными, и лишь только края вершин светились розовато-серыми оттенками красок, отражая солнечные лучи. Прямые солнечные лучи, охватывая горы ласковыми объятиями, расходились в стороны и устремлялись в прозрачную небесную высь.

На восточной стороне пионерского лагеря, в километре от городка, возвышалась большая скалистая гряда. На самой вершине скал находились причудливые каменные глыбы.

Глядя на них, Александру иногда становилось жутко. Казалось, что эти каменные глыбы могут упасть со скал и раздавить лагерь вместе со всеми его обитателями. Но это впечатление было обманчивым. Отвесные скалы и каменные глыбы на них прочно держались на своих местах и стояли так уже не первый свой век.

Пионерский лагерь жил по строгому распорядку дня. Больше всего Александру нравились утренние подъёмы с гимнастикой и умыванием в ледяной воде горного ручья.

Этот ручей бежал с горной вершины, начинаясь на одном из таявших ледников. Вода в нём была кристально-прозрачной. Этот ручей был не очень глубоким и, поэтому, на его дне сквозь воду были видны и каждая песчинка, и каждый камешек. Умыться в таком ручье было одно удовольствие. После утренней гимнастики и умывания у каждого из ребят возникала энергия бурной деятельности, которой всем с избытком хватало на весь день. Мальчики, увлечённые футболом, находили выход своей энергии. Футбольные баталии в лагере были бесконечными. Александру почему-то футбол большого удовольствия не доставлял.

В пионерском лагере не было мастерской. Это обстоятельство поставило Александра в затруднительное положение. Он не мог строить самолёты. Через несколько дней пребывания в лагере ему стало скучно без своих занятий. Он скучал не по маме и папе. Он скучал по своему любимому делу. Он уже не мог обходиться без него. Строить самолёты стало его потребностью.

Прожив так две недели в лагере, Александр, не дожидаясь окончания смены, попросился домой. Дома его ждало творчество и интересная работа.

Незаметно прошло два года. За это время больших событий в жизни Александра не было, если не считать появления на свет сестрёнки Вали, которая родилась во время его учёбы во втором классе и приём его в пионеры.

23 февраля, во время учёбы в третьем классе Александра и его товарищей приняли в пионеры. Этот день был знаменательным и тем, что это был День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Для всех ребят этот день был очень торжественным. Готовились они к нему заблаговременно.

Александр наизусть выучил торжественную клятву пионера, и каждый день повторял её вслух, опасаясь, что забудет какое-нибудь слово в нужный момент. Конечно же, забыть он никак ничего не мог, потому что глубоко понимал смысл самой клятвы и с большой ответственностью воспринимал своё вступление в пионеры.

В этот день выпало много снега. Была пасмурная и морозная погода. Такая погода обычно считается угрюмой, но на душе у Александра была необычная лёгкость.

Ребят принимали в пионеры после уроков второй смены.

Смеркалось. Пионерская дружина была построена в длинном коридоре школы. Напротив друг друга стояли две шеренги мальчиков и девочек с красными октябрятскими звёздочками на груди. Эти звёздочки ребята для себя делали сами. Вырезали из картона звёздочку и обшивали её красным материалом. Звёздочки у всех были разными по своим размерам, и даже, иногда по форме, но они всегда были сделаны своими руками и, поэтому, наверное, были для ребят красивыми.

По случаю приёма в пионеры, каждый из них сделал себе новую звёздочку. Накануне, вечером, пришивая звёздочку к школьной гимнастёрке, Александр ощущал сожаление, что больше не будет этим заниматься. Изготовление звёздочки и пришивание её к форме было реальным творчеством, где необходимо было и трудолюбие и старание. Предстоящее ношение пионерского галстука волновало, но со звездой октябрёнка Александру было жаль расставаться.

Пришло время, и Александр с товарищами встал в пионерский строй.

Давая торжественное обещание пионера, все ребята волновались. От волнения они звонко, но не совсем дружно, давали торжественное обещание Родине, что будут жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия.

Старшие пионеры повязали красные галстуки новым пионерам.

– Юные пионеры! К борьбе за дело коммунистической партии будьте готовы! – подал команду вожатый пионерского отряда.

– Всегда готовы! – торжественно поклялся вместе с юными пионерами весь пионерский отряд.

К концу учёбы Александра в третьем классе его отца перевели работать в древний город Бахкент.

Вся семья жила в ожидании переезда в этот город. Скоро это время наступило. Александр закончил третий класс. После завершения его учёбы в школе родители начали готовиться к переезду. Сборы были недолгими.

Приблизился день отъезда в Бахкент.

К вечеру тёплое летнее солнце пряталось за заснеженные вершины гор. После этого они сразу становились одноцветно-тёмными, и лишь только края вершин светились розовато-серыми оттенками, отражая затухающие солнечные лучи. Эти лучи, охватив горы ласковыми объятиями, расходились в стороны, устремлялись в прозрачную небесную высь.

Тёплым июньским утром к дому подъехали две грузовые машины.

Иван Андреевич вместе с водителями погрузил на них небольшой домашний скраб.

Накануне, на семейном совете, родители решили ехать в Бахкент через город Самарканд, а это значит через горный перевал. Можно было бы ехать в Бахкент по другой дороге через каршинскую степь. Там, как говорят, скатертью дорога. Но Евдокия Ефремовна решила повидаться со своими родственниками, которые жили в Самарканде. И пожить у них несколько дней, пока Иван Андреевич приведёт в порядок.

В полдень семья тронулась в путь.

В дороге Александр сидел в кабине вместе с матерью.

Серая лента дороги, извиваясь, стелилась под колёсами машины. Скоро её равнинная часть закончилась, и машины начали подниматься в горы. Массив гор становился всё менее приветливым. Всё чаще по обеим сторонам дороги возникали каменные исполины. Реже становилась растительность. Дорога становилась всё круче и круче. Движение машин замедлилось. Они двигались вверх по дороге со скоростью пешехода. Моторы автомобилей гудели

ровно и напряжённо. Их монотонный звук почему-то напомнил Александру звук закипающего на огне чайника. И от этого домашнего звука клонило ко сну.

Пейзаж дороги изменился. Слева высились серые отвесные скалы. Справа возвышались жёлтые земляные холмы с редким кустарником.

Скалы возвышались сразу у дороги, которая петляла между ними. Правая сторона дороги заканчивалась обрывом.

Монотонный гул мотора, медленное движение машины и однообразие пейзажа усыпили Александра. Однако спал он недолго.

Машины, наконец, добрались до перевала Тахта-Карача и, миновав его, остановились. Водителям нужно было отдохнуть после трудного подъёма в горах.

Красота перевала поразила Александра.

Справа в отдалении гордо возвышалась гора, на вершине которой белел ледник. Его прохладе все ощутили сразу же, как только вылезли из кабин машин. Приятно было ощущать прохладу в жаркий июньский день.

Машины стояли на небольшой площадке, которую, видимо, специально соорудили для подобных остановок. Место стоянки было очень удобным для отдыха. Вокруг зеленели деревья и кустарники. Отдыхая от трудной дороги в этом месте, приятно было любоваться сочетанием сочных красок созданных природой. В воздухе сказывалось отсутствие пыли. Не было её и на листьях растений и даже на камнях.

Александру вдруг бросилась в глаза высота, на которой они находились. Край площадки имел бетонное ограждение, а за ним на небольшом расстоянии россыпь каменных валунов. Сразу за ними была пропасть. Ощущая неприятный холодок страха, он, держась за руку отца, заглянул вниз.

Где-то далеко внизу начиналась их дорога. Она, извиваясь словно змея, вилась и поднималась от предгорья всё выше и выше к их площадке. Внизу, в самом начале подъёма дороги к перевалу, двигались автомашины. Все они были похожи на маленьких муравьёв, ползущих по дороге.

– Вот так, наверное, видят землю и лётчики, летящие на самолёте высоко в небе, – подумал Александр.

Весь этот осмотр он делал под присмотром матери, несмотря на то, что отец был рядом с ним. Евдокия Ефремовна сама не решалась приблизиться к обрыву и глянуть вниз. Она не дала сыну вдоволь налюбоваться красотой высоты. Мать взяла Сашу за руку и повела его к роднику, который пробивался у дороги прямо из скалы.

Александру очень хотелось пить. Он с удовольствием сделал бы несколько глотков, но пить холодную воду Александру не разрешила мать. Вода в этом роднике была ледяная и она боялась, что сын может заболеть ангиной. Она напila сына чаем из термоса.

Немного отдохнув, и, размявшись, семья продолжила свой путь в Бахкент.

Теперь машины с домашним скарбом спускались с гор. Это было, как казалось Александру, дело простое. Машины вниз катились сами. И катились значительно быстрее, чем поднимались в горы. Вскоре дорога вновь побежала по равнине среди хлопковых полей. Её узкая серая лента, расширяясь, издали набежала на машины и исчезла где-то далеко позади.

Скоро показались дома населённого пункта. Их становилось всё больше. Дома стояли на берегу небольшой, но быстрой реки. Это была окраина Самарканда. Вскоре машины ехали по городу. Из-за глинобитных домиков, которые облепили дорогу, окраина Самарканда была похожа на большой кишлак. Но это было лишь первое впечатление от увиденного. Глиняные дувалы, то есть заборы, и глинобитные домики быстро закончились, уступив место большим многоэтажным домам.

Машины приближались к центру города.

Перед отъездом Евдокия Ефремовна предупредила родственников о своём приезде, послав им телеграмму за день до отъезда. Они ждали её приезда.

Наконец машины остановились у большого кирпичного пятиэтажного дома. Мимо остановившихся машин часто проезжали трамваи, громяхая колёсами по рельсам. Пылили красные автобусы, обдавая прохожих выхлопными дымами и парами бензина. Недалеко виднелась небольшая площадь с кинотеатром. Это был самый центр города Самарканда.

Путешественников встретила сестра Евдокии Ефремовны.

– Шура, это тётя Лёля! – сказала Евдокия Ефремовна, представляя сыну свою сестру.

Родственники обнялись и расцеловались. Александр своих самаркандских родственников совсем не помнил, потому, что видел их давно, когда был ещё совсем маленьким.

Тётя Лёля повела всех в свою квартиру.

Иван Андреевич не стал долго задерживаться в гостях и, немного отдохнув вместе с шоферами, вновь тронулся в путь. Время перевалило за полдень. А он хотел успеть засветло в этот же день доехать до Бахкента.

Иван Андреевич уехал, а Шурик вместе с матерью остался гостить у тёти Лёли.

В небольшой квартире тёти Лёли был идеальный порядок и чистота. После яркого солнечного света, летнего зноя и шума автомобильного мотора в комнате было прохладно, темно, тихо и уютно. Евдокия Ефремовна и дети устали в дороге. Дочка Валя почти всю дорогу была у неё на руках и большую часть времени спала. Она была ещё совсем маленькая. Вале шёл всего только второй год жизни.

Александр не смог справиться с навалившейся на него дремотой и уснул, едва пообедав. Вечером его будить не стали. Выспавшись всласть, он проснулся рано утром чуть свет. Светало. Слабый утренний свет голубым потоком вливался в комнату. Все ещё спали.

Проснувшись, Александр некоторое мгновение не мог понять, где он находится. Пробуждение в незнакомой обстановке было новым для него ощущением.

Окинув комнату взглядом, он вспомнил, что вся их семья переезжает в другой город, а он сейчас вместе с сестрёнкой Валею и матерью находится в гостях у тёти Лёли в Самарканде.

Александр лежал на кожаном диване, от которого исходил приятный запах. Наслаждаясь тишиной и уютом, он вновь было задремал, но за окном простучали колёса трамвая. За ним проехал другой трамвай. Прошумела машина. Это были новые, непривычные для слуха звуки.

Прислушиваясь к этим звукам Александр, проснулся окончательно.

Евдокия Ефремовна с детьми прогостила у сестры три дня. И все эти дни они ходили в гости к другим родственникам, которых в Самарканде было много.

Александра везде обнимали, целовали и тормошили, как будто он был чем-то особенным. Это раздражало его, и он начинал сердиться.

Больше всего Саша был рад встрече с бабушкой, которая жила у дяди Шуры. Бабушка любила внука, и он отвечал ей взаимностью. При любом удобном случае Александр упрашивал мать отвести его к бабушке.

Вместе с бабушкой они потихонечку гуляли в городском парке или шептались по всяким только им известным секретам.

Город Самарканд интересовал Александра мало, поэтому за три дня пребывания в нём он его практически и не увидел. Ему достаточно было быть с бабушкой, которую он хорошо знал, но давно не видел, и по которой скучал последнее время.

Три дня пролетели быстро, как один день. Настало время уезжать.

Евдокия Ефремовна взяла билеты на самолёт и стала готовиться к дальнейшей дороге к новому месту жительства. Завтра они полетят на самолёте в Бахкент. Она и не предполагала, что в этот момент сбылась давняя мечта её сына.

Сбылась мечта Александра. Завтра утром он полетит на самолёте! Сколько раз мысленно он уже летал на самолёте! Сколько раз представлял себя в кабине самолёта! И вот, наконец, завтра он поднимется в воздух!

Он с нетерпением и волнением начал ждать этого мгновения. Чтобы быстрее пришло утро, он вечером после ужина пораньше лёг спать. Утром чуть свет Александр проснулся. В его душе вновь появилось ощущение путешествия и дороги. Боясь опоздать на самолёт, он осторожно разбудил мать.

– Ещё рано, сынок! – сказала Евдокия Ефремовна, посмотрев на часы. – Поспи ещё немного. Не бойся, мы не проспим. Я завела будильник. Он нас разбудит в нужное время. Тётя Лёля поедет нас провожать. Ложись на диван и поспи ещё.

Александр снова прилёг, но ему лежать совсем не хотелось. Хотелось что-то делать и готовиться к дороге. Но делать было нечего. Чемоданы и дорожные сумки были приготовлены с вечера и стояли наготове.

Полежав пять минут, он решительно встал и начал умываться из умывальника, гремя его клапаном. От этого шума проснулись все. И сразу началось движение.

Прошло совсем немного времени и вот, наконец, Александр в аэропорту Самарканда.

Автобус остановился у высокого здания с большими окнами. В нём находился зал ожидания. С лётного поля веял прохладный ветерок. Вдали виднелись горные хребты, в которых затерялся тот перевал, за которым остался его родной посёлок и приятели детства.

Евдокия Ефремовна с детьми и с сестрой остановились и присели в небольшой беседке. Вокруг было много зелени. На клумбах росли и алели бутоны роз и других цветов. Эти цветы своим душистым ароматом заполнили всё вокруг.

Место в беседке было очень удобным для отдыха и обзора окрестности.

Не обращая внимания на суету взрослых, и, забыв всё на свете, Александр всецело был поглощён аэродромом.

На аэродроме стояло несколько самолётов Ил-14 и штук десять самолётов Ан-2. Саша безошибочно определял марки стоявших самолётов, потому что уже хорошо знал по картинкам контуры всех отечественных самолётов.

В небольшом отдалении от беседки находилась взлётная полоса, которая напоминала Александру дорогу. Лишь со временем, через годы, он понял, что это и есть дорога. Дорога в небо!

А сейчас он сидел на деревянной скамейке и смотрел на лётное поле. По размерам оно было похоже на лётное поле в покинутом ими посёлке, но выглядело зеленее. На нём было много травы, на фоне которой серебристые и желтые борта самолётов сверкали на солнце, выделяясь на зелёном поле аэродрома. У самолётов ходили люди. Одни из них возились под самолётами, что-то там делая. Другие, откинув капоты двигателей, тоже что-то делали в них.

Александр понимал, что эти люди готовят самолёты к полётам и от этого проникался к ним огромным уважением и большой доброй завистью. Ему хотелось быть рядом с ними и тоже трогать, гладить самолёты своими руками.

На одном из самолётов запустили двигатель.

Этого момента Александр не успел заметить. Он услышал лишь звуки выхлопов, да увидел сверкающий диск воздушного винта на одном из Ан-2.

Ему показалось, что самолёт сразу покатится, чтобы взлететь в небо, но он ошибся. Он долго ожидал этого момента, но самолёт стоял на месте, урча мотором на разные голоса.

Александр не понимал, почему так сильно работает мотор, а самолёт не двигается.

К звуку мотора этого самолёта прибавился ещё один звук, но более высокий. За ним ещё и ещё. Вот уже несколько самолётов стоит с работающими моторами, выплёвывая голубовато-серые хлопья дыма. Но все эти самолёты стояли на месте.

Александр был разочарован.

От шума моторов в беседке стало шумно. Взрослые поднялись, чтобы пойти в зал ожидания. Там было тише и можно было спокойно поговорить.

От шума стала беспокоиться себя вести Валя. Мать, боясь, что дочь разревётся, заторопилась в зал ожидания.

Александр очень не хотелось уходить. Он дышал аэродромным воздухом и видел самолёты. Ему хорошо было в этой беседке. Однако, мать слушать его не стала и они все вместе с тётей Лёлей направились в здание аэропорта.

Уходя, Александр увидел как из-за самолёта Ан-2, стоявшего дальше всех, вдруг выкатился маленький Як-12. Присмотревшись, Александр увидел ещё несколько таких же самолётов.

Солнце поднялось ещё невысоко и поэтому его лучи не доставали до стоянки самолётов Як-12, стоявших в тени высоких тополей.

Окрашены они были в зелёный цвет и поэтому сливались с травой.

Самолёт, к большому удовольствию Александра, сверкнув в лучах восходящего солнца диском винта, развернулся и резво побежал к взлётно-посадочной полосе.

Трава за ним, низко пригибаясь, игриво колыхалась в воздушном потоке винта.

На взлётной полосе самолёт на секунду замер, а потом, рванувшись вперёд, взмыл ввысь. Взлёт самолёта произошёл очень быстро.

Провожая взглядом улетающий самолёт, Александр в душе хотел, чтобы ещё хоть разок взлетел другой самолёт. Долго ему ждать не пришлось. За первым самолётом в небо поднялся другой, за ним третий. Начался лётный день.

Видя, что Александра не увести в зал ожидания, мать оставила его в беседке, наказав строго-настрого сидеть на месте и никуда не уходить.

А куда ему было идти? Он находился на самом интересном месте и ничего не слышал и не видел кроме самолётов на лётном поле.

Вскоре на перроне к зданию аэропорта подрулил самолёт Ил-14. Это был самолёт, который полетит в Бахкент.

Коротких минут расставания родственников Александр не заметил. Не до этого было. Ему хотелось скорее занять место в самолёте.

Наконец он с матерью и сестрёнкой поднялись по трапу, и подошли к входной двери в самолёт.

– Проходите, пожалуйста! – стюардесса, улыбаясь пассажирам, пригласила их в самолёт. Александр вошёл в самолёт первым.

В салоне приятно пахло лаком. Веяло каким-то особенным уютом. На кресла были одеты белоснежные чехлы.

Ступая по мягкому коврику, лежащему на полу между креслами, Александр прошёл вперёд, выбирая себе место. Сел к окну в первом ряду и взглянул в окно.

Окно было квадратное и имело небольшие размеры. Однако, оно было удобным для обзора. Это Александру понравилось. В окно он видел крыло, которое было ниже и чуть позади него. Под крылом зеленела трава.

Радостное волнение предстоящего полёта охватило Александра.

Мать с Валею сели рядом. Пассажиров было немного, поэтому все быстро расселись по своим местам.

Девушка в лётной форме, а попросту стюардесса, поздоровавшись с пассажирами, объявила, что все они сейчас полетят в Бахкент и раздала всем конфеты.

Для Александра всё происходящее было как в сказке, необычно. Взяв горсть конфет с подноса стюардессы, он удобнее устроился в кресле. В окно было видно, как убрали от самолёта трап. Молодой парень в лётной форме, похожий на лётчика, захлопнул входную дверь и прошёл в кабину.

Выплюнув клубы сизого дыма, заработал левый мотор, который Саша видел в окно. За ним следом заработал правый мотор. Об этом ему сказала мать и показала пальцем на вращающийся винт, видневшийся в противоположном окне салона. Самолёт немного дрожал. Рокот моторов был сильным, но не мешал разговаривать. Моторы сильно загудели. Саша неотрывно смотрел в окно. Самолёт дрогнул и медленно покатился. Трава побежала под крыло.

– Мама, мы поехали! – с восторгом воскликнул Александр.

Самолёт, легонько качая крыльями, катился к взлётной полосе. Где-то справа мелькнуло здание аэровокзала и пропало. Урча моторами, самолёт быстро катился по полю, мягко подпрыгивая на кочках и неровностях аэродрома.

От этой езды Александру казалось, что вовсе это не самолёт. Езда напоминала ему поездку в автобусе. Только крылья, весь размах которых был перед его взором, говорили ему, что он в самолёте.

Трава быстро закончилась. Самолёт выкатился на ровную асфальтированную дорогу.

Вскоре самолёт остановился. Винты, вращаясь, с обеих сторон образовали большие прозрачные круги. Самолёт стоял на месте, но он легонько дергался и рвался вперёд. Вдруг моторы взревели во всю свою мощь. Александра мягко прижало к спинке кресла. Самолёт быстро покатился вперёд, быстро набирая скорость.

Саша безотрывно смотрел в окно, боясь прозевать момент отрыва самолёта от земли. Но как он, ни старался, все, же прозевал взлёт.

Вначале самолёт подпрыгивал и трясся при разбеге. Потом тряска стала меньше. Асфальт взлётно-посадочной полосы быстро тёк под крылом, превратившись в тёмно-серый поток. Вдруг всё разом ушло куда-то вниз. Тряска сразу прекратилась. Быстро удаляясь от самолёта, уменьшалась в размерах взлётная полоса. Она закончилась через несколько мгновений после взлёта, но Саша продолжал смотреть на неё, прильнув плексигласу иллюминатора.

У него заложило уши, но проглатывая конфетную сладость, Александр почувствовал, как снялось это ощущение. Он понял, что конфеты нужны именно для этого, а не просто, как подарок пассажирам. Заглядывая сквозь иллюминатор назад, он видел часть серебристого стабилизатора, под которым вдали плавно колебался туманно-дымчатый горизонт. Земля, расцвеченная внизу зелёными узорами полей, медленно уплывала под крылом. Пролетели над дорогой. По ней двигались автомобили. Они сверху казались игрушечными, как в горах на перевале, когда Александр смотрел на них сверху с площадки перевала. Такими же маленькими ему казались и домики кишлаков, над которыми пролетал самолёт. Змеёй извивалась и блестела в лучах солнца река Зеравшан. Горизонта видно не было. Земля вдали растворялась в дымке. Моторы гудели ровно и монотонно. Но эти звуки не были похожи на однообразное завывание машины, которая забиралась в гору. В звуках самолётных моторов слышалось пение, и ощущалась сила.

Самолёт летел около часа то, проваливаясь куда-то вниз, то взмывая вверх. От проваливания вниз у Александра по телу растекалась приятно-щекотливое ощущение, с которым он расставался с сожалением при взмывании самолёта вверх. Он чувствовал, что его слегка вдавливало в кресло. В это мгновение ему казалось, что он становился тяжелее.

Болтание самолёта то вверх, то вниз доставляло ему удовольствие.

Но не все пассажиры с таким наслаждением переносили этот полёт.

Позади Александра сидел полный дядька с усами. Когда самолёт ещё стоял на земле этот дядька всё время шутил и смеялся. Лицо у него было добрым и весёлым. Но во время полёта и, особенно во время болтанки этот дядька тихонько стонал и охал.

Когда Александру надоели эти вздохи, он обернулся и взглянул на него. В дядьке нельзя было узнать того весёлого добряка, который смеялся и шутил перед полётом. Лицо у него побледнело и сморщилось. Усы провисли.

Александр мысленно пожалел этого дядьку. Дядька не ощущал прелести полёта так, как ощущал его Александр. Они были разными людьми. А этот дядька вернее всего никогда не мечтал о полётах.

Сестрѐнка Валя спокойно сидела у матери на руках. Евдокия Ефремовна, уставшая от утренней суеты, дремала. Увлечѐнный и поглощенный полѐтом Александр не тревожил её.

Вновь стало закладывать уши.

Самолѐт заметно опустил нос к горизонту. Он снижался. Под крылом проплывали зелёные поля хлопчатника изрезанные каналами и арыками.

Самолѐт летел совсем низко. Его лёгкая тень скользила по земле, всё больше увеличиваясь в размерах. Земля была совсем рядом. Под самолѐтом уже не плыли, а проносились разные пейзажи, дома, сады.

Посмотрев вдоль крыла на горизонт, Александр увидел, что самолѐт был уже почти на земле. В этот момент самолѐт колѐсами коснулся земли.

От толчка самолѐта Евдокия Ефремовна очнулась от дремоты и поправила сидящую на её руках Валу.

Пробежав небольшое расстояние по аэродрому, самолѐт остановился. Затем снова взревели моторы, и самолѐт развернулся и быстро покатился куда-то. В иллюминатор Александр увидел невысокое здание среди деревьев.

Самолѐт опять развернулся и Александр понял, что это здание аэропорта.

Вскоре самолѐт остановился. Двигатели умолкли. Стало необыкновенно тихо. Пассажиры прилетели в Бахкент. После минутной тишины все стали суетиться, собирая багаж и личные вещи. И вот, наконец, они вышли из самолѐта на перрон. Собственно это был даже не перрон, а также как и в Самарканде, лѐтное поле. Только на нём не было травы. Была серая пыль. И всё вокруг выглядело как-то пустынно. И краски были преимущественно серыми. Сказывалось отсутствие жёлтой травы.

Перед пассажирами было кирпичное одноэтажное здание, то, которое Александр заметил из самолѐта. Оно стояло среди невысоких деревьев. Над входом в здание висела голубая вывеска. На ней большими белыми буквами было написано «Бахкент».

Евдокия Ефремовна с детьми прибыла к новому месту жительства семьи.

За оградой, отделявшей лѐтное поле от этого здания, Евдокия Ефремовна мужа не увидела.

– Папа нас не встретил! – сказала она детям. – Он, очевидно, занят работой. Мы сами найдѐм куда ехать. Я не сообщила ему, что мы сегодня прилетим на самолѐте. Поэтому он нас не встретил. К тому же, он только начал работать на новом месте, и ему было бы неудобно уходить с работы, чтобы нас встречать.

Обойдя здание, Евдокия Ефремовна с детьми оказалась на привокзальной площади аэропорта. Там была остановка автобуса. Вскоре они уже ехали на автобусе в город.

Аэропорт был расположен недалеко от города. Меньше чем через час семья была в нужном им месте нового для них города. Было жарко. В Бахкенте было значительно жарче, чем в Самарканде, и, тем более, в Китабе.

Они остановились в небольшой беседке одноэтажного здания напротив конторы мелькомбината, где сейчас работал Иван Андреевич. В эти минуты он и не догадывался, что его семья в полном составе находится сейчас совсем рядом. Если бы он выглянул в окно в эту минуту, то увидел бы их. Отца с семьѐй разделяла только асфальтированная старенькая автодорога.

Евдокия Ефремовна оставила Александра с чемоданами и сумками в тени беседки, наказав строго-настрого никуда не уходить, а сама пошла искать Ивана Андреевича.

Когда семья воссоединилась, выяснилось, что дом, где теперь они будут жить, совсем рядом. До дома было не больше двух сотен шагов. Скоро семья была в своей квартире.

Дом, в котором теперь предстояло жить, показался Александру большим, по сравнению с тем баракком, в котором они жили до переезда. В этом доме было три подъезда, а сам он был двухэтажным.

Июньское солнце светило очень ярко. От этого Александру казалось, что всё вокруг по-прежнему имеет жёлтую окраску. И, несмотря на наличие небольшого полисадничка перед домом, и виднеющейся из окна рощицы, округа показалась ему выжженной солнцем.

Квартира, в которой теперь предстояло жить, Александру понравилась. После комнатки в Китабе эта квартира казалась ему огромной. В ней было две большие комнаты и одна маленькая комнатка, кухня и большая веранда. Квартира находилась на первом этаже.

Иван Андреевич к приезду семьи успел сделать небольшой декоративный ремонт квартиры и уже расставил всю нехитрую мебель. Семья приехала, когда всё было подготовлено для нормальной жизни.

После яркого солнца и ужасной жары в комнатах было темно и прохладно. Толстые кирпичные стены защищали от жары. Приятно пахло свежей краской. Теперь это был новый дом для Александра и членов его семьи. Им всем теперь предстояло жить в этом доме.

Пообедав, отец ушёл на работу, а Александр с матерью, разобрав привезённый багаж, отдыхали после дороги и пережитых волнений.

Александра переполняли чувства от пребывания на незнакомом новом, но уже родном месте. Отдыхая, он набирал силы для долгой и интересной жизни в этом древнем и в то же время новом для него городе, имя которого Бахкент.

Осваивая новое местожительство, Александр три дня не выходил из дома. Всё это время он чувствовал себя не совсем здоровым, ощущая какую-то слабость. Его клонило полежать. Матери он ничего не говорил. Знал и чувствовал, что всё это скоро пройдёт. Ему было грустно. Рядом не было друзей, от которых он уехал далеко и, наверное, навсегда.

На состояние Александра, повлияла перемена климата. Всё, как-то, было по-другому.

Все эти дни он читал книги и переносился воспоминаниями в свой первый полёт на самолёте. Изредка наблюдал прилегающие окрестности, которые были видны из окон квартиры. Напротив, стоял точно такой же двухэтажный кирпичный дом. Между двумя домами, растянувшись во всю их длину, рос небольшой садик. Деревья в нём были разные. Росли здесь и тутовые деревья, и белая акация. Этот садик был убежищем обитателей двора от жары. Днём было жарко. Деревья, росшие позади дома прямо перед окнами, надёжно закрывали комнату от ярких обжигающих лучей солнца.

Наступило самое жаркое время года. Июль. За окнами во всей своей силе обжигающего солнца стоял июльский зной.

В сотне метров от дома виднелась довольно большая зелёная роща. Деревья в ней были высокие, но все молодые и тонкие. Это был городской лесопитомник.

По вечерам, когда жара спадала, двор между домами наполнялся весёлыми криками местной детворы и разговорами жителей домов. Одни отдыхали после работы. Другие затевали шумные игры, наслаждаясь летними каникулами.

Шумные игры сверстников привлекали Александра. Через три дня после приезда, перебивая слабость, он вышел во двор.

В небольшом удалении от него на большой скамейке сидела ватага ребят.

Александр стоял у подъезда под его козырьком и не знал, как ему поступить, как себя вести. Всех этих ребят он видел через окна квартиры и от родителей уже знал, что все они живут здесь, в этих домах. Но он ещё не знал их и не решался к ним подойти.

Мальчики с интересом и любопытством наблюдали за новым соседом. Это продолжалось недолго.

– Эй, ты, пацан! – крикнул Александру самый старший из них. – Иди сюда! Будем знакомиться!

Александр подошёл к мальчикам.

– Здорово! – Старший мальчик протянул ему руку и кивнул на окна квартиры. – Ты, что, здесь теперь живёшь?

Александр молча, кивнул головой в ответ, с интересом рассматривая своих новых друзей. То, что они отныне будут его друзьями, он несколько не сомневался.

Старшему из них было лет тринадцать. Он представил Александру всех сразу, выпалив очередь их имена.

– Знакомься! Это Фарид, это Рашид, это Альберт, это Алик, это Витька, это тоже Витька! Это Толян, это Юрка! Ну, а я, тоже, Рашид! Как тебя звать?

– Саша, – ответил Александр и улыбнулся.

Ему стало хорошо. Теперь он был с друзьями. Старше него были только Рашид с Фаридом. Да и то не на много. Все остальные были сверстниками.

Все оставшиеся дни лета дворовые ребята, а вместе с ними и Александр, затевали различные подвижные игры, после которых возвращались домой грязные до неузнаваемости. Основной игрой у них была игра в казаки-разбойники. В этих играх принимали участие и девочки со двора. Их было тоже много.

Во время игр и в постоянном общении со всеми ребятами и девочками Александр познакомился с ними и подружился. Они приняли его в свою компанию, как равного.

Александр понемногу изучил их характеры и особенности.

Из девочек наиболее выделяющимися была Нинка Учайкина и две сестры – Ленка и Ирка Шумейко. Они были самыми подвижными и весёлыми.

Казакам-разбойникам не всегда удавалось отыскать их, а отыскав поймать. Они же, наоборот, находясь в роли казаков-разбойников, легко справлялись со своими задачами, утирая, таким образом, носы мальчишкам со двора.

Из ребят Александру ближе всех были Толик Мартанов и Виктор Учайкин. Они склонны были к техническому творчеству. Это сблизило и подружило их с Александром.

Лето прошло быстро. За футбольными баталиями и играми в казаки-разбойники Александр почти не вспоминал о своих самолётах. Лишь иногда гуляя по городу, он думал о новых конструкциях. В общении с соседскими ребятами он ощущал новые для себя чувства. Александра тянуло на улицу к друзьям и он, забыв про всё на свете, проводил с ними всё свободное время.

Ближе к началу занятий в школе двор всё чаще затихал. За лето, проведённое вместе, дворовые друзья, наверное, устали друг от друга. В этот период времени ребята сгруппировались в несколько отдельных компаний по интересам. Вместе всех объединяла только общность их двора. И, несмотря на то, что эти группы теперь держались друг от друга несколько обособленно, тем не менее, ребята всё равно были вместе. И, если требовалось, защищали честь и достоинство, как своего двора, так и каждого из них, от посягательств со стороны таких же, как и они, ребят с соседних дворов.

Начало занятий в школе значительно уменьшило общение ребят между собой. У всех появились заботы. И, хоть в первые учебные дни они по-прежнему по вечерам носились в ближайших окрестностях, это были уже не те игры, какие были в разгар лета. Это приятное совсем недавно времяпровождение уже не наполняло их детские души той беззаботностью, которая была на каникулах.

Учёба в школе на новом месте началась для Александра своеобразно. С классом он познакомился и подружился быстро, но почему-то стал всего стесняться и чрезмерно скромничать. Учился он добросовестно по всем предметам. На уроках знал всё, что требовалось знать, но отвечал на вопросы учителей с большим трудом, краснея, при этом, так сильно, что сам начинал чувствовать, как горит лицо.

Отвечая на вопросы у классной доски, он стеснялся своих товарищей-одноклассников.

Волнуясь, он делал ошибки в своих ответах и от этого волновался ещё больше.

Ему не хотелось быть таким стеснительным, но он ничего не мог с собой поделать. Ему не хватало чего-то, но чего, он не мог понять.

Александр хотелось уединиться от всех и быть одному, но его, как назло, одноклассники выбрали председателем Совета отряда класса.

А это была уже работа.

Кроме учёбы Александр должен был организовывать общественные пионерские дела в своём отряде. Дел этих было много. Общественная работа помогла ему преодолеть в новом школьном коллективе возникшее стеснение и робость.

За лето он основательно изучил основную часть города. В самом его центре находился Дворец пионеров. Летом Александр иногда проходил мимо него, мечтая о том, когда будет ходить сюда в авиамодельный кружок. Здание Дворца пионеров казалось ему, привыкшему к маленьким домикам Китаба, большим и внушительным. Раньше ему не часто приходилось видеть подобные здания. По меркам того времени оно действительно было большим. Для детей в нём были созданы все условия для творчества и занятий спортом.

Перед Дворцом пионеров на небольшой площадке усаженной цветами стояли две статуи. Они изображали Пионера и Пионерку. Пионер держал в руках модель самолёта, а у девочки пионерки в руках был голубь.

Глядя на статую Пионера, Александр мечтал, что вот также будет держать свой самолет, сделанный своими руками в этом красивом здании.

Здание Дворца пионеров было четырёхэтажным и имело четыре мощные колонны у входа в него. В верхней части фасада, над колоннами, во всю длину здания большими выступающими из стены буквами было написано «Дворец пионеров» и были сделаны разные гипсовые фигурки, изображающие детское творчество.

Летом Дворец пионеров не работал. Это огорчало Александра. Ему нравилось приходить сюда. Здесь было чисто и красиво. Вокруг стояли четырёхэтажные дома. Улицы вокруг Дворца пионеров были прямыми и утопали в зелени деревьев.

Напротив Дворца пионеров располагалось большое футбольное поле, куда он с отцом приходил смотреть на игру футболистов местной команды с приезжими футболистами.

С началом занятий в школе начал работать и Дворец пионеров.

Александр, не теряя времени, сразу пришёл сюда, чтобы осуществить свою мечту. В авиамодельный кружок его приняли сразу. Ходить на творческие занятия он должен был три раза в неделю.

Помещение кружка авиамodelистов было просторным и светлым. В воздухе летали запахи красок, клея и ещё чего-то знакомого, но чего он вспомнить не мог.

Ребят в кружке было немного. Была даже одна девчонка. Все они, как и Александр, пришли сюда впервые и, поэтому, были друг с другом незнакомы.

Авиамодельная лаборатория находилась на четвёртом этаже.

Бегом, поднимаясь по лестнице, Александр догнал высокого худощавого человека.

– Ты куда бежишь? – спросил этот человек Александра.

– В авиамодельный кружок хочу записаться, – пояснил Александр.

– А в каком классе ты учишься?

– В четвёртом. В школе имени Ленина.

– А учишься хорошо? В авиамодельный кружок у нас принимают только тех, кто хорошо учится.

Александр пожал плечами. Говорить этому дяде, что он учится хорошо, Александру показалось глупым.

– Учусь я хорошо, – помолчав секунду, ответил он всё-таки. – А двоечники к вам и сами не придут. У них интересы другие.

Александр догадался, что этот человек имеет прямое отношение к авиамodelьному кружку и не ошибся. Это был руководитель авиамodelьной лаборатории Дворца пионеров. Звали его Махмудом Хамраевичем. На вид ему было лет двадцать семь.

Ответ Александра ему явно не понравился.

– Ну, ну. С характером ты, однако! – Махмуд Хамраевич посмотрел на парня выразительным взглядом полным презрения. – Ладно. Пошли в твой кружок. Что ты собой представляешь, увидим дальше.

Александр стало не по себе и от услышанных в свой адрес слов, и от взгляда, которым его наградила руководитель авиамodelьной лаборатории Дворца пионеров. Однако, войдя в помещение лаборатории, он забыл про всё. Саша находился в упоении от сознания, что теперь сможет здесь творить, изобретать и строить модели своих самолётов. В лаборатории были все условия для этого. Главное, здесь были всякие материалы, которых ему всегда не хватало в его творчестве, и, которые он был сам вынужден искать и изготавливать.

Первое занятие было теоретическим.

Все кружковцы расселись за рабочими столами и верстаками.

Махмуд Хамраевич с важным видом сел напротив ребят за свой стол и начал рассказывать им об авиации.

Рассказ его был скучен и неинтересен. Это было видно по лицам ребят, сидевших в лаборатории.

Весь рассказ Махмуда Хамраевича был пропитан не романтикой полётов, не любовью к авиационным профессиям, а к выгоде работы в авиации. В завершение своего рассказа Махмуд Хамраевич мелком на небольшой доске, висевшей на стене между окнами, нарисовал профиль нервюры.

– Так выглядит сечение крыла, – сказал он. – Как видите, нижняя часть крыла прямая, а верхняя кривая. Когда ветер от пропеллера дует на крыло, то под крылом образуется давление воздуха и, поэтому, самолёт начинает подниматься в воздух.

Александру не понравилась такая «теория». Он не выдержал и, желая убедиться в том, что Махмуд Хамраевич не разбирается в авиации, спросил его: «А как самолёт двигается вперёд?»

Важно посмотрев на ребят, Махмуд Хамраевич начал рисовать самолёт на доске.

Нарисованный самолёт получился некрасивым. Не было в нём ни изящества линий, ни стремительности, ни современности. Но это не было главным. Бросалось в глаза то, что на носу самолёта был нарисован большой пропеллер, который отдалённо напоминал вёсла, торчащие по бортам лодки.

Александр ждал рассказа специалиста о движении самолёта.

– Когда пропеллер крутится, то позади самолёта поднимается пыль, которая становится, как бы стеной. От этой пыли самолёт отталкивается тем ветром, который образует пропеллер, – показывая рукой на изображённый самолёт, сказал Махмуд Хамраевич.

Александр больше не мог слушать Махмуда Хамраевича. Он увидел, что руководитель авиамodelьной лаборатории вообще не разбирается в авиационной теории.

– Самолёт не отталкивается от пыли! – не выдержал и заявил Александр. – Его тянет вперёд пропеллер, который называют воздушным винтом, потому, что он ввинчивается в воздух.

Махмуд Хамраевич вновь посмотрел на Александра таким же взглядом, каким смотрел на него на лестнице при их первой встрече.

Занятия на этом закончились. Махмуд Хамраевич отправил ребят по домам.

Через день, когда Александр вновь пришёл в лабораторию, то увидел, что ребят в ней стало меньше.

– Эти модели вам предстоит построить самостоятельно. Разберитесь в чертежах, как следует, – сказал Махмуд Хамраевич и выдал каждому по схематическому чертежу. – Если кому-то что-то будет непонятно, спрашивайте.

С этими словами он направился к выходу из лаборатории.

– Я скоро приду! – остановившись в дверях, добавил он.

Махмуд Хамраевич ушёл, а ребята, предоставленные самим себе, шумно начали обсуждать достоинства и недостатки моделей самолётов и планеров, плакаты которых были развешаны на стенах. Скоро это занятие всем надоело. Мальчики уселись за столами и молча, пытались разобраться в линиях чертежей.

Александр досталась схематическая модель планера. Чертежи он уже чертил сам, создавая свои модели, поэтому разобраться в предложенном чертеже ему не составило труда. Взглянув на линии чертежа, он сразу определил, что это самая, что ни есть, простейшая модель планера. Эта модель относилась к серии тех моделей, которые Александр строил года два назад. В настоящее время он пытался конструировать более сложные модели и давно вынашивал планы построить «муху». «Мухой» он называл планер без горизонтального оперения.

Из-за отсутствия реек он долго не мог приступить к реализации своих планов. Теперь такая возможность была. Александр решил поэкспериментировать. Он ещё не знал, как правильно создать модель без горизонтального оперения. И не просто создать и построить, а ещё, чтобы она летала. Интуитивно он чувствовал, что нужно уменьшить длину фюзеляжа и сдвинуть крыло ближе к килю.

Имея возможность использовать материалы, благо в авиамодельной лаборатории было много нужных реек, Александр, не откладывая дело в долгий ящик, решил сразу строить «муху», используя предложенный чертёж схематической модели планера, как основу, подлежащую небольшим изменениям.

На верстаке, что стоял в тёмном углу, лежало много реек разной длины. Лежали они хаотично в куче опилок и вызывали ощущение бесхозности. Выбрав из них рейки нужной длины, Александр аккуратно обрезал их по размеру, заданному в чертеже. Рейку фюзеляжа он сделал в два раза короче, чем нужно было сделать по чертежу. Александр примеривал её «на глаз» применительно к будущей конструкции. Конструкцию «мухи» он представлял себе до мельчайших подробностей, потому что много раз рисовал различные варианты её конфигурации. Отсутствие чертежа его не смущало. Чертёж конкретного крыла был перед ним. Большого ему не нужно было.

Два мальчика начали помогать Александру. Не понимая своих чертежей, они увидели в действиях Александра уверенность.

Создавая «муху» Александр невольно стал руководителем в своём творчестве.

Нервюры ребята сделали из тонкой проволоки, которую нашли всё в том же тёмном углу лаборатории. Работа быстро продвигалась вперёд. Отмерив места крепления нервюр, Александр осторожно проколол отверстия в рейках и, вставив в них подготовленные проволочки нервюр, загнул пассатижами их выступающие из реек концы.

Две половинки крыла уже лежали перед ребятами на столе, когда в лабораторию вошёл Махмуд Хамраевич.

– Кто это сделал? – повышая голос, крикнул он, глядя на Александра.

– Я! – не понимая причины раздражения Махмуда Хамраевича, ответил Александр.

– Тебе было дано задание, изучать чертёж, а не самовольничать! – продолжал кричать на Александра Махмуд Хамраевич. – Ты, что ли, бестолковый?

– Сам ты бестолковый! – со злостью подумал Александр.

Он попытался рассказать Махмуду Хамраевичу о своей «мухе».

– Ты мне про мух не рассказывай, – продолжал кричать Махмуд Хамраевич. – Объясни лучше, кто научил тебя без разрешения портить рейки. Мне здесь не нужны такие, как ты, умники. Проваливай отсюда! И, чтобы я тебя здесь больше не видел.

В авиамодельной лаборатории стало тихо. За Александра никто не заступился. А он, тем не менее, понял, что это была месть Махмуда Хамраевича за поправки Александра к его «теории» в первый день занятий. И повод к этому Александр своей инициативой сам и предоставил.

Дальше оставаться в авиамодельной лаборатории Александр не видел смысла. В такой «творческой» атмосфере создавать новые модели не было возможности. Это сразу стало ясно после выразительной речи Махмуда Хамраевича.

Помощники Александра испуганно молчали. Молчал и Александр. Постояв нуту молча, он решительно шагнул к двери и вышел из авиамодельной лаборатории, чтобы больше никогда сюда не приходить. Сожаления о случившемся у него не было. Он понял, что с этим человеком самолёта не построишь.

Позже Александр узнал, что Махмуд Хамраевич был учителем труда в соседней школе. Руководителем авиамодельной лаборатории во Дворце пионеров он стал недавно. Бывший же руководитель лаборатории, чьими руками были так любовно сделаны большинство из моделей, висевших на стенах лаборатории, недавно навсегда уехал из Бахкента.

Приближалась зима. Деревья во дворе пожелтели и быстро теряли листву. В лесопитомнике под деревьями лежал пёстрый шуршащий ковёр из листьев. Приятно было бродить здесь после школы, вдыхая прелые ароматы трав и опавших листьев. Дни стали короткими, прохладными и ветреными.

В один из этих дней Иван Андреевич и Евдокия Ефремовна переселили Александра из его маленькой комнатки в зал. Они полностью освободили его комнату от всех предметов.

– У нас временно будут жить другие люди, – объяснила Александру мать эту перестановку. – В папину организацию приехал главный инженер. Жить ему и его семье пока негде. Вот мы с отцом и решили, что пока им строят дом, пусть они поживут у нас. В тесноте, да не в обиде!

Недалеко от дома, в котором жил с родителями Александр, на пустыре действительно строился небольшой дом. Играя в казаки-разбойники, ребята часто забирались в него и прятались там, среди строительных материалов.

– Так вот, что это за дом, – подумал Александр, а вслух спросил. – А дети у них есть?

– Есть, – ответила ему мать. – У них есть сын Юра и дочка Люда. Они пока живут в другом городе.

Вскоре новые жильцы поселились в маленькой комнатке Александра. Они понравились ему сразу. Дядя Володя, так звали главного инженера, был жизнерадостным, энергичным и весёлым человеком. Тётя Надя, жена дяди Володи была женщина строгая. Её общение с родителями Александра было осторожным. Создавалось впечатление, будто она боялась чем-то помешать им. В её поведении чувствовалась скованность человека, привыкшего быть хозяином в доме. Занятый делами на производстве дядя Володя поздно приходил домой. Александр видел его по этой причине не часто, в основном по воскресеньям, но всегда общался с ним с удовольствием. Дядя Володя знал и рассказывал ему много интересных историй.

– Саша, – однажды сказал он Александру, – разговаривая с тобой, я вспоминаю своего Юру. Я его не видел уже целый месяц. Соскучился. Он у меня такой же любознательный парень, как и ты.

– Дядя Володя, а когда Юра приедет сюда?

– Недели через две. Дом уже почти готов. Мы ещё немного поживём у вас, а потом будем вашими соседями. Ты знаешь, где будет наш дом?

По утрам, нагладив брюки своей школьной формы, Александр по обыкновению в прихожей начищал до зеркального блеска свои чёрные ботинки. За этим занятием он не заметил, что тётя Надя с грустью наблюдала за ним, стоя в дверях комнаты.

Закончив своё занятие, Александр начал собираться в школу и в этот момент, заметив, что за ним наблюдают, взглянул на тётю Надю.

Она продолжала с грустью смотреть на него.

– Юра тоже любит свои ботинки чистить, – сказала она.

Александр ничего ей не ответил. Он просто не знал, что ей ответить. Ему было понятно, что она и дядя Володя просто скучают по своим детям, которые в это время находятся в другом городе. Но ему это чувство пока было неизвестным.

Постояв, молча с минуту, Александр ушёл в школу.

Прошло две недели. Дядя Володя привёз своих детей.

Александр, придя из школы, столкнулся в прихожей с незнакомым ему мальчиком. Ростом он был ниже Александра и по возрасту немного младше. Из комнаты вышла тётя Надя. Она увидела Александра и улыбнулась.

– Знакомься, Саша, – сказала она. – Это мой сын Юра!

По выражению её лица, по жестам, которыми она сопровождала знакомство ребят, угадывалось, что Юра был её любимым ребёнком.

Мать, есть мать. И её можно понять.

Евдокия Ефремовна также любит Александра, и с таким же видом всегда представляет его своим знакомым.

Александрю поначалу показалось, что Юра был маменькиным сыночком. Было в нём что-то такое, домашнее. Юра был пухленьким и румяным мальчиком.

Ребята понемногу освоились и подружились. Юра был мальчиком интересным. И самое главное, тоже любил строить различные модели.

Строительство нового дома для главного инженера и его семьи вскоре было закончено. Юра со своими родителями и сестрёнкой Людой переселились в него. Теперь Александр и Юра были соседями. Около двух лет они ежедневно были вместе. Вместе ходили в школу. Вместе каждый день что-нибудь пилили и строгали. Вместе проводили свободное время.

Со временем модели планеров, которые они строили, их уже не устраивали. Ребятам хотелось чего-нибудь более оригинального и захватывающего. И они начали строить модель самолёта похожего на самолёт Ан-2. Это не то, чтобы была копия, но что-то очень похожее у них было. Александр с Юрием возились с этой моделью около недели. Они привлекли к этой работе соседского мальчика Толика Мартанова, который с большим интересом занялся новым для него делом.

Всё шло хорошо. Самолёт у ребят получался. Длиной он был около метра.

Однако, ребята поспешили с выводами относительно удачной постройки этого самолёта. Он получился тяжёлым и толстым. «Пузатый» – так назвал его Толик.

Для Александра и Юры этот самолёт не был каким-то особенным. До этого ими были построены и выпущены в полёт десятка полтора лёгких планеров. И не все из них были удачными. Многие модели из-за недоделок и недомыслия ребят потерпели аварии и были брошены.

У Толика эта модель была первой в жизни, поэтому он радовался, глядя на то, как палочки-реечки, фанерки и картонки в их, а главное, в его руках, превращаются в реальную модель самолёта. И не беда, что он тяжёлый. Зато, как настоящий, только маленький.

«Пузатый» не летал. На него можно было только смотреть.

Ребята поочередно накручивали резиномотор модели. Но он оказался слабым по своей мощности. Воздушный винт крутился быстро, но тягу не развивал. «Пузатый» самолёт медленно катался по земле, но упорно не желал разогнаться и, тем более, взлетать.

Александр с Юрой это не доставляло удовольствия. Толик, наоборот, смотрел на движения модели восторженными глазами.

– Поехал! Поехал! – кричал он после очередной попытки запуска резиномотора модели.

В конце концов, после множественных попыток заставить «пузатого» летать, ребята его разбили. Случилось это не вдруг. Они желали этого, но просто так ломать модель, бросив её вверх, не хотели.

В городе развивалась промышленность. Она требовала пространства и площадей. Из-за этого началась вырубка лесопитомника, который был недалеко от домов, где жили ребята. К этому времени от лесопитомника практически не осталось ничего. Лишь небольшие кучки деревьев напоминали им о большом лесопитомнике, который совсем недавно рос на этом месте.

Оставшиеся от лесопитомника деревья одиноко стояли и сиротливо подчёркивали своим видом пустоту перекопанных проплешин огромных стройплощадок.

Утрата лесопитомника на ребятах отражалась мало. Они сожалели о том, что деревьев около их домов становится всё меньше и меньше. Однако на стройке было много интересного для них, поэтому они не очень-то и расстраивались, плохо по-детски понимая смысл происходящего.

На стройплощадке было много высоких земляных насыпей. Их соорудили строители, выравнивая площадки для будущего строительства, и собирая бульдозерами землю в эти высокие кучи. У этих насыпей одна сторона была пологой, а другая обрывистой.

Насыпи были очень удобными для запуска моделей планеров в их короткие полёты. А ещё ребята любили прыгать с вершины насыпи к её обрывистому рыхлому основанию.

– Давайте будем пускать самолёт с насыпи, – предложил ребятам Толик, – всё равно он сам не взлетит и не полетит.

– Он и с горы не полетит, – ответил Юра. – Он не летучий!

Александр, молча, кивнул в знак согласия с Юрием.

– А, что так, по земле его катать, – продолжал Толик, – это не интересно.

Александр с Юрием не возражали.

– Будь, что будет, – подумал Александр и сказал: «Пойдёмте к насыпи».

Он взял модель «пузатого» самолёта в руки и они пошли на стройплощадку.

Выбрав самую высокую насыпь, ребята залезли на её вершину. Высота насыпи была с двухэтажный дом. Дул приятный тёплый ветерок.

Глядя сверху вниз, Александр поймал себя на мысли, что хорошо, вот так, стоять на вершине и смотреть вниз. В эти мгновения ему казалось, что земля далеко внизу, а он вновь летит высоко над ней.

– В какую сторону будем бросать самолёт? – спросил Толик.

– Против ветра, – ответил Александр и, немного помолчав, добавил, – самолёты взлетают против ветра.

Юра добросовестно накрутил резиномотор.

Александр с Юрой понимали, что затея с полётом пустая и бессмысленная. «Пузатый» не полетит. Более того, он будет разбит. Но, какая-то внутренняя сила бессмысленной жестокости к созданному самолёту заставляла их готовить модель к её последнему полёту.

Когда резиномотор был, что называется, заведён, Александр взял модель правой рукой и, придерживая воздушный винт левой рукой, подошёл к краю насыпи.

Юра и Анатолий тоже подошли к краю насыпи. Они с любопытством наблюдали за тем, что будет происходить дальше.

В душе Александра что-то дрогнуло.

– Может быть не надо бросать «пузатого»? – спросил он, обращаясь к приятелям.

Он надеялся, что кто-нибудь из них поддержит его колебание и скажет: «Не надо!»

– Пускай! – сказал Анатолий и махнул рукой. – Чего боишься?

– Жалко! – ответил ему Александр. – Столько делали его! Разобьется, ведь!

– А вдруг полетит и не разобьётся, – продолжал рассуждать Анатолий. – Ну и что, что он тяжёлый! Настоящие самолёты, вон, какие тяжёлые, а летают.

– Так, ведь, то настоящие самолёты, а у нас модель, да и то плохо сделанная.

– Ничего с ним не случится! – сказал в ответ Анатолий. – Наш самолёт полетит. Крылья у него есть. Когда его сильно бросишь, он летит. Я пробовал.

Толик действительно несколько раз украдкой пытался бросить модель, демонстрируя своё пилотское искусство Юре.

– Пускай! – поддержал Толика Юра. – Мне тоже кажется, что он должен полететь.

Слова приятелей были убедительными.

Продолжая держать в правой руке модель, придерживая её воздушный винт левой рукой, Александр, наконец, решился и поднял руки с моделью высоко над головой.

Порывы ветра пытались задрать нос модели вверх.

Александр по отработанной привычке наклонил нос модели чуть-чуть вниз и отпустил воздушный винт.

Модель затряслась, как будто предчувствуя свою гибель.

Лёгким толчком правой руки Александр выпустил «пузатый» самолёт в полёт.

Вначале модель летела по инерции прямо. Затем произошло то, чего Александр боялся больше всего.

Модель «пузатого» самолёта стала проваливаться вниз. С ней ничего не происходило. Она медленно летела вперёд, но быстро проваливалась вниз, сваливаясь на правое крыло. Модель совсем не держалась в воздухе. Это явление было необычным для Александра.

Через секунду «пузатый» рухнул у основания насыпи.

Александр не понимал, что произошло. Перед его глазами стояла картина падающего вниз «пузатого».

Юра с Толиком, разбежавшись, прыгнули вниз.

Насыпь была сыпучей. Ребята часто так прыгали с её вершины вниз на мягкий грунт смешанный с сухим песком. Прыгая, они воображали себя парашютистами, выпрыгнувшими из самолёта.

Лететь вниз было приятно, и такие прыжки доставляли им удовольствие.

Проваливаясь по колено в песке, Юра с Толиком сбежали вниз к разбитой модели «пузатого» самолёта.

Александр бросился вниз следом за ними. Короткий полёт и его ноги утонули по колено в рыхлом песке. По инерции Александра потянуло вперёд. Желая добежать до «пузатого» раньше приятелей, он ринулся к модели, но оступился и вновь по инерции полетел вниз, но уже не на мягкий песок, а на глиняные валуны, которые лежали у основания насыпи.

Собственно, полёта уже не было. Александр просто упал во весь рост на эти валуны, ударившись об один из них грудью со всего размаха.

От удара о валун у него потемнело в глазах. Перехватило дыхание.

Александр сразу вскочил на ноги, продолжая бежать к «пузатому» до которого было рукой подать, но остановился и сел на землю. Ему не хватало воздуха. Он задыхался.

Все попытки глубоко вздохнуть ни к чему не приводили. Грудь болела от удара.

Постепенно Александр раздышался.

Юра с Толиком вначале испугались, но видя, что с приятелем всё в порядке, начали спорить.

– Я же говорил, что «пузатый» полетит, – сказал Толик, – он и полетел.

– Дурак! Разве это полёт! – ответил ему Юра. – Посмотрел бы ты, как у нас раньше летали самолёты!

– Сам ты дурак! Чего мне смотреть. «Пузатый» летел хорошо, только почему-то летел не так, как должен был лететь. Наверное, слишком тяжёлый у нас самолёт получился. Я его несколько раз бросал, когда вы не видели. Он летал не очень хорошо, но всё-таки летел. А на этот раз упал как камень.

– Всё, отлетелся! – Юра, размахивая руками, демонстративно отвернулся от разбитого самолёта.

Александр было обидно до слёз. Ощущение у него было такое, будто он сам разбился на этом самолёте.

Юра с Толиком продолжали спорить о том, мог ли полететь их самолёт или нет.

Александр сидел на земле и, молча, слушал их спор. Смотреть на разбитую модель не хотелось. «Пузатый» был их общим детищем.

– Ничего страшного! – обращаясь к Александру, сказал Юра. – Сделаем ещё один «пузатый».

– Делайте сами! – вдруг сказал Толик. – Толку в этом деле нет. Делаеть, делаеть! Стараешься, стараешься! А он потом, бац, и готов, за один раз! Даже никакого удовольствия нет. Одна трата времени.

– Не хочешь, не надо. Никто тебя не заставляет строить самолёты. Можешь болтаться по улице, если так хочешь! – сказал Юра Анатолию и, обратившись к Александру, добавил: «Ну и брякнулся ты, Шурик! Я думал, что ты все рёбра себе переломал. Вставай, пошли домой! А то меня уже, наверное, мать ищет!»

Александр, молча, встал и подошёл к «пузатому». Поломки были не очень сильными. В основном все детали крыльев были целыми. Пострадал только фюзеляж. Он переломился в нескольких местах. От удара о камни порвалась вся бумажная обшивка модели.

Подняв с земли обломки «пузатого», приятели направились в сторону дома. Они шли медленно и возбуждённо обсуждали неудачный полёт.

– Делайте свои самолёты сами! – вдруг неожиданно заявил Толик. – Я займусь чем-нибудь другим.

– Занимайся, – ответил ему Александр, – рождённый ползать летать не может.

– Вот, вот. Именно, – огрызнулся Толик, – это, как раз вас и касается.

– Слушай, Толян, – с раздражением сказал Юра, – не выступай много. Не хочешь, не делай! Кто тебя заставляет?

Александр начал злиться. Больше всего он злился на самого себя. Злился от досады, что не может понять причины падения самолёта.

Толик же в эти минуты подливал масла в огонь.

– Тоже мне, конструкторы! – с нескрываемой иронией произнёс он. – Настругали досок и думают, что они полетят. Доски не летают!

Заканчивая своё высказывание, Анатолий выразительно поднял вверх указательный палец правой руки.

Этот жест вывел из равновесия и Юру, который, насупившись, слушал Толика.

– Слушай, умник, – продолжил с раздражением говорить Юра, – ты один раз только с нами поработал, а выступаешь так, как будто каждый день сам строишь чего-нибудь. Не нравится – не делай! Без тебя обойдёмся!

– Ну, и делайте! Подумаешь...

Толик свернул в сторону от ребят и быстро побежал домой. Больше он с Александром и Юрием самолётов не строил.

Возвратившись, домой, Александр весь вечер пытался понять причину неудачного полёта модели «пузатого» самолёта.

– Ведь должен был он лететь! – думал он. – Пусть плохо, но должен был лететь. Может быть, здесь ветер виноват в том, что модель вначале полетела, а затем камнем упала на землю? Нужно проверить.

Вспоминая все эволюции полёта и падения «пузатого» самолёта, он всё чаще приходил к мысли о том, что всё дело в ветре. И не только в ветре. В ветре и в насыпи, которую этот ветер обдувал.

– Да, нужно проверить! – вслух сказал Александр, завершая ход своих мыслей.

– Что проверить? – спросила его мать, укладывая спать Валентину.

– Что ты хочешь проверять, на ночь, глядя? – не дождавшись от сына ответа, повторила она свой вопрос. – Ты уроки все сделал?

– Все, – без особого энтузиазма ответил Александр.

Напоминание о школе вернуло его к будничным и совсем не творческим проблемам.

В школе дела шли хорошо, но кроме школы была ещё и общественная работа, которая требовала к себе гораздо большего внимания, чем Александру этого хотелось. Он по-прежнему оставался председателем Совета пионерского отряда класса. Как-нибудь работать он не любил и не хотел. Взятся за дело – доведи его до конца! Такой был девиз Александра.

Приближался День рождения всесоюзной пионерской организации, которая носила имя Владимира Ильича Ленина, который был вождём мирового пролетариата.

К этому дню нужно было организовать пионеров класса на сбор одной тонны металлолома, семьдесят килограммов макулатуры и выпустить стенную газету.

Организовать сбор металлолома и макулатуры было делом простым. А вот выпустить стенную газету Для этого дела желающих никогда не было и Александру приходилось брать на себя эту обязанность. Помощников у него в этом деле не было, потому что всем одноклассникам после уроков хотелось скорее бежать домой. А с газетой нужно было возиться, иногда и подолгу, пока, что-нибудь не получится.

Однако, газету нужно было выпускать. За металлолом и макулатуру он не беспокоился. Ребята соберут столько, сколько будет нужно. А выпуск газеты он всегда брал на себя и все давно к этому привыкли.

Времени до сна было ещё достаточно, и он взялся за оформление газеты. Главное – нужно что-то нарисовать красивое и по смыслу подходящее. Заметки и небольшие статейки написать, потом будет не долго.

Полистав журналы, Александр остановил свой выбор на портрете Владимира Ильича Ленина.

– Буду рисовать портрет Ленина, – подумал Александр и взялся за дело.

Через час портрет Ленина был нарисован. Написать заглавие газеты, расчертить её рамки, набросать черновые заметки было делом пустяковым, но это отняло всё оставшееся для отдыха вечернее время.

– Шура, ты спать собираешься? – спросила его мать, приближаясь к сыну, чтобы посмотреть на творчество Александра.

Она всегда с интересом относилась ко всем его занятиям, а иногда даже принимала в них участие.

– Ещё немного поработаю, мама, – ответил Александр матери, – нужно закончить газету.

Приблизившись к сыну, Евдокия Ефремовна внимательно посмотрела на нарисованный портрет Ленина.

– Молодец, сынок! Сходство полное!

– Стараюсь, мама. Газета нашего класса должна быть лучшей в школе.

– Старайся, Шурик! Творческая работа всегда нужна людям, а упорство и старание обязательно приведут к успехам.

Евдокия Ефремовна присела рядом с сыном и нежно потрепала рукой его чуб.

Впоследствии, став взрослым, Александр часто вспоминал об этих минутах детства, в которых он рассказывал матери о своих сокровенных мечтах, о новых конструкциях самолётов, о трудностях, которые приходилось преодолевать.

Евдокия Ефремовна всегда внимательно слушала сына и помогала находить правильные ориентиры для решения жизненных задач.

Прошло несколько дней. Гибель модели «пузатого» самолёта не давала покоя Александру.

Однажды после школы ему показалось, что он может понять причину падения этой модели. Раньше, ведь, таких падений его моделей никогда не было.

Не откладывая дело в долгий ящик, он взял лист бумаги, карандаш и сел за стол.

Мысль бегала где-то рядом, но поймать её и сконцентрировать в едином образе Александру никак не удавалось. В голове переплетались ветер с крутой насыпью, откуда была выпущена в полёт модель «пузатого» самолёта.

Машинально Александр нарисовал на бумаге насыпь с крутым склоном и прямой участок поверхности перед ней. Нарисовав эту картинку, он долго смотрел на неё.

– Ветер, ветер, – навязчиво стучалась в голову какая-то мысль, словно пыталась что-то подсказать Александру.

– Причём тут ветер? – отмахиваясь от этой мысли, как от назойливой мухи, подумал он и попытался сосредоточиться на своём рисунке.

Вдруг все мысли прояснились. Александр отчётливо представил себе и мысленно в пространственном воображении увидел на рисунке, как на насыпь дует ветер со стороны крутого склона. Он схватил карандаш и начал рисовать рисунок ветра, обдувающего эту насыпь.

Получалось, что ветер силой всего своего движения упирался в крутую стенку насыпи.

– Куда стремится ветер? – думал Александр. – Наверное, вверх! А что дальше?

Карандаш направил на бумаге линию струи ветра вверх.

– Но, ведь, ветер дул мне в лицо прямо, а не снизу, – вспоминал свои ощущения Александр в тот момент, когда он выпускал в полёт модель «пузатого» самолёта, – значит, выше насыпи прямолинейность ветра не изменилась. Так, так. Разгадка где-то близко. Самолёт должен был планировать против ветра, как это всегда бывало раньше, а он провалился вниз. Просто упал, словно был совсем без крыльев.

Александр нарисовал себя на вершине насыпи и провёл траекторию полёта модели самолёта. Ниже уровня насыпи в небольшом от неё удалении траектория резко уходила вниз и почти перпендикулярно упиралась в горизонтальную линию прямого участка земной поверхности перед этой насыпью.

– Получается, – думал Александр, – что модель находилась, как в безвоздушном пространстве. Крылья её совсем не держали. Ветер, натываясь на крутую стену насыпи, не меняет целиком своего направления, а отталкиваясь от неё всей своей массой, стремится назад как мяч, ударившийся о стену. Здесь получается хаос движения. Перед насыпью ветра нет. Есть только круговерть воздуха.

С этими мыслями Александр быстро начал рисовать на бумаге обратное движение воздушной массы ветра, отталкивающейся, как ему казалось, от стенки насыпи. На рисунке получился действительный хаос, через который проходила траектория полёта модели «пузатого» самолёта.

Александру всё стало ясно. Перед стенкой насыпи была круговерть воздуха, в которой полёт их «пузатого» самолёта был немислим. Это стало для Александра открытием. Он понял, что высота насыпи роли не играет. Главное, чтобы не было крутой стены перед движущимся потоком ветра. А раз так, то склон насыпи всегда должен быть плавным и пологим. Только в этом случае их «пузатый» самолёт мог бы продолжить свой полёт до благополучного приземления, потому что ему на встречу постоянно бы дул ровный воздушный поток.

Желая проверить свои выводы, Александр быстро сложил из тетрадного листа бумажного голубя и бегом помчался к злосчастной насыпи.

Его теоретические выводы подтвердились. Модель «пузатого» самолёта упала камнем на землю именно потому, что не могла опираться своими крыльями на ровный поток встречного ветра.

Приблизилась весёлая пора лета. Дни стали длинными. Город весь покрылся свежей зеленью листвы деревьев и яркими красками цветов. Пыль ещё не покрыла их своей серостью. Свежесть и чистота возрождения природы бодрили ребят. Им хотелось чего-нибудь такого, а чего, они и сами не знали. Это состояние, когда душа поёт и просится в полёт. Энергия у приятелей Александра и у него самого кипела и подталкивала к бурной деятельности.

Иван Андреевич с Евдокией Ефремовной сделали ремонт в квартире. После ремонта в комнатах пахло краской. Полы блестели лаковым глянцем. Сами комнаты после побелки стен казались светлее и просторней. Дома было уютно и прохладно.

Учёба в школе шла своим чередом и близилась к завершению перед летними каникулами. В связи с этим Александру и его одноклассникам уроков на дом в школе не задавали. Весь учебный материал они успевали повторять в классах на уроках.

Вернувшись из школы домой после уроков, Александр быстро переоделся и принялся листать недавно приобретённую книгу Анатолия Маркуши «Вам взлёт!».

Разглядывая рисунки в книге, он как бы взлетел в небо на неведомом самолёте и, словно со стороны, ясно видел всё то, о чём рассказывала ему эта книга.

Мечта звала Александра в небо. Читая книгу, он испытывал непонятное, но сладостное волнение от реальности своей мечты.

Послышался стук в дверь.

Отложив книгу, Александр встал из-за стола и пошёл открывать дверь. На пороге стоял Юра.

– Ты чего дома сидишь? – спросил он с порога.

– Читайте, – ответил Александр, возвращаясь из мечты с небес на землю.

– Знаешь, что я узнал? – продолжал говорить Юра и прошёл в комнату, где Александр оставил свою книгу. – В нашем аэропорту за рубль можно покататься на самолёте. Это я по радио слышал. Давай покатаемся!

Новость для Александра была ошеломляющей. Оказывается запросто можно снова побывать в самолёте, подняться в воздух...

Нет ничего лучшего, чем воплотить мечты в реальность!

– Слушай, Юрка, о чём ты говоришь! Конечно, покатаемся! А где продают билеты?

– Я же сказал, билеты продают в аэропорту прямо перед посадкой в самолёт. Только вот жалко, что там не каждый день катают, а только по воскресеньям.

Без лишних слов друзья решили, что в ближайшее воскресенье они будут кататься на самолёте.

Вечером того же дня Александр рассказал о своём желании покататься на самолёте родителям. У них возражений не было.

Наступил долгожданный воскресный день. Получив от родителей по рублю, Александр и Юра направились в аэропорт. Стоял по-летнему жаркий день. Асфальт на дороге накалился и обжигал у ребят подошвы их босых ног. В жаркие дни весны и всего летнего времени мало кто из мальчишек их возраста в периоды уличного времяпровождения носил обувь. В тени деревьев пролады не было, но асфальт не так обжигал ноги.

По асфальтированной дороге долго идти не пришлось. Мальчишки жили на окраине города и поэтому вскоре после начала своего путешествия оказались за городом. Ко всему они решили свернуть с дороги и идти напрямую в сторону аэропорта, чем сокращали свой путь.

Сойдя с дороги, ребята оказались на хлопковом поле. Между грядками хлопчатника блеснула вода. Очевидно, недавно был сделан полив растений. Солнце уже успело прогреть длинные лужицы между грядками и разжиженный грунт самих грядок. Александру и Юрию после обжигающего асфальта приятно было брести, утопая по щиколотку в тёплой глине. Они шли к аэропорту направо через хлопковое поле, слыша плескающие звуки тёплой воды под ногами, шелест раздвигаемых кустов зреющего хлопчатника, ощущая просачивание мягкой глины между пальцами ног. В воздухе ароматных запахов листвы и растений не было. Сам воздух был сухой и слегка запылённый из-за проезжающих по дороге машин. На небе не было ни облачка.

Александру и Юре было жарко от палящих лучей солнца, несмотря на то, что они оба были в майках и в сатиновых шароварах, закатанных выше колен для сохранности их чистого вида.

Вода сильно размочила почву. Наступая в воду, стопы ног погружались под водой в жидкую глину, которая просачиваясь между пальцами, щекотала их.

Ребята прошли два больших поля. Аэропорт был уже близко. На поле аэродрома они видели стоящие самолёты. Ветер, который дул навстречу ребятам доносил до них с аэродрома запах масла и авиационного бензина.

Прошло ещё несколько минут. Ребята почти вплотную приблизились к лётному полю. Они рассчитывали, что также напрямую смогут пройти к зданию аэровокзала, чтобы купить билеты. Никаких ограждений и заборов впереди не было. Но проблема, всё же, возникла. Перед ними оказался довольно широкий ручей с водой, о котором они раньше не знали, и который при подходе к аэродрому издали не увидели.

Ручей протекал по всей длине границы лётного поля со стороны движения ребят. Он оказался для Александра и Юры естественной преградой в достижении цели.

Берега ручья были на полметра выше уровня воды, которая медленно текла куда-то в сторону города через поле, по которому они только что пробирались. С обеих сторон ручья его берега густо заросли травой. Вода в ручье была мутной и ребята не могли определить глубину ручья.

По опыту купания в таких ручьях они знали, что обычно такие ручьи бывают глубиной по колено.

Приятная прохлада травы после раскалённого асфальта и тёплой земляной жижи на хлопковых полях приносила удовольствие ступням ног.

Ребята сели на траву и опустили ноги в воду. Вода была прохладная, но не холодная. Поболтав в воде ногами, и, осторожно нащупывая дно, они вошли в ручей. У берега глубина действительно, как они и ожидали, была ребятам по колено.

Закатав повыше штанины шароваров, чтобы не замочить их, Александр медленно пошёл к противоположному берегу. Юра пошёл следом за ним. Противоположный берег был метрах в пяти от ребят. Идти в воде было приятно. Прохладная вода освежала, снимая жару летнего зноя. Под ногами ощущался твёрдый песок ровного дна ручья.

Беззаботно шагая по дну мелководного ручья, Александр потерял бдительность. Он вдруг оступился. Не нащупав ровного дна, и, не удержавшись на ногах, упал в воду. Шаровары и майка стали мокрыми и у Александра не осталось оснований для тщательного прощупывания дна ногами. Ощувив под ногами дно, он поднялся на ноги, стоя по пояс в воде. До желанного берега было рукой подать. Пощупав на всякий случай дно ногами, Александр, весело смеясь, двинулся дальше. Ему было смешно над самим собой.

Юра в нерешительности стоял и не знал, что делать.

– Прыгай в воду, – сказал ему Александр, смеясь над собой, – здесь дно хорошее и ровное. Не бойся намочиться. Высохнем.

С этими словами Александр шлепком ладони по воде обрызгал Юру с ног до головы.

– А, ты брызгаться! – озорно крикнул Юра и тоже обдал Александра водой с головы до ног.

Забыв обо всём на свете, они вылезли на берег и, раздевшись, опять бросились в воду.

Накупавшись вдоволь, ребята оделись. Пока они купались, мокрая одежда высохла на горячем ветру. Ребята могли бы и дальше продолжать плескаться в ручье, но пролетевший над ними самолёт напомнил им о цели похода на аэродром.

Здание аэропорта было недалеко. Они побежали к нему, желая быстрее попасть на аэродром и сесть в самолёт. Добежали быстро.

После знойного ветра в здании аэропорта веяло прохладным сквознячком. Зал ожидания был небольшой. В креслах, расставленных вдоль стен, сидели пассажиры с чемоданами. Они ожидали объявления посадки в самолёты на свои рейсы.

Ребята остановились посреди зала ожидания и осмотрелись. На стенах зала ожидания висели картины с нарисованными самолётами. На передней стене, прямо перед ними, висела большая карта СССР. Она вся была исчерчена тонкими линиями. В верхней части этой карты ребята прочитали – «Схема воздушных дорог СССР». Под картой размещалось расписание движения самолётов по местному аэропорту. Слева от ребят в углу зала ожидания они увидели кассу для продажи билетов на самолёты.

Увидев кассу, Александр толкнул Юру в бок и кивнул головой в её сторону. Они подошли к небольшому окошку кассы. Расположившись по обе стороны окошка, ребята нерешительно, волнуясь, заглянули в него. Они, двенадцатилетние, впервые в жизни пробовали покупать себе билеты на самолёт. Совсем как взрослые и самостоятельные люди! И вовсе ничего, что они стояли босые и в майках. Их сверстники в городах выглядят также.

– Что вам надо мальчики? – спросила пожилая женщина, которая сидела на стуле по другую сторону окошка. Она, очевидно, была кассиром.

– Тётяшка, – нерешительно произнёс Александр, – мы хотим покататься на самолёте. Мы прочитали объявление, что все желающие могут прокатиться над городом на самолёте. И вот мы пришли!

– Молодцы, что пришли! Наверное, лётчиками хотите стать?

– Мечтаем! – ответил Юра.

Александр стоял молча. Просто быть лётчиком для него было, почему-то, делом недостаточным, и он не знал, что отвечать кассирше.

– Давайте по одному рублю, – сказала кассирша. – Вы пришли как раз вовремя. Самолёт вылетит через сорок минут. Желающих покататься вместе с вами уже набралось достаточно.

Ребята, один быстрее другого, достали свои рубли, припасённые с самого утра, и купили себе билеты. Билетами, правда, то, что им дала кассирша, назвать было трудно. Это были обыкновенные листочки бумаги, аккуратно нарезанные из школьных тетрадных листов в клеточку. На этих листочках чернилами был написан номер рейса и время вылета, да ещё стояла круглая синяя печать. Но ребята на это не обратили особого внимания. В их руках были билеты, открывающие дорогу в небо.

Ребята были счастливы. Зажав в руках эти билеты, они направились туда, где стояли самолёты. Важно пересекли зал ожидания с сидевшими в нём пассажирами, и вышли в дверь, над которой размещалась вывеска «Счастливого полёта!». Выйдя из здания аэровокзала, ребята оказались в небольшом скверике, на котором росли небольшие деревья и цветы.

Осмотрев скверик, Александр вспомнил, как два года назад он с матерью и сестрёнкой прилетел в этот аэропорт из Самарканда.

В скверике были две летние беседки, где можно было посидеть. Ребята вошли в одну из них и сели на деревянную лавку, во все глаза, рассматривая лётное поле. Они слушали то нарастающие, то затихающие звуки авиационных моторов.

Для Александра эти звуки казались сладкой музыкой, навевающей какое-то необъяснимое чувство близкого счастья.

В скверике находились только Юрий и Александр. Другие пассажиры предпочитали оставаться в прохладе зала ожидания и редко на короткое время выходили в скверик. Ребята сидели, молча, наслаждаясь своей самостоятельностью и чистым воздухом лётного поля. От стоящих на поле самолётов их отделял аккуратный невысокий заборчик и несколько десятков метров. В заборчике были проделаны ворота, через которые они скоро пройдут к одному из стоящих в небольшом отдалении самолётов Ан-2.

Разглядывая самолёты, Александр обратил внимание на то, что они все были выкрашены в зелёный цвет, а один из них был жёлтым. Он выглядел новее остальных. Краска на этом самолёте блестела, отдавая чистотой и свежестью.

– На жёлтом самолёте полетим? – спросил Александр у Юры.

Юра, молча, пожал плечами.

Оставшееся до вылета время прошло незаметно и быстро. Вскоре динамик громкоговорящей связи, висевший над входом в здание аэровокзала, объявил: «Товарищи пассажиры, приобретшие билеты на прогулочный рейс, просим вас собраться у ворот выхода на лётное поле для посадки в самолёт!».

Ребята первыми подбежали к заветным воротам. Подошли ещё несколько человек, а с ними молодая девушка в лётной форменной одежде.

Девушка открыла дверцу ворот и сказала: «Проходите, товарищи!».

Александр и Юра первыми оказались на лётном поле. За заборчиком лётное поле казалось ещё больше и просторнее. В сопровождении дежурной, кем оказалась девушка в форме, вся компания прогулочных пассажиров гуськом двинулась к стоящим самолётам.

К разочарованию Александра он вместе с остальными пассажирами прошёл мимо нового жёлтого самолёта. Дежурная по посадке повела их чуть дальше к стоящему рядом другому, зелёному, но тоже красивому самолёту Ан-2.

– В конце концов, какая разница, на чём лететь! – подумал Александр. – Главное, скорее полететь!

Лётчики, как оказалось, уже были в кабине самолёта. Их фигуры виднелись сквозь остекление кабины. Один из них вышел из самолёта навстречу пассажирам.

Проверив у пассажиров билеты, и, посадив всех их с помощью лётчика в самолёт, дежурная по посадке, девушка в красивой лётной форме, ушла в сторону аэровокзала.

Наконец Александр с приятелем были в самолёте. Они расселись в разных местах, но поближе к большим круглым иллюминаторам. Сидеть было неудобно. Сиденья были жёсткими и располагались вдоль бортов самолёта. Носовая часть самолёта была значительно выше его хвостовой части и, поэтому, сидя на таком сиденье, Александр, как и все остальные пассажиры, чувствовал, что соскальзывает с него, съезжая к хвосту самолёта. Металлический пол неприятно охлаждал босые ноги. Но, это было первое впечатление, о котором Александр скоро забыл, наблюдая сквозь открытый дверной проход в кабину пилотов, что происходит там, в кабине. Ему бросилось в глаза множество приборов и разных рычажков. Приятно было видеть их стройное расположение и блеск стёкол на доске приборов. Перед креслами обоих пилотов торчали стойки со штурвалами. Видеть это впервые было очень интересно.

Рассадив пассажиров по местам, лётчик закрыл бортовую дверь.

– Пристегните ремни! – проходя в кабину на своё место, обратился он к пассажирам.

Пилот сел в кресло справа, потому, что другой пилот уже сидел в кресле слева.

Кто бы знал, как Александру хотелось быть на одном из этих кресел!

Лётчик, сидевший в кабине слева, чуть высунулся и обернулся к пассажирам.

– Поехали? – с весёлой улыбкой, обращаясь ко всем сразу, спросил он.

– Поехали! – нестройным хором ответили все сидящие в самолёте.

Лётчики надели наушники.

– Я семнадцать триста восемьдесят пятый, – громко сказал левый лётчик. – Разрешите запуск двигателя!

Александр понял, что это командир самолёта.

Через мгновение лётчики начали что-то включать и щелкать тумблерами на приборной доске. Выплюнув на правый борт клубы дыма, ровно и громко зарокотал двигатель. Неподвижно торчащая лопасть воздушного винта, видневшаяся сквозь лобовое стекло, вздрогнув, исчезла. На её месте теперь был большой сверкающий на солнце диск. Самолёт затрясся мелкой дрожью.

Было видно, что лётчики что-то говорят и с кем-то переговариваются по радиосвязи, но из-за шума работающего мотора их уже не было слышно.

Прошло минуты три, четыре. Самолёт в мелкой тряске стоял на месте. Двигатель громко рокотал. Пассажиры терпеливо ждали дальнейших событий.

Левый лётчик правой рукой передвинул вперёд торчащую ручку и двигатель вдруг заревел. Самолёт, слегка покачнувшись на кочке, медленно покатился.

Забыв обо всём на свете, Александр прильнул к иллюминатору. Он во все глаза смотрел на заднюю кромку крыла, которая была почти под ним. Под кромкой крыла быстрой рекой текла земля с пригибающейся травой.

Вскоре послышался писк тормозов и самолёт остановился. Двигатель рокотал по-прежнему, но чуть тише, чем во время движения самолёта. Александр заглянул в кабину, насколько это было ему возможно. Лётчики что-то включали, крутили, говорили. Вдруг громкий рокот мотора перешёл на оглушающий поющий звук. Александра и остальных пассажиров потянуло назад к хвосту. Все, наверное, попадали бы с кресел, если бы не были к ним пристёгнутыми.

Поняв, что самолёт сейчас будет взлетать, Александр вцепился в своё кресло, чтобы не сползти с него, и вновь прильнул к иллюминатору.

Земля под крылом уже не текла. Она неслась под самолётом назад, сливаясь в своём движении в однообразный серо-зелёно-жёлтый поток. Самолёт трясло на небольших кочках и неровностях взлётной полосы.

Александр мельком взглянул на Юру. Юра в это же мгновение, улыбаясь, тоже посмотрел на Александра.

Вдруг тряска прекратилась. Самолёт мягко и плавно начал набирать высоту. Земля ушла далеко вниз и прекратила свой неистовый бег под крылом самолёта. Теперь она медленно плыла вниз. Хлопковые поля, над которыми пролетали пассажиры вместе с двумя юными приятелями, приобрели конкретные очертания, превратившись в безграничный зелёный ковёр, сотканный из лоскутов различных размеров и конфигураций. Ручей, в котором Александр вместе с Юрой недавно плескались, стал похож на небольшую струйку воды, которая прямой линией рассекала ковровый настил полей. Этот ручей можно было заметить только из-за отражения в нём лучей яркого солнца.

Сочетание земных красок радовало глаз и усиливало и без того радостное ощущение полёта.

Самолёт летел не очень высоко. Сверху его пассажирам были отчётливо видны все детали пейзажа. Видны были даже птицы, летящие низко над землёй.

Мелкая тряска самолёта, порождаемая уверенно работающим двигателем, отдалённо напомнила Александру обычную езду на городском автобусе.

Созерцая окрестности под крылом самолёта, он перевёл взгляд на линию горизонта.

Линия горизонта была в слабой дымке, отчего контуры пейзажа на земле размывались ею по мере удаления к горизонту и исчезали совсем, растворяясь в этой дымке. Казалось, что земля плавно переходит в небо.

Самолёт в прямом направлении летел недолго. Вскоре после взлёта и набора высоты земля вдруг куда-то провалилась, и Александр не видел сквозь плексиглас своего иллюминатора ничего, кроме голубого и бездонного неба.

Ничего вначале не поняв, Александр посмотрел на Юру. Тот, не отрываясь, смотрел в своё окно-иллюминатор. В иллюминаторах противоположной стороны салона самолёта Александр увидел землю, медленно меняющую свои картины, которые плавно возникали в круглых проёмах иллюминаторов. И он понял, что самолёт с большим креном разворачивается.

– Делаем вираж! – пронеслось у него в голове.

Вскоре самолёт выровнялся и Александр увидел, что они подлетают к городу. Пилоты направили полёт самолёта через центр города. Отыскав знакомую улицу, Александр определил, что их самолёт пролетит недалеко от домов, где жили он и Юра.

Юра громко позвал Александра и показал пальцем вниз, желая, чтобы тот увидел внизу их дома. Александр в ответ жестами показал, что видит свой дом и опять прильнул к иллюминатору. Кричать друг другу, что-либо было бесполезно. Мотор тарахтел оглушительно. Юра тоже прильнул к своему иллюминатору.

Дома, где жили с родителями Александр и Юра, медленно проплывали внизу под ними. Выглядели они маленькими, почти игрушечными, но были достаточных размеров для того, чтобы увидеть всё, что там происходит.

Глядя вниз, Александр увидел, как бегают куры в курятнике, который был сделан руками отца. Он вспомнил, что мать в это время должна была находиться дома. Чувства от полёта распирала его, и от этого Александру хотелось громко крикнуть ей сверху так, чтобы она услышала: «Мама, я лечу над нашим домом и хорошо вижу и дом, и двор, и всё, что вокруг!».

Самолёт быстро пересёк город через его центральную часть.

Полюбовавшись сверху на его древние минареты и лабиринты старых кварталов, Александр вдруг обнаружил, что, оказывается, этот город совсем маленький. Город был перед ним весь на виду, как на ладони. Александр видел его весь вдоль и поперёк. Раньше, бывая в городе, он как-то не обращал внимания на его размеры. Город всегда казался ему достаточно большим. В нём даже автобусы ходят по улицам.

От нового открытия появилось чувство небольшой досады, но поглощенный полётом Александр через пару минут отвлёкся и забыл об этом. Он с увлечением рассматривал зеленое нижнее крыло самолёта с лентами-растяжками и пейзаж горизонта за его кромкой.

Пролетев над городом, самолёт в вираже сделал большой разворот и полетел к аэродрому. Его полёт ещё раз прошёл над домами ребят, что обоих привело в восторг. За городом самолёт ещё раз развернулся и начал снижаться. Шум двигателя уменьшился. Когда самолёт приблизился к земле, Александр услышал шум работы какого-то механизма под полом салона и тут же увидел, что задняя кромка крыльев начала опускаться вниз. Это лётчики выпустили закрылки.

Наблюдать за всеми этими процессами было очень интересно.

Когда колёса самолёта вновь покатались по земле и самолёт запрыгал на неровностях аэродрома, у Александра возникло чувство большого сожаления, что полёт уже закончился и был таким коротким.

Подрулив к зданию аэровокзала, лётчики остановили самолёт и выключили двигатель.

Воздушный винт, провернувшись несколько раз, остановился. Во внезапно наступившей тишине было слышно жужжание приборов в кабине лётчиков и слабый треск металла в двигателе. Проголочный полёт закончился.

Некоторое время все пассажиры спокойно сидели на своих местах. Затем все разом заговорили друг с другом, делясь впечатлениями. Лётчики, улыбаясь, поочерёдно вышли из кабины и один из них открыл бортовую дверь.

– Ну, как слеталось? – обратился к сидящим пассажирам командир самолёта. – Как самочувствие?

– Отлично, товарищи лётчики! – раздались ответы довольных пассажиров.

– Жалко только, что мало летали! – громко заявил Юра. – Ещё бы так, но только подольше!

– Если летать нравится, значит, лётчиком будешь, когда вырастешь, – в ответ ему сказал командир самолёта и добавил, – а лётчиком станешь, налетаешься!

Командир вышел из самолёта. Оставшийся в самолёте пилот предложил пассажирам тоже выходить. Пассажиры по одному покинули самолёт.

Александр задержался. Ему выходить не хотелось. Здесь в самолёте всё радовало его душу. И запахи, и жужжание приборов, и потрескивание остывающего металла в двигателе, и, вообще, вся обстановка, по-своему деловая и специфичная. Но, нужно было и ему выходить из самолёта.

Как-то раз в кино перед началом фильма демонстрировался киножурнал, в котором показывали парашютистов. Александр вспомнил один из сюжетов этого киножурнала. Он вообразил себя таким парашютистом, подошел к двери и выпрыгнул из салона самолёта на горячий асфальт перрона.

После катания на самолёте прошло несколько дней. Летние каникулы были в самом разгаре. Наступал пик летней жары, поэтому гулять днём по улице под палящими лучами солнца ребятам не хотелось.

Дома было тихо и прохладно. Толстые кирпичные стены не пропускали жару в комнаты. Всё дневное время у Александра стало уходить на чтение книг, которыми в большом количестве его снабдили родители.

Собирателем книг в семье был отец. От случая к случаю, покупая новые книги, он собрал небольшую домашнюю библиотеку. Вот и в последней недавней покупке отец с матерью купили новые книги, выполнив наказ сына «купить что-нибудь про самолёты».

Александр продолжал читать книгу Анатолия Маркуши «Вам взлёт!». Он, скорее, её не читал, а изучал. Представляя себя пилотом в кабине самолёта, он мысленно летал. Он делал «бочки», «иммельманы», «петли», «боевые развороты» и «виражи». Он мысленно всё делал так, как описывались эти эволюции в книге. Александр и раньше имел представление о фигурах высшего пилотажа, получив какой-никакой, но, всё-таки, опыт исследований полётов своих моделей. Но, сейчас, держа в руках почти учебник для полётов, он всё лучше понимал основы управления самолётом.

Жизнь спокойно шла своим чередом.

Однажды «полёты» Александра прервал стук в дверь. Отложив книгу, он подошёл к двери и открыл её. На пороге стояла женщина.

– Здесь живут Калиновы? – спросила она.

– Да, – ответил Александр в ответ, – здесь.

– Примите телеграмму.

Эта женщина была почтальоном. Получив телеграмму, Александр расписался на каком-то листочке бумаги за её получение.

– Спасибо! – сказал он женщине.

Она, ничего не сказав в ответ, ушла.

Александр закрыл дверь и развернул телеграмму. Телеграмма была из Иловайской. Он знал от родителей, что туда из Грозного поехали погостить к родственникам его дедушка и бабушка.

Прочитав текст телеграммы, Александр обомлел.

«МАМА ТЯЖЕЛОМ СОСТОЯНИИ ТЧК СРОЧНО ВЫЕЗЖАЙТЕ ТЧК ОЛЯ»

Телеграмма была от тёти Оли, папиной сестры, живущей в Грозном.

– Что-то случилось, – подумал Александр. – Тётя Оля из Грозного приехала в Иловайское, наверное, из-за бабушки. Нужно сообщить отцу.

С этими мыслями он бегом помчался к отцу на работу. Контора, в которой работал отец, находилась недалеко. Александр через пару минут стоял рядом с отцом и с волнением наблюдал за тем, какое впечатление произвела на него принесённая телеграмма.

– Подожди меня, я сейчас, – сказал отец сыну и быстро вышел из своего кабинета.

Присев на стул, Александр, молча, дожидался его прихода, одновременно рассматривая рабочий кабинет отца.

Комната была небольшая, но уютная и удобная для умственной работы. Окна комнаты выходили во внутренний двор предприятия, поэтому уличные шумы сюда не проникали.

От уличного жара в комнате тоже стояла духота, несколько уменьшенная вращающимися лопастями вентилятора. Этот вентилятор был подвешен к потолку. На столе, кроме письменного прибора и деревянных счёт, лежали аккуратно разложенные бумаги.

Наблюдения Александра прервал отец, вновь вошедший в свой кабинет.

– Пойдем на почту, сынок! Нужно узнать, что случилось! Ты маме ещё ничего не говорил?

– Нет, папа. Я, как только к нам домой принесли эту телеграмму, сразу к тебе прибежал.

– Ну, ладно. Пойдём. Не будем терять времени на разговоры.

Они вышли из здания конторы и быстро пошли на остановку автобуса. Всю дорогу Александр не задавал отцу вопросов, понимая его состояние.

– Куда мы сейчас поедем? – не выдержав молчания, спросил он отца, когда они подошли к автобусной остановке.

– Я же тебе сказал?! На почту. Сейчас позвоним в Грозный и всё узнаем.

– А?! – неопределённо кивнул головой Александр.

На почте отца соединили с Грозным быстро. Он переговорил с кем-то по телефону, но с кем, Александр не понял. Отец во время разговора заметно волновался, и имя собеседника называл невнятно.

– Ну, вот и поговорили, – сказал отец, выйдя из телефонной кабины. – Большое несчастье у нас, сынок! Бабушка, моя мама, под поезд попала! И её отрезало ноги!

На глазах у отца блестели слёзы. Голос его дрожал.

Александр не знал, что ответить отцу. Он растерялся от неожиданного известия.

В этот день отец на работу больше не пошёл.

Мать, когда узнала о печальном известии, предложила незамедлительно ехать в Иловайскую.

– Бери отпуск и срочно выезжай к матери! Возьми с собой Шуру. Вдвоём вам веселее будет. Заодно, Шура увидит и бабушку, и дедушку, которых он никогда в жизни не видел.

– Боюсь, что меня не отпустят в отпуск, – сказал отец. – Сейчас к нам в организацию собирается приехать комиссия по проверке деятельности предприятия. Я, как главный бухгалтер, должен буду предоставлять отчётность перед этой комиссией.

– Не говори глупостей! Во-первых, у тебя обстоятельства! Во-вторых, у тебя есть заместитель! И, в-третьих, ты четырнадцать лет не был в трудовом отпуске, и, столько же, не видел своих родителей!

Иван Андреевич задумался. А подумав немного, сказал: «Да, ехать нужно обязательно и срочно! И Шуру с собой возьму. Ведь он ещё ни разу бабушку с дедушкой не видел. Им тоже приятно будет внука увидеть. Они уехали в Грозный из Шахрисабза, когда ещё Шурик не родился.

– Господи! Как быстро бежит время! – покачала головой Евдокия Ефремовна. – Вроде бы совсем недавно жили рядом, а уже прошло четырнадцать лет

– Да, время летит быстро и незаметно! – ответил жене Иван Андреевич. – Главное, чтобы с матерью не случилось худшего! Ведь ей уже семьдесят шесть лет!

– Ваня, а как всё это произошло? Как она могла попасть под поезд? Ума не приложу! Вроде бы и возраст уже такой, что по рельсам бегать не должна была.

– Володя сказал мне по телефону, что толком сам ничего не знает. Оля звонила ему из Иловайской и сказала, что мать с отцом и целая куча родственников из Иловайской шли в гости к родственникам на станции Кутейниково. От станции Кутейниково до Иловайской совсем недалеко. Они приехали повидаться с родственниками, которые жили в Кутейниково. Прямо с вокзала они направились к родственникам в гости. А им всем нужно было переходить железную дорогу. В это время перед ними на путях стоял длинный состав. Обходить его им было долго и трудно. Вот и полезли все под вагоны. Они были не одни. С ними был кто-то из родственников, кто и надоумил лезть под вагоны, чтобы сократить путь. Все пролезли под вагонами быстро, а мать замешкалась. Старая уже. Прить-то не та, что у молодых! В это время поезд и поехал. Ей бы скорее выбираться из-под вагона, а она растерялась от испуга. Володя, ещё говорил, что хорошо, что, тот родственник с отцом, выдернули её из-под вагона, а то бы её разрезало пополам. А так, вот, только ноги под колёсами и оказались, – с этими словами Иван Андреевич глубоко вздохнул. – Эх, жизнь... Всю жизнь жили трудно. Сейчас бы отдохнуть им на старости лет. Так нет. Вот. Мать без ног осталась на старости лет вместо заслуженного отдыха!

На следующий день Иван Андреевич оформил отпуск и через день вместе с сыном выехал на далёкую железнодорожную станцию «Иловайское».

После повторного телефонного разговора с Владимиром, мужем своей младшей сестры Ольги, Иван Андреевич немного успокоился. Самое страшное было позади.

Предстоящая поездка была первой поездкой Александра в далёкий край, если не считать переезда семьи в Бахкент через Самарканд.

Но при переезде всё было иначе. При переезде он вместе с родителями и сестрёнкой ехал на машине. Да и сама дорога была не очень трудная.

Теперь другое дело. Ему с отцом предстояло долго ехать на поезде, потом плыть на теплоходе через Каспийское море, затем опять долго ехать на поезде. В общем, долгое путешествие. Дорога предстояла дальняя.

Бабушке Александра уже сделали операцию. Ей ампутировали обе ноги выше колен. Организм бабушки выдержал перенесённое увечие и эту операцию. Она хоть и была в тяжелом состоянии, но стала чувствовать себя лучше.

Александр не переживал по поводу происшедшего с бабушкой случая так, как его переживали родители, а особенно отец. Это происходило, вероятно, потому что Александр никогда не видел бабушку с дедушкой по линии отца. Всё происшедшее с ними на станции «Иловайская» им не воспринималось близко к сердцу.

Он хорошо знал и любил другую бабушку – мамину маму. Эта бабушка жила с ними, когда он был совсем маленький. Она нянчила его. Она уехала от них, когда ему шёл уже седьмой год.

Александр с отцом выехали из дома поздно вечером. До прибытия поезда было ещё долго. Их поезд приходил на станцию в третьем часу ночи. Но им предстояло ещё добраться до станции, которая находилась в десяти километрах от города и взять билеты на этот поезд. Сделать это было непросто. Автобусы в городе ходили только до девяти часов вечера. Такси в городе популярностью не пользовалось. Ехать на такси было накладно. Да и найти такси ночью тоже было непросто. И с билетами на поезд в это время года тоже была большая проблема. В летние месяцы взять в кассе билеты на поезд, сразу, подъехав к поезду, было невозможным занятием. Но, им нужно был срочно ехать в далёкую Украину.

– Держись, солдат! – сказал Александру отец по дороге на станцию. – Сегодня у нас с тобой будет трудная ночь. Спать сегодня нам, может быть, не придётся!

– Я знаю, – ответил Александр. – Потерплю. Я уже не маленький. Да, и ты мне всегда говорил, что солдат должен уметь терпеть. Мне даже интересно!

– Ну, вот и хорошо. Нам с тобой, главное, взять билеты. И не просто взять, хоть это и трудно, а взять билеты в спальный вагон. Чувствую, что для этого придётся давать «лапу».

– Какую лапу? Кому давать?

– Я тебе, как-нибудь, потом объясню. Плохое и неприятное это занятие – давать «лапу».

– Почему потом? Всё равно сейчас делать нечего. Объясни, чтобы было понятно.

– Потом!

Им повезло. Первая машина в сторону станции, которую остановил Иван Андреевич, оказалась попутной. Через полчаса отец с сыном уже были на площади перед железнодорожным вокзалом.

После жаркого дня наступившая ночь облегчения от жары не принесла. Было тихо. Ни ветерка. На деревьях ни один листок даже не шевелился. Асфальт и каменные стены домов, вобрав в себя за день весь солнечный жар, теперь с полной отдачей излучали это тепло обратно, словно издеваясь над людьми. Хотелось пить.

Повертев головой, Александр осмотрелся. Прямо перед ним стояло невысокое одноэтажное здание железнодорожного вокзала с большими глазами окон. Чуть правее была небольшая площадка, выложенная бетонными плитками. Слева и справа от площадки густо росли деревья, образуя небольшой скверик. Очевидно, что в дневной зной эти деревья спасают людей от солнечных лучей своей густой кроной. Чуть позже эта крона начнёт давать прохладу Александру и его отцу.

Место было знакомое. Здесь Александру приходилось бывать иногда раньше, потому, что недалеко от вокзала находился большой магазин канцелярских товаров. Александр с приятелями иногда приезжал сюда, то за клеем, то за тетрадами, то ещё за какой-нибудь мелочью, которая была необходима ему для учёбы или постройки моделей. Рядом с магазином была водопроводная труба с краном. Из неё тонкой струйкой сочилась вода.

– Папа, ты хочешь пить? – спросил у отца Александр. – Вон водопровод. Идём, воды попьём.

– Я пока не хочу пить. Иди, пей сам, если хочешь. А я сейчас займу очередь в кассе. Хоть мы и пораньше приехали, но народ уже есть.

Иван Андреевич пошёл к зданию вокзала и вошёл в него.

Александр бегом побежал к водопроводу. Напившись воды, он не спеша подошёл к раскрытой двери вокзала и остановился на крыльце перед этой дверью. На свежем воздухе вне здания было приятно. Из зала ожидания через раскрытую дверь небольшим сквозняком тянуло запахами прокисших помидоров, спелых дынь, и ещё чем-то сладко-горько-вонючим.

– Да, – подумал Александр, – на аэровокзале так не пахнет. И как здесь люди могут часами сидеть?

Постояв ещё немного у входа в вокзал, он пересилил возникшую брезгливость и вошёл в здание. Там он увидел отца, который стоял у небольшого окошечка кассы и о чём-то говорил через это окошечко с кассиршей.

Александр подошёл к отцу.

– Я вас очень прошу! – говорил в это время отец неведомой Александру кассирше. – Всего два билета в плацкартный вагон!

– Мест нет! И не стойте здесь! – грубо отвечала кассирша.

Отец не отходил от окошечка.

– Я участник войны, – помолчав немного, Иван Андреевич вновь обратился к кассирше. – Вот мои документы.

С этими словами он протянул руку в окошко кассы, одновременно заглядывая туда.

Кассирша нехотя взяла документы из рук Ивана Андреевича и некоторое время молчала.

– Ну, хорошо! – вернув отцу документы, сказала она. – Подойдите минут через двадцать. Я для вас что-нибудь придумаю.

– Большое вам спасибо! – поблагодарил кассиршу Иван Андреевич.

Отец и сын отошли от кассы.

– Ну, вот, кажется, всё в порядке, – тихо, чтобы никто кроме сына не слышал, сказал Иван Андреевич и посмотрел на Александра. – Без «лапы» не обошлось, но она помогла.

– Какая лапа? – спросил отца Александр. – Опять ты говоришь о лапе. Что это такое?

– Пойдём на улицу, – предложил Иван Андреевич. – Здесь душно. Посидим немного на лавочке.

Они вышли из здания и, пройдя в скверик, сели там на скамейку. Среди деревьев было немного прохладней. Подул слабый тёплый ветерок. Деревья слегка зашуршали, затрепетав листвою.

– Лапа, – глядя на здание вокзала, вдруг сказал Иван Андреевич, – это когда сначала даёшь деньги просто так, а только потом покупаешь билет. Сейчас я отдал кассирше десять рублей. Положил десять рублей в своё удостоверение участника войны и отдал его кассирше.

– Наживаются, сволочи, на нуждах людей! – помолчав немного, добавил он со злостью в голосе. – Однако ничего не поделаешь! Хочешь ехать – плати деньги! Устроили частную лавочку! Обидно, что управы на них нет никакой. Что хочешь, делай, а этих людей ничем не запугаешь. Круговая порука у них везде.

Александр, молча, слушал отца. Он прекрасно всё понял. Теперь ему стало понятно, что «лапа» – это обыкновенная взятка. В душе у него поднялась злоба против этой кассирши и против всех тех, кто по его разумению был таким же, как она. Но вскоре эта злоба у него по-детски быстро прошла. Однако она оставила в его душе неизгладимый отпечаток отвращения к поступку, свидетелем которого стал впервые в жизни. У Александра уже наступило то время, когда он начал думать о том, что происходит вокруг него, в окружающем его мире. Всплески отдельных эпизодов в жизни, в которых одни имели выгоду за счёт других, он всегда воспринимал отрицательно. Александр считал, что это несправедливо. Он мысленно стремился к пониманию сложных законов жизни того общества, в котором жил. Но не всё, пока, было по силам его разума.

– Ты, посиди здесь, – сказал Иван Андреевич сыну через некоторое время, – а я пойду, возьму билеты.

Отец пошёл к зданию вокзала, а Александр остался сидеть на лавке. Он сидел, охранял чемодан, слушал ночные звуки железной дороги. Слабый ветерок доносил запах промасленных шпал. Недалеко на железнодорожной горке маневрировал тепловоз, сортируя вагоны. Слышались звуки станционного репродуктора, которые смешивались с металлическим перестуком вагонных колёс на рельсовых стыках.

Площадь перед вокзалом освещалась двумя фонарями, свет которых мягко растворялся в нагретом воздухе и плавно исчезал среди деревьев сквера. К свету фонарей добавлялся желтый свет из окон вокзала. О фонарные и оконные стёкла неистово билась мошкара. Вокруг Александра тоже летали эти невидимые в ночи насекомые. Иногда его спокойствие нарушали комары. В скверике их тоже было много.

Из раскрытых дверей вокзала вышел отец и спокойной походкой направился к сыну.

– Всё в порядке! Вагон у нас второй, места пятнадцатое и шестнадцатое.

– Много в кассе народа?

– Сейчас стоят в очереди пять человек, но они только стоят, сохраняя свою очередь. Остальные, кто после них, сидят там на скамейках. Билетов пока нет.

– А как же ты взял?

– Я постоял немного около кассы. Кассирша увидела меня и подозвала сама. Некоторые пассажиры начали возмущаться, но она сказала, что я железнодорожник и получаю служебный билет.

Иван Андреевич присел рядом с сыном и с удовольствием вытянул ноги.

Близилась полночь. Спать не хотелось.

Немного помолчали. Времени у отца с сыном до прибытия поезда было ещё почти три часа.

– Папа, расскажи, что-нибудь, про войну, – прервал молчание Александр. – Как ты воевал? Как тебя ранило?

Помолчав немного, Иван Андреевич начал рассказывать. Про войну он всегда рассказывал неохотно, но потом, увлекаясь, и, уйдя в воспоминания, рассказывал много и интересно.

– Я расскажу тебе маленькую историю про свои три ранения, – начал рассказывать Иван Андреевич. – Почти всю войну я прошёл без единой царапины. А эти три ранения получил сразу в один день и попал в госпиталь. Было это в тысяча девятьсот сорок пятом году. Наша армия в то время освобождала Венгрию от фашистов. Дело было на озере Балатон, неподалёку от венгерского города Секешфехервар. После тяжёлых боёв за город наступило небольшое затишье. Но, немцы что-то затевали. Они хотели прорвать нашу оборону. О наступлении им уже мечтать не приходилось. Наша армия гнала фашистов дальше и дальше, освобождая европейские государства от этой нечисти. Все бойцы и командиры чувствовали, что война скоро закончится. Советская Армия уже била фашистов в их логове на подступах к Берлину. В это время я командовал стрелковым батальоном. Помню, утром, командир полка собрал всех командиров и предупредил, что немцы намечают начать наступление именно на нашем участке фронта и нужно быть начеку. Солдаты и командиры моего батальона почти все прошли хорошую школу боёв и имели опыт. За своих командиров и бойцов я был спокоен, потому что знал каждого из них. Знал, что они не подведут. Но на душе было тревожно. Чтобы знать, чем занимаются немцы, я приказал отправить двух разведчиков к ним в тыл. Разведчики ушли сразу, а я стал ждать их возвращения. Стоял чудесный апрельский день. Было тепло. На небе не было ни облачка. Тишину нарушали лишь немецкие пулемётчики. Они изредка постреливали в сторону позиций батальона. Через равные промежутки времени на наших позициях бухали разрывы немецких мин. В ответ бойцы батальона тоже изредка постреливали, если замечали какое-либо подозрительное движение в немецкой траншее. Местность у нас была удобная. Батальон располагался на небольшой высотке. Нас с немцами разделяло большое поле. Две роты батальона вкопались в край этого поля. Третья рота размещалась левее моего командного пункта в кустах виноградника. Кусты виноградника занимали большую площадь на высотке и наискось пересекали часть поля со стороны батальона. Значительная часть виноградника была у нас в тылу, удаляясь в глубину нашей обороны. Плантация виноградника дугой охватывала наши позиции. Много кустов виноградника росло рядом с командным пунктом. Правый фланг батальона окопался на берегу большого озера. Это озеро было нашим надёжным прикрытием с фланга. В этом месте немцы никак не могли неожиданно напасть на нас. С немецкой стороны озеро упиралось в небольшой лесок, и, на большом удалении справа, и со стороны немцев, и с нашей стороны переходило в болото. Форсировать это болото было невозможно. Но лесок был удобным для скрытного накопления сил противника и их броска против нас. Ожидая разведчиков, я привёл себя в порядок. Побрился. Начистил сапоги до зеркального блеска, хоть и понимал, что это бессмысленно, так как во время боя сапоги опять станут серыми от пыли и грязи. Настроение в этот день у меня было приподнятое. Вскоре вернулись разведчики и доложили, что в лесочке у немцев появилось до роты танков. Похоже, немцы действительно готовились к наступлению. Лесок был редкий и я решил сам определить обстановку на правом фланге батальона. Вместе со своим ординарцем я по траншее прошёл в расположение третьей роты. Из окопов роты увидеть ничего не удалось. Я принял решение подобраться ближе и с орди-

нарцем ползком, прячась в кустах, пробрался к кромке озера. Вокруг нас густо рос камыш и высокая трава. Они надёжно прятали нас от глаз противника. Солнце было высоко, но уже перевалило своё самое верхнее положение. Оно ярко освещало местность. Оно для нас было не союзником, потому что находилось над немецкими позициями и светило нам прямо в глаза. Я медленно и осторожно раздвинул траву и слегка подмял её, чтобы она не мешала смотреть. Прижался всем телом к земле и, приподняв голову, стал пристально всматриваться в чащу леса. Ординарец подполз ко мне. Он тоже раздвинул траву и вдруг, подняв бинокль к глазам, стал рассматривать противоположный берег. У меня в голове молнией пронеслась мысль, что у бинокля могут блеснуть стёкла на солнце, но сказать об этом ординарцу не успел. Инстинктивно почувствовав опасность, я опустил голову, положив её щекой на руки. Только я это сделал, как вдруг – фюйть! От левого плеча наискосок вдоль всей моей спины, словно кто-то чиркнул по мне чем-то острым и горячим. Спину обожгло как жигалом. Я моментально понял, что это в меня стрелял немецкий снайпер. Если бы я не опустил голову как раз в тот момент, когда он выстрелил, то пуля попала бы мне точно в лоб. Ощувив опасность, я опустил голову в тот момент, когда снайпер нажал на спусковой крючок. Пуля прошла по касательной, до крови прорезав кожу на спине и, порвав гимнастёрку. В одно мгновение я сообразил, что снайпер заметил нас по блескующим на солнце стёклам бинокля. В то же время, видимо, снайпер находился в приличном расстоянии от нас, потому что выстрела я не слышал. Зная по опыту, что на этом он не утомится, я не стал испытывать во второй раз своё военное счастье. Так я получил своё первое ранение.

– А как ты получил второе ранение? – спросил отца Александр, слушая его с большим интересом.

– Слушай дальше, – продолжил рассказ Иван Андреевич. – Я сделал резкий рывок в сторону и заорал нехорошими словами на своего ординарца, сообщив ему о снайпере и о своём ранении. Ординарец моментально сделал рывок в сторону, как и я. Откатившись в разные стороны от опасного места, мы быстро уползли в траншею. Рана на спине кровоточила и болела. Не успели санитары мне её обработать, как послышалась команда: «Воздух!». Я посмотрел в небо и увидел, что со стороны леса в нашу сторону на большой высоте медленно летел немецкий разведчик и корректировщик артиллерийского огня – «рама», как бойцы называли на фронте этот самолёт. Ну, думаю, начинается. Сейчас будут лупить по нам из пушек. Только подумал, как тут же услышал далёкие глухие орудийные выстрелы. Над головой прощелестел один снаряд, второй, третий. Снаряды рвались в глубине нашей обороны. Там располагался артиллерийский дивизион, приданный нашему полку для усиления обороны. Взрывы снарядов сотрясали землю. Начался бой. Через некоторое время немцы перенесли свой обстрел на позиции батальона. Бойцы укрылись в окопах и в траншее. Они ждали наступления немецкой пехоты, потому что знали, что после артиллерийского обстрела обязательно начнётся её атака. Санитары наскоро смазали мне йодом рану на спине и обмотали бинтом, чтобы остановить кровь. Рана была незначительная по фронтовым меркам и я, забыв о ней, вместе с ординарцем по траншее побежал на свой командный пункт. Немцы обстреливали батальон минут тридцать. В ожидании начала боя я переоделся в свежую гимнастёрку и вскоре совсем забыл о пулевой царапине на спине. Обстрел закончился также внезапно, как и начался. «Рама» улетела. «Сейчас попрут» – подумал я и вышел из блиндажа. На короткий промежуток времени наступила зловещая тишина, предвещающая смертельную и чуждую людям работу. «Танки!» – услышал я крики солдат. Посмотрев в неприятельскую сторону, я увидел семь танков. Они приближались к позициям батальона. За танками бежали немецкие солдаты. Танки иногда останавливались, чтобы сделать прицельный выстрел из пушки, а затем, выпуская клубы дыма, вновь двигались к позициям батальона. Я дал команду: «Батальон к бою!». Позади нас раздались пушечные выстрелы артиллерийского дивизиона. Снаряды пушек рвались рядом с танками, но попаданий не было. Танки были всё ближе и ближе. Бежавшие за танками немец-

кие солдаты заметно отстали от них, но тоже быстро приближались к траншее. Оценив обстановку, я скомандовал: «Отсечь пехоту от танков! Танки пропустить!». Я дал такую команду, зная, что позади наших порядков были артиллеристы, которые примут с танками бой. Для этого они позади нас и находились. Артиллеристы должны были помогать нам в борьбе с танками. Столбы разрывов снарядов всё чаще возникали на пути танков. Вокруг свистели пули. В воздухе стоял грохот артиллерийских и танковых орудий. Слышался лязг металла. Строчили пулемёты и автоматы. В этом грохоте слышались винтовочные выстрелы, вой и взрывы мин. Бой разгорался нешуточный. Немецкие танки, перевалив за бруствер траншеи, не останавливаясь, и, не утюжа, как обычно, траншею с бойцами, помчались дальше на позиции к артиллеристам. Бойцы батальона меткой стрельбой заставили немецких солдат залечь на землю. Несмотря на это, противник вёл интенсивный огонь из всего своего стрелкового оружия. Во время боя батальон понёс потери. Был убит пулемётчик, который отсек немецких солдат от танков и заставил их залечь. Заметив, что пулемёт молчит, и огонь на участке ослаб, немецкие солдаты вновь поднялись в атаку. Никто кроме меня не заметил гибели пулемётчика. Все бойцы были заняты боем. Тогда за пулемёт взялся я сам, дав по наступающим немцам несколько очередей. Немцы вновь залегли и начали беспорядочно стрелять в мою сторону из автоматов. Я снова открыл по ним огонь из пулемёта. Кроме злости в душе ничего не было. В это время шальная пуля, выпущенная из немецкого автомата, коснулась безымянного пальца на моей правой руке. Боли в азарте боя я не почувствовал. Мне показалось, что это какой-то камень ударил меня по пальцу. Лишь чуть позже, когда меня у пулемёта сменил боец, я увидел кровь, текущую из пальца. И только тогда почувствовал сильную боль. Пуля повредила мне сухожилие на этом пальце. Я об этом узнал только потом, когда лечился в госпитале. У меня до сих пор этот палец не шевелится.

Иван Андреевич показал сыну безымянный палец на правой руке.

Александр увидел, что подушечка безымянного, слегка согнутого, и, никогда не разгибающегося пальца у отца была словно срезана бритвой почти до кости. Раньше он этого не замечал.

– Так вот, это было моё второе ранение, – сказал отец.

– Ну, а третье? – с любовью и уважением глядя на отца, спросил Александр.

– Бойцы ружейно-пулемётным огнём прижимали фашистов к земле, не давая им поднять головы, – продолжил свой рассказ Иван Андреевич. – Лёжа на земле, немцы отстреливались, но ползком медленно продвигались в нашу сторону. Бойцы батальона меткой стрельбой поражали движущиеся цели, но немецкие солдаты всё лезли и лезли. А в тылу слышались частые разрывы снарядов и сплошной гул орудийных залпов. Это артиллеристы вели бой с немецкими танками. Метким огнём батальону удалось остановить наступление фашистов. Вначале они начали окапываться, но, видимо, понесли большие потери и стали, кто короткими перебежками, кто ползком откатываться назад в защитную полосу леса. А я так увлёкся боем, что совсем забыл о немецких танках, которые вели бой с нашими артиллеристами. Бой с немецкой пехотой близился к завершению. Я вышел из блиндажа, где располагался командный пункт батальона. Сильно болел и кровоточил под бинтом раненный палец. Продолжая командовать батальоном, я начал ходить среди кустов виноградника. Там для фашистских солдат я был невидим. Мне из этих кустов было видно всё поле боя. Войдя в азарт боя, видя, что немцы побежали назад, я подобрал с земли длинную ветку, срезанную пулей, и начал расхаживать взад-вперёд, постукивая этой веткой по сапогу. Вдруг сзади, совсем близко, послышался металлический лязг гусениц и надрывный вой танковых двигателей. Это были те самые немецкие танки, которые мы пропустили в наш тыл к артиллеристам. От семи танков их осталось только три. Выскочили на нас сзади они неожиданно. Эти танки драпали обратно к себе, на свою территорию. Военное счастье помогло мне и на этот раз. Немецкие танкисты заметили меня раньше, чем я увидел их танк. Видимо по моим движениям они поняли, что я командир и взяли курс

на наш командный пункт. В бою с нашими артиллеристами фашистские танкисты, видимо, израсходовали все боеприпасы. Это и было моим счастьем. Будь у них в пулемётах хотя бы один патрон, они легко бы расстреляли меня. Но их танковые пулемёты молчали. Не успел я ничего сообразить, как вырвавшийся вперёд танк выплюнул в мою сторону из пушки короткий язычок пламени. Короткий шелест близко пролетевшего снаряда слился с пушечным выстрелом в один смертоносный звук. Снаряд разорвался с перелётом метров в двадцать, слегка оглушив меня. Тут же, следом за первым снарядом взорвался второй. Этот снаряд не долетел до меня метров пятнадцать. Я только успел заметить взрыв и услышать его грохот, как в этот миг меня сильно ударило чем-то горячим в спину и бросило наземь. Это был осколок разорвавшегося второго снаряда. Теряя сознание, я увидел в небе наши самолёты и немецкие. В небе тоже разгорался бой. Потом я потерял сознание, и что было дальше, не знаю. Очнулся я через несколько часов в полевом госпитале. Осколок из меня вынули. После операции меня отправили в тыловой госпиталь на полное излечение, где я пробыл несколько месяцев и там встретил Победу. Так вот я был ранен, сынок, три раза в один день и один раз за всю войну.

– Ты мне рассказываешь о войне, папа, – сказал Александр отцу, – а я всё себе представляю, как всё было. Ты мне потом ещё расскажешь что-нибудь?

– Расскажу, – ответил Иван Андреевич. – А теперь, знаешь что? Через два часа подойдёт наш поезд, поэтому, коль время есть и оно позднее, давай вздремнём немного.

Отец обнял сына за плечи и прижал к себе. Александр доверчиво положил голову отцу на плечо и закрыл глаза. Через несколько минут он забылся в сладкой дрёме.

– Шура, просыпайся! – растолкал Александра отец. – Скоро подойдёт наш поезд. Сядем в него, потом будем спать. Сейчас ты разоспишься и сломаешь свой сон, а потом трудно будет уснуть в вагон.

Сон с Александра слетел мгновенно, но сладкая истома недавнего сна ещё держала в своих объятиях.

Небо на горизонте слегка розовело. Наступало раннее утро нового дня.

– Папа, а ты спал?

– Нет, Шура, мне почему-то не спится. Сижу, всё думаю. Как это бабушка могла под вагоны полезть? Ты как, проснулся уже окончательно?

– Да, проснулся, но ещё немного поспал бы.

– Потерпи. Скоро сядем в свой вагон, на свои места. Получим постели, а уж потом поспим.

Слушая отца, Александр сладко потянулся и откровенно зевнул.

На чёрном небе ярко сверкали звёзды. Розовеющий на востоке горизонт не уменьшал их яркость, а наоборот, подчёркивал чистоту и бесконечность вселенной.

Утренняя прохлада приятно освежала, прогоняя сон. Александр вскочил со скамейки и побежал к водопроводу.

– Ты куда, Шура? – крикнул вдогонку Иван Андреевич.

– Я сейчас, папа! Умоюсь только! – ответил отцу Александр.

Открыв водопроводный кран, он пригоршнями несколько раз плеснул себе в лицо прохладной воды, которая с шумом вырвалась из водопроводной трубы. Остатки сна сняло, как рукой.

Подошёл отец и тоже умылся.

– Ну, вот и приготовились к походу! – сказал Иван Андреевич. – Давай, бери наши манатки, и пойдём на перрон. Сейчас поезд подойдёт.

Взяв вещи, отец с сыном направились на перрон, который был неподалёку. Через пару минут они уже были на месте, где по их представлению должен будет остановиться их вагон.

На перроне уже было много людей. Все ждали прибытия поезда.

– Едет! – сказал отец Александру, и, подняв правую руку, показал сыну, откуда едет их поезд.

На железнодорожных путях перед перроном стояли вагоны. Их составы растянулись во все стороны и закрыли от взора людей на перроне всё, что находилось на противоположной стороне за железной дорогой. Однако два ближних к перрону пути были свободными.

Александр посмотрел в ту сторону, куда ему показал отец.

Вдали была ещё чёрная ночь. Далеко на горизонте слабо светились лампочки на столбах. Они освещали своим тусклым светом, стоящие на путях вагоны и примыкающие к железной дороге строения и какие-то сооружения. В чёрном коридоре между строениями и стоящими на путях вагонами, отсутствовавший ранее прожектор разливал в ночи яркий поток света. Этот прожектор медленно приближался к перрону. За яркой стеной светового потока прожектора исчезали в ночи и дома, и стоящие на путях вагоны. Выхватывая из темноты пространство, луч прожектора ярко освещал рельсы, превращая их в прямые блестящие линии.

Через минуту в свете прожектора проявился тепловоз. Это был тепловоз, который тащил за собой вагоны прибывающего поезда. Слабо освещённый отражёнными лучами собственного прожектора передняя часть тепловоза медленно прогремывала работающим дизелем, проезжая мимо Александра и его отца. Его колёса ритмично стучали на стыках рельсов.

Прожектор тепловоза проплыл дальше, направляя луч в бесконечную даль дороги. Пространство перрона сразу погрузилось в ночную темноту. Его опять освещали слабым светом только перронные фонари, да движущиеся вагонные огни ночного и сонного поезда.

Иван Андреевич правильно рассчитал место остановки поезда. Их вагон остановился неподалёку от того места, где они стояли.

Александр впервые в своей жизни попал в пассажирский плацкартный вагон. Ни в каких других вагонах он до этого момента тоже никогда не был. Его память, сохранявшая ощущения комфорта на самолёте, позволила сразу сделать оценку предстоящей поездки в этом вагоне.

После чистого свежего воздуха, которым был окутан ночной перрон, в вагоне было душно. Воздух вагона был пропитан кисло-потными запахами.

Иван Андреевич прошёл вглубь вагона, изредка бросая короткие взгляды на номера мест. Александр двигался за отцом.

Духоту вагона и отсутствие в нём чистого воздуха довершал ночной полумрак. С верхних перегородок лился слабый свет от электрических ламп. Пассажиры спали тем сном, который называют утренним. С многих верхних полок свисали простыни, которые закрывали пространство под этими полками.

Пробираясь вслед за отцом к своему месту, Александр ощутил прилив брезгливости от вида не очень чистых ног торчащих со всех полок. Ноги торчали с полок разные. Были среди них и аккуратные, чистые, и со следами естественного дорожного налёта на голых пятках, и одетые в носки не первой свежести. Эти носки в довершение ко всему испускали тот самый запах, которым был насквозь пропитан воздух вагона.

Места отца и сына были в середине вагона. Добравшись до них, Иван Андреевич и Александр присели на свободную нижнюю полку. Это была их полка. Другая полка была верхней. Она располагалась выше.

– Где будешь спать, Шура? – спросил Иван Андреевич у сына.

– Спать буду наверху, там интересней, – ответил Александр отцу, прикинув, что сверху, наверное, будет лучше.

В это время к ним подошёл проводник.

– Ваши билеты, товарищи! – спросил он, глядя на Ивана Андреевича.

Иван Андреевич вынул из кармана билеты и протянул их проводнику.

– Вы нам бельё принесёте или нам самим у вас его брать? – спросил Иван Андреевич у проводника.

– Идёмте со мной, – ответил проводник, – я вам его дам.

Положив билеты в свою сумку, проводник вместе с Иваном Андреевичем ушли.

Александр сидел на жесткой полке, положив руку на небольшой столик. Он смотрел в окно.

Небо было ещё тёмным, но уже значительно светлее, чем это было до посадки в вагон. Хотелось спать. Вскоре пришёл отец и принёс два пакета с постельными принадлежностями.

– Ну-ка встань. Я постели застелю, – сказал Иван Андреевич сыну.

Александр встал, не зная, что ему нужно будет делать. Тем временем отец откуда-то сверху достал два матраца с подушками и разложил их на полках. Делал он это осторожно, чтобы не разбудить соседей-пассажиров. На нижней соседней полке спал мужчина примерно такого же возраста, как и у Ивана Андреевича. Отвернувшись к стенке, этот пассажир похрапывал.

Кто был на соседней верхней полке, Александр вначале понять не мог. Было ясно только, что это не взрослый человек.

Иван Андреевич быстро застелил постели.

– Ну, вот, – сказал он сыну, – теперь можно, и спать ложиться.

С этими словами Иван Андреевич сел рядом с сыном и обнял его за плечи.

– Лезь на полку и ложись спать, Шура! – тихо сказал Иван Андреевич. – Я сейчас тоже прилягу, и буду спать.

Вагон слегка дёрнулся. Александр не придумал этому толчку никакого значения. Сонно глядя в окно, он увидел, что вагоны, которые стояли напротив окна, медленно поехали.

– Когда же поедем мы? – спросил он отца.

– А мы уже едем. Разве ты не видишь?

У Александра сон, как рукой сняло.

– Как это уже едем? – удивлённо воскликнул он и, встрепенувшись, приник к окну.

Оказалось, что их поезд действительно уже ехал, медленно набирая скорость. Вагоны, те, что стояли напротив, они так и продолжали стоять на месте. Вид из окна вагона при плавном движении пассажирского поезда создавал иллюзию движения не самого поезда, а вагонов на соседнем пути. Машинист мастерски тронул состав пассажирского поезда с места и плавно отправил его в далёкий путь.

Делать было больше нечего. Отец с сыном переоделись в дорожную одежду и легли спать. Александр залез на свою полку и лёг, положив руки под голову. Поезд уже разогнался до своей путевой скорости и Александр начал наслаждаться поездкой и той новизной, что теперь окружила его. Воздух ему уже не казался душным. Вагон качало. Глядя в потолок, Александр незаметно для себя уснул. Его усыпила бессонная ночь, усталость и успокаивающий стук колёс.

Многое увидел Александр за эту поездку. И пустыню Кара-Кум с её жёлтым безжизненным пространством барханов, и Каспийское море, поразившее его своей чистотой и прозрачностью глубин, и большие города, мимо которых он проезжал, и российские сёла, разбросанные на равнинах среди полей и лесов.

Иван Андреевич с сыном доехали до места без приключений, если не считать их десантирование из поезда на нужной им станции.

От Баку они ехали в купированном вагоне. Александру этот вагон понравился. Везде было чисто, а главное воздух постоянно был свежий, как на улице.

Сходить с поезда они должны были на станции Кутейниково. Часа за три до этой станции Иван Андреевич попросил проводницу о близости станции предупредить его заранее, минут за тридцать до остановки, чтобы он с сыном успел собраться и не прозевать свою остановку. Дело было в том, что поезд стоял на станции Кутейниково по расписанию всего две минуты.

Заранее собравшись, отец с сыном сидели в купе. Иван Андреевич разговаривал с попутчиками, а Александр смотрел в окно. За окном наступала ночь. Было темно. До станции Кутей-

никово было много остановок. Железная дорога была загружена. Поезд часто останавливался на разъездах и небольших станциях, пропуская идущие поезда или дожидаясь их подхода.

Их пассажирский поезд опаздывал. Александр смотрел в окно, встречая и провожая набегающие станционные и дорожные огни.

Поезд в очередной раз остановился на небольшой станции. Вывески с названием станции видно не было. Вагон до неё не доехал. Постояв немного, поезд вновь продолжил свой путь. Александр услышал гудок тепловоза и почувствовал лёгкий толчок начала движения.

Поезд начал набирать скорость. В это время в купе забежала проводница и с возмущением, вроде бы пассажиры в чём-то провинились, крикнула Ивану Андреевичу и его сыну: «Что вы сидите? Ваша станция Кутейниково сейчас была!».

С этими словами она побежала в тамбур открывать дверь вагона. Поезд в это время только начал своё движение и двигался ещё медленно. Можно было спрыгнуть с него.

Ивану Андреевичу стало ясно, что проводница забыла его предупредить заранее. Моментально оценив обстановку он схватил в охапку вещи и побежал к выходу.

– Прыгаем, Шура! – крикнул он сыну.

С этими словами Иван Андреевич, не останавливаясь, выпрыгнул из вагона на платформу. Поезд уже набирал скорость.

Побежав за отцом, Александр схватил со стола забытый термос с горячим чаем. Несколько минут назад они собирались пить чай. Времени у Александра на раздумывание и на страх не было. Поезд заметно набирал скорость. Так же, как и отец, Александр без остановки выпрыгнул из вагона следом за отцом. Прыгать из вагонов ко времени своего возраста Александр ещё не научился и, поэтому, прыжок его оказался неудачным. Во-первых, перрон закончился, а во-вторых, он прыгнул из вагона спиной к движению поезда. На ноги он приземлился удачно, но бежать задом с набранной скоростью поезда никак не мог. Переступив два-три раза ногами, Александр споткнулся обо что-то и кубарем покатился назад. Упав, он услышал звон разбитого термоса. Падая, Александр успел увидеть, что его отец тоже упал и, очевидно, тоже начал кубарем катиться назад, потому что, лёжа на спине, высоко задрал вверх свои ноги.

Громыхая железом, мимо Александра проносились вагоны их поезда.

Кувыркаясь по земле, Александр почувствовал, что что-то обжигает ему руку. Он, не думая, инстинктивно отбросил в сторону разбитый термос.

Всё произошло в считанные секунды. Перестав кувыркаться, Александр мгновенно вскочил на ноги. Перед его глазами ещё стояла картина падения отца. Александру показалось, что кувыркаясь, отец может попасть под поезд и испугался за него.

От станции в их сторону быстро шли люди.

Мельком заметив это, Александр быстрым взглядом нашёл отца. Иван Андреевич бежал к нему, бросив на насыпи все их вещи.

Подбежав к сыну, Иван Андреевич схватил его за плечи.

– Цел? Всё в порядке? – с волнением в голосе спросил Иван Андреевич.

– Цел! Всё в порядке! Термос только разбился! – спокойно ответил отцу Александр.

– А я, вот, немного расшибся! – успокоившись, произнёс Иван Андреевич.

Тут Александр заметил, что лоб у отца в крови.

– Я видел, как ты кувыркнулся, папа, – сочувственно сказал Александр. – Мне показалось, что ты катишься под вагоны. Я испугался этого.

В это время к ним подошли две женщины и мужчина. Александр в темноте не разглядел того кто это был.

– С приездом, дорогие наши! – приближаясь к Ивану Андреевичу, сказал мужчина старческим голосом.

– Здравствуй, папа! – взволнованно ответил Иван Андреевич.

Они обнялись. Это был Андрей Филиппович, дед Александра
– Здравствуй, Ваня! Здравствуй, Ваня! – взволнованно говорили женщины. – А это, наверное, Шурик? Здравствуй, Шурик!

Все начали взволнованно обниматься и целоваться. Не оставили в покое и Александра.

Когда волнение первых минут встречи прошло Александр, наконец, узнал, что это сёстры отца, его тётки, тётя Оля и тётя Вера.

– Ну и видик у вас у обоих, – сказала тётя Оля, – бандиты с большой дороги и только. Оба грязные. Один весь исцарапанный. Зачем вы прыгали? Нужно было ехать до следующей станции. Она недалеко. Всего тридцать минут езды. Там, на Иловайской, вас тоже встретили бы. Володя на всякий случай поехал вас там встречать.

– Откуда мы знали! – ответил сестре Иван Андреевич. – Проводница прибежала. Кричит, прыгайте! Мы и прыгнули. Ну и ничего. Живы и здоровы. Главное доехали.

– Ты совсем не изменился, Ваня! – сказал Андрей Филиппович, рассматривая сына, и, посмотрев на Александра, добавил, – Шурик уже совсем большой!

Дед погладил Александра по голове шершавой ладонью.

– А что с нами делается, – улыбаясь, ответил Иван Андреевич. – Как мать, папа? Как она себя чувствует?

– Сейчас хорошо, Ваня! А было время, мы уже были ко всему готовы! А сейчас хорошо!

– Долго мы ещё будем здесь стоять? – шутливым тоном спросила тётя Оля. – Идёмте домой, парашютисты!

Собрав вещи, они все пошли в сторону огоньков села, где, как потом узнал Александр, жили два десятка семей их родственников.

По дороге к дому Андрей Филиппович и Ольга с Верой поочерёдно рассказывали Ивану Андреевичу о том, как они живут, как дед с бабкой поехали в гости, как всё случилось, как ждали нашего приезда, как видели десантирование Вани и Шурика. Впечатлений у всех было много. Вокруг стояла ночная тишина. Ветра не было. На железной дороге не было шума поездов. На чистом чёрном небе ярко светили большие звёзды.

Только в это время Александр почувствовал, что здесь намного прохладнее, чем в Бахкенте. Воздух был опьяняющим и чистым. Он был наполнен запахом полевых трав.

Они шли по ночным сельским улицам. Иногда, то тут, то там лениво лаяли собаки. Где-то вдалеке стрекотали кузнечики.

На следующий день после приезда Иван Андреевич проснулся рано утром. Он встал с постели и разбудил сына. Александр вскочил с постели и начал собираться к бабушке в больницу. Как выяснилось, больница была на станции Иловайской, куда им нужно было доехать на поезде, а не прыгать из вагона.

Вместе с ними в больницу собрались почти все родственники, которые жили на станции Кутейниково. Народа собралось много. От этого в доме было очень шумно.

Разговоры, хлопоты, суета волновали Александра и его отца. Иван Андреевич нервничал, торопил всех.

Наконец все дружно вышли из дома и направились на железнодорожную станцию.

Вновь шли по сельским улицам. У Александра уже была возможность рассмотреть российское село в дневное время. Мать часто ему рассказывала о своём детстве, проведённом вот в таком же, наверное, селе. По её рассказам и по картинкам в книжках Александр представлял себе всё то, что увидел сейчас воочию.

Они шли к станции гуськом по улице размытой недавним дождём, который прошёл ночью. Воздух, как и вечером, был чистым и прозрачным. По небу быстро плыли белые барашки облаков. Утренняя прохлада бодрила. Улицами здесь назывались проходы между огородами, обрамлёнными частоколами высоких штакетников. Асфальта на дорогах не было. Колея дороги на главной, самой широкой улице местами была заполнена водой. Вдоль заборов

и штакетников росла густая трава. Она сохраняла тропинку от придорожной грязи. Влага уже впиталась в землю, щедро напоив растения. От этого каждая травинка, излучая изумрудные краски своей жизни, радовала прохожих чистотой и свежестью.

Идти было легко. Грязь и лужи на дороге встречались редко, а те, что встречались, не создавали больших проблем для пешеходов. Их обходили, держась за влажные доски заборов.

К железнодорожной станции дошли быстро. Тётя Оля по дороге всё время шутила над племянником, заостря на Александре своё внимание.

До станции Иловайской доехали на электропоезде. В вагонах электропоезда было не так, как в вагонах пассажирского поезда. Здесь вместо полок были деревянные скамейки.

Сев ближе к окну, Александр ощутил неудобство такой скамейки. Спинка у неё была прямая и неудобная. От этого приходилось сидеть с ощущением, что соскользнёшь со скамейки, но..., лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять!

Свободных мест в вагоне было много и взрослые, шумно устроившись на скамейках, продолжали разговоры о чём-то своём. Александр не прислушивался к их разговорам. Он был занят пейзажами за окном и, глядя в вагонное окно, представлял себя сидящим не в вагоне, а в самолёте. Это вошло в его постоянную привычку. Когда он ехал куда-то и на чём-то, а за окном был виден простор, то непременно представлял себе, что не едет по земле, а летит на самолёте над землёй. О самолётах он не думал только тогда, когда видел их. Само видение самолётов наполняло его душу чувством родственной причастности к крылатой технике. В эти минуты Александр лишь наслаждался красотой полёта и изяществом форм крылатых машин. Без самолётов он постоянно думал о них. Скучал. Представлял окружающее его пространство, как что-нибудь авиационное. Вот и сейчас он сидел в вагоне, а представлял себя сидящим в самолёте.

Вскоре поезд тронулся. Из окна вагона Александр смотрел вниз, как когда-то из самолёта смотрел на землю. Земля пёстрой массой протекала мимо, и ему казалось, что вот-вот, ещё мгновение, и он полетит над землёй. И иногда ощущение полёта было весьма реальным. Это случалось, когда поезд выезжал на высокий мост или проезжал по высокому откосу. В эти минуты Александр был счастлив от обманчивого ощущения мнимого полёта. Ему хотелось, чтобы эти мгновения повторялись ещё и ещё. И он ждал их, эти мгновения, глядя в окно вагона, и, высматривая вдали крутящуюся землю.

Встреча с бабушкой была волнующей не только у Александра, а и у всех родственников. В больнице всем выдали белые халаты и провели в палату, где она лежала.

Иван Андреевич подошёл к матери. Он встал на колени рядом с её кроватью и осторожно обнял свою мать.

– Здравствуй, мама! – тихо, со слезами на глазах сказал Иван Андреевич. – Вот, мы и приехали!

– Здравствуй, Ваня! Здравствуй, сын мой! Как я рада, что опять вижу тебя!

Обняв Ивана Андреевича, бабушка Екатерина правой рукой лёгкими движениями гладила его голову.

Все, кто был в больничной палате, плакали. Эта сцена была настолько волнующей, что Александр еле сдерживал себя от того, чтобы не разреветься. Он, молча, стоял, наблюдая за встречей отца и бабушки, и пытался проглотить тот комок слёз, который давил ему горло. Слёзы жалости к бабушке и волнения от ожидания внимания к себе с её стороны хлынули из его глаз моментально, как только бабушка позвала его к себе и усадила рядом с собой на угол кровати.

Иван Андреевич присел на табурет, принесённый медсестрой из коридора больницы.

Всё время, сколько Александр был рядом с бабушкой Катей, он смотрел ей только в лицо, боясь опустить глаза на одеяло и увидеть пустоту там, где должны были находиться её ноги.

– Как ты сейчас себя чувствуешь, мама? Как твои ноги? Не больно? – с этими словами Иван Андреевич вновь заплакал.

– Не плачь, Ваня! – утешала Ивана Андреевича бабушка Катя. – Мне уже не больно. Очень больно было, когда пилили кости. Я думала, что помру. Но, видно, Богу нужно, чтобы я ещё жила.

С этими словами бабушка посмотрела на Александра.

– Какой у меня внучек уже большой! – взяв его за руку, произнесла она.

Рука у бабушки была тёплая и мягкая. До этой встречи Александр видел бабушку Катю только на фотографиях и совсем не знал её. Отец с матерью мало что рассказывали о своих родителях.

Вскоре волнение у Александра прошло. Его голос перестал дрожать. На какое-то время он оказался в центре внимания сразу всех родственников. Они наперебой стали хвалить его, желая этим показать бабушке, какой у неё хороший внук. Тем самым все они хотели сделать ей приятное. Затем про Александра на некоторое время забыли. И его это не расстроило. Напротив, он, спокойно устроившись на стуле неподалёку от бабушкиной койки, так, чтобы она видела его рядом, стал наблюдать за происходящей встречей.

Иван Андреевич, тоже успокоившись от волнения, рассказывал об их жите-бытье и о своей работе.

Бабушка вначале взволновано, а затем устало слушала его и улыбалась краешками губ. Её голубые глаза, такие непривычные для Александра своим цветом, с большой добротой и нежностью смотрели на Ивана Андреевича. Наблюдая за этим, Александр отметил, что отец на бабушку похож был совсем мало. Можно было сказать, что он совсем не был похож на свою мать. Зато Иван Андреевич был точной копией дедушки Андрея. Глядя на дедушку, Александр видел в нём своего отца, но только слишком постаревшего. Так сильно было у них сходство всех черт лица и фигур.

Врачи не позволили родственникам долго говорить с бабушкой. Было заметно, что она начинает уставать от этого общения. На лбу у неё проступили маленькие капельки пота.

Слушая Ивана Андреевича, бабушка устало закрывала глаза, но пересиливая себя, открывала их вновь и всё также, с любовью, смотрела на сына.

Заметив, что бабушка устала, тётя Оля начала шептаться с дедушкой. Порам было уходить, чтобы обеспечить покой не только бабушке, но и всем остальным больным в этой палате. Вскоре в палату вошла медсестра.

– Товарищи посетители! Вам пора уходить! – растягивая слова, сказала она. – Больная устала и ей нужен покой!

Возникло небольшое замешательство. Нужно было уходить, но хотелось побыть с больной бабушкой. Все понимали необходимость ухода, но, никак не могли встать и уйти. И вновь оставить бабушку одну без их поддержки среди незнакомых ей людей в больничной палате. Пусть даже добрых и отзывчивых.

Бабушка, глядя на своих родных, поняла это.

– Идите, Андрюша! – тихо произнесла она, обратившись к дедушке. – Идите дети домой! Мне здесь хорошо. Я сейчас посплю немного. А вы потом ещё придёте. Идите!

После её слов дед встал и знаком подал всем команду потихоньку выходить из палаты. Все родственники вышли и направились по домам.

Шурик, взяв отца и деда за руки, молча, вместе с ними направился к дому, где они с отцом остановились после приезда.

Бабушка пробыла в больнице почти месяц. Всё это время Иван Андреевич вместе с сыном гостил у их многочисленных родственников из села Кутейниково. Родственников действительно было так много, что Александру порой казалось, что в этом селе живут только

Калиновы. Все эти родственники хотели, чтобы Иван Андреевич с сыном Шуриком хоть денёк погостили у каждого из них.

Поначалу Александра это забавляло. После очередного посещения больницы к бабушке Иван Андреевич и Александр всё оставшееся время ходили по гостям.

Хозяином положения всегда оставался дедушка Андрей Филиппович. Он водил сына и внука по всем их многочисленным родственникам и кругом был самым главным.

Каждая встреча с родственниками была стандартно одинаковой.

Дед всегда садился во главе стола, сажая по правую руку Ивана Андреевича, как своего единственного сына и главного наследника фамилии. Все остальные родственники рассаживались вокруг стола произвольно. Почти сразу заботливые руки хозяйек домов, куда они приходили в гости, раскладывали на столе горячие, с пыла, с жара пироги и другие сладкие печёные вкусности. В центре стола всегда водружался самовар, отражая на своих зеркальных боках изображения лиц, сидящих вокруг людей.

Чаепитие всегда начиналось с благословенной молитвы.

Дед, Андрей Филиппович, вставал. Все сидящие за столом вставали следом за ним.

Для Александра, живущего в условиях тотального атеизма, это выглядело смешно и непривычно. В первый день, не зная этих обычаев, он попытался проигнорировать вставание. Но, получив от отца лёгкий толчок в бок, и, увидев его сердитый взгляд, быстро вскочил на ноги. Вскочив, он не знал, что ему дальше делать. А дальше всё было очень просто.

Дедушка Андрей Филиппович, опустив голову, и, опершись согнутыми пальцами вытянутых рук о край стола застеленного безупречно белой скатертью, вполголоса начинал читать молитву. В молитве дед славил бога, давшего ему, его детям и родственникам целебную пищу. Он просил у бога благополучия в жизни для всех его родных и близких людей.

– Аминь! – всякий раз заканчивал он свою молитву.

Всё это время все стоящие за столом, как и дед, склоняли вниз свои головы и, молча, слушали молитву.

– Сядем, дети! И примем пищу во славу Христа, как дар божий! – с этими словами дед усаживался за стол и приступал к трапезе.

Присаживались за свои места и все остальные. После молитвенной тишины за столом начинались шумные разговоры под чаепитие с пирогами. Так было каждый день и каждый раз, когда Александр садился за стол кушать.

Вначале он ел сладкие домашние пироги и пряники с удовольствием, запивая их чаем с клубничным вареньем. Но, через несколько дней пироги и чай ему уже стали надоедать. Ещё через несколько дней он уже просто не мог на них смотреть. Но, мужественно, стараясь не показывать окружающим его родственникам своего нежелания есть пироги, продолжал вместе со всеми принимать в пищу дары божьи. Ещё через несколько дней у Александра произошло полное насыщение организма съеденными пирогами и прочими сладостями. Но он продолжал их есть, потому что хотелось кушать. Однако, через две недели жизни в Кутейниково терпенье есть сладости у Александра закончилось.

– Всё пироги, да пироги! – однажды заявил он за чаепитием при очередном посещении родственников. – Эх, борща бы поесть!

Все сидящие за столом родственники переглянулись и весело рассмеялись.

– Бедненький ты наш! – сказала хозяйка дома, всплеснув руками. – Давно бы сказал, чего тебе хочется! Я давно бы тебя накормила и борщом, и кашей с мясом. А подавать пироги на стол – это традиция у нас такая. Дорогих гостей всегда пирогами встречаем! А я-то и не догадалась сама, что вас вот уже, сколько дней всё пирогами потчуют!

Хозяйка разволновалась, засуетилась. Вскоре на столе появилась большая кастрюля, в котором парил наваристый борщ. Какой он был вкусный!

После этого все посещения родственников неизменно завершались вкусными и обильными по-русски завтраками, обедами и ужинами. При этом все родственники со смехом вспоминали о лопнувшем терпении Александра. Не был доволен только дедушка Андрей Филиппович. Он всё время ворчал о том, что обильная пища не благословляется Господом Богом и не пойдёт на пользу. Сам он при этом ел мало и продолжал соблюдать, как выяснил позже Александр, молоканские традиции.

– Чревоугодничество грешно, дети мои! – постоянно напоминал он родственникам.

Все почтённо слушали деда и старались ему угодить. За столом в полной мере пировал один только Александр. Он пробовал понемногу все блюда и соленья, наслаждаясь вкусной и разнообразной пищей.

К бабушке в больницу Иван Андреевич с сыном ходили каждый день. Состояние её постепенно улучшалось. Наконец наступил день, когда её выписали из больницы. В этот же день, осторожно, поместив бабушку в мягком вагоне, Иван Андреевич с отцом, сыном, сестрами Ольгой и Верой и мужем Ольги Владимиром выехали в скором поезде домой в город Грозный.

В Грозном Иван Андреевич и Александр пробыли совсем мало. За этот период времени Александра познакомили с его двоюродными братьями Андреем, Павликом, Валерием и двоюродной сестрой Людмилой. Они были хорошими и приветливыми, особенно Людмила. Но из-за отсутствия общения с ними из-за малости отведённого времени Александр так и не успел поближе познакомиться с ними до того состояния, когда появляются ощущения родственных чувств к очень родным, но малознакомым людям.

Отпуск у Ивана Андреевича заканчивался и он вместе с Александром, погостив пару дней в Грозном в семье сестры Ольги, вернулись домой в Бахкент.

Несколько повзрослев, Александр стал более крепким парнем. Постоянная работа с инструментами, пребывание на свежем воздухе и оптимистическое настроение сделали его совершенно здоровым человеком. Простуды и ангина всё реже донимали Александра. Наступило и такое время, когда он уже не мог вспомнить, когда в последний раз простывал и болел. Осознавать полноту своего здоровья было приятно. Кроме всего Александр знал, что лёгчики должны быть людьми здоровыми, иначе они не смогут ими стать.

С начала нового учебного года в школе он всё чаще начал думать о занятии спортом.

Домашние упражнения со старыми утюгами вместо гантелей ему радости не приносили.

В школу он ходил уже в шестой класс. Во время очередного урока физкультуры учитель, наблюдая игру Александра с мячом, предложил ему приходить на тренировки школьной баскетбольной команды.

Александр согласился, но в душе желания серьёзно заниматься баскетболом у него не было. Ему хотелось чего-нибудь другого, особенного. Александру хотелось, чтобы у него была спортивная индивидуальность. Такая особенность, как у боксёров или штангистов. Групповая игра по-юношески казалась ему малопривлекательной, хоть и полезной для здоровья. Приняв предложение учителя о занятии баскетболом, он в первую очередь думал о будущих полётах, где ему нужно будет его здоровье.

Тренировки школьных баскетболистов проходили в привычном школьном дворе, который изрядно надоел за учебные дни. Бегая за мячом и с мячом по полю, бросая его в кольцо с сеткой, Александр не ощущал необходимости в систематическом выполнении этих однообразных физических упражнений. Ему хотелось творчества и поиска чего-то нового.

Как долго бы это продолжалось, сказать трудно. Найти себя в спорте Александру помог случай.

Однажды учитель физкультуры отвёл своих баскетболистов в гимнастический зал для общефизической подготовки.

Понаблюдав за тренировкой гимнастов, и, представив себя на их месте, Александр понял, что это тот вид спорта, который ему нужен. Но стать гимнастом оказалось для него делом весьма не простым.

В этот же день, когда он впервые оказался в гимнастическом зале, Александр не смог набраться решительности и подойти к тренеру гимнастов, чтобы попроситься в гимнастическую секцию для дальнейших тренировок. В это время он ещё не знал, что просто проситься в гимнасты не было смысла, потому что тот, кто хочет им быть должен иметь для этого определённые физические данные.

Об этом он узнал позже, когда, наконец, решившись, вновь пришёл в этот зал принимать в гимнасты.

Прошло несколько дней, прежде чем Александр вновь решился зайти в гимнастический зал. Этот зал занимал добрую половину здания Дворца пионеров.

Была уже, как говорят, глубокая осень. Наступил октябрь. Но настоящей осенью на самом деле пока ещё не пахло. Дни стояли тёплые, однако с деревьев уже начинала слетать листва, высохшая задолго до начала осеннего листопада.

Деревья стояли ещё в зелёном убранстве листьев. Но листья уже не имели той свежести, какая бывает у зелени после утренней росы или после дождя. Основная масса листвы была ещё крепкая, но прошедшие знойные летние дни высушили листву, а сухой и пыльный воздух Средней Азии припудрил эту увядающую красоту природы. Осенний пыльный ветер и вид увядающей природы действовал на Александра удручающе. Ничего не хотелось делать. И он после школы, оставив дома, портфель с учебниками, начал бродить по знакомым улицам города. Ему хотелось встретить знакомых ребят, чтобы вместе скоротать время до вечера.

Александр продолжал приходить на тренировки в школьную баскетбольную секцию. Но на этих тренировках он ощущал всё большее желание серьёзно заняться спортивной гимнастикой.

Возможно, поэтому ноги сами несли его на ту улицу, где стоял Дворец пионеров.

Пройдя очередной квартал, Александр завернул за угол большого дома и оказался перед зданием Дворца пионеров. При виде Дворца пионеров он остановился в нерешительности, не зная, что делать дальше. Неожиданно в душе возникло волнение от ощущения, что сейчас в его жизни произойдёт что-то важное. От этого волнения засосало под ложечкой. В какой-то момент захотелось повернуться и уйти в другую сторону. Сразу исчезло бы волнение, и отодвинулись бы все проблемы. Но он, постояв ещё некоторое время на месте, с бьющимся от волнения сердцем решительно зашагал к зданию Дворца пионеров, где был расположен зал спортивной гимнастики. Он шагал, движимый навстречу своей судьбе какой-то неведомой ему внутренней силой. Переступив порог Дворца пионеров, Александр уверенно направился в его правое крыло и в одно мгновение очутился перед дверью спортивного зала. С расположением помещений Дворца пионеров Александр был знаком давно, когда он ещё ходил сюда в авиамодельный кружок. Но тогда он почему-то не поинтересовался тем, что в этом здании есть спортивный зал. В авиамодельный кружок Александр ходил в левое крыло здания. Спортивный зал Дворца пионеров находился на втором этаже и занимал правую основную часть здания.

Волнуясь перед предстоящим событием, Александр стоял на лестничной площадке второго этажа. Он стоял перед дверью в спортивный зал и вслушивался в звуки, которые доносились из спортивного зала.

Набравшись смелости, Александр открыл дверь и вошёл в зал.

Оказалось, что он был не единственным любителем спортивной гимнастики. Войдя в зал, Александр оказался среди нескольких таких же парней, каким был и он сам. Все они были примерно такого же возраста, как и Александр и стояли небольшой группой у двери.

Все ребята молчали и наблюдали за тренировкой сверстников-гимнастов.

Александр присоединился к этой группе и тоже стал, молча наблюдать за тренировкой юных спортсменов.

Мальчиков, занимавшихся спортивной гимнастикой, в зале было немного. Всего их было восемь человек и возрастом они были такие же, как и ребята, которые стояли на пороге спортивного зала, а некоторые и на пороге спортивной жизни.

Тренировал юных гимнастов, как показалось Александру, очень сильный человек. Он был небольшого роста, не старый (по пониманию Александра), с настоящим мужским, красивым телосложением. Юные гимнасты упражнялись на перекладине. Упражнения они выполняли по очереди. В то время, когда один из них выполнял упражнения на перекладине, другие гимнасты сидели на длинной скамейке и, молча, наблюдали за его действиями, слушая резкие и довольно громкие команды тренера.

Перекладина была низкой, где-то на уровне плеч Александра.

Тренер держал каждого юного гимнаста во время его манипуляций на перекладине, то за руку, то подталкивал под спину, то зачем-то шлёпал наотмашь кистью руки по носкам ног этого гимнаста. Он сопровождал, таким образом, выполнение всех упражнений каждым из юных гимнастов и давал им вслед напутствия.

– Ноги! Ноги держи, Максим! – и тут же через мгновение резко и требовательно, – Выпрями спину! Что сидишь, как саксаул на верблюде?

Слушая тренера, гимнаст, находящийся на перекладине старательно выпрямлял вновь сгибающиеся ноги и спину.

Каждый из гимнастов был мокрым от пота, несмотря на то, что на каждом из них были надеты только трусы и майки.

В зале шла трудная и благородная работа спортсменов – тренировка. Этой работой были увлечены гимнасты в зале и их тренер. Тренировка всецело захватила зрителей, стоящих на пороге спортивного зала. Пришедшие ребята с интересом наблюдали, как тренируются их сверстники. Этой работой был пропитан воздух спортивного зала, в котором к запаху пота подмешивались запахи спортивных снарядов и ещё чего-то, пока неизвестного Александру и стоящим рядом с ним ребятам. Эта неизведанность привлекала к познанию.

Ни юные гимнасты, ни их тренер, увлечённые выполнением упражнений на перекладине, не обращали на вошедших в зал ребят никакого внимания. Разве, что только тренер несколько раз в самом начале их присутствия взглянул на ребят, а потом чуть погодя, увидев, что среди них появились желающие подойти поближе к перекладине, сказал: «Ребята! Вернитесь назад к двери! У нас в зале в обуви не ходят!»

После этих слов тренера Александр обратил внимание на то, что все гимнасты и сам тренер были в лёгких кожаных тапочках.

Тренировка на перекладине длилась ещё минут тридцать. После этого по команде тренера гимнасты из-под перекладины убрали маты, обшитые чёрным дерматином. Они унесли их в дальний угол зала и сложили там аккуратной стопкой. После этого гимнасты зачем-то начали разбирать перекладину.

В это время тренер отвлёкся от своих подопечных и подошёл к ребятам, стоящим у входной двери спортивного зала.

– Ну, что, ребята? Гимнастами хотите быть? – приветливо улыбнувшись, спросил он.

– Хотим, – не очень дружно, вразнобой ответили стоящие вокруг Александра ребята.

– Сейчас я не могу уделить вам внимания, продолжал тренер. – Следующая тренировка будет с другой группой ребят завтра в пятнадцать часов. Кто хочет заниматься спортивной гимнастикой, приходите пораньше.

– А во сколько часов можно приходиться? – спросил стоявший рядом с Александром крепко сложенный коренастый паренёк.

Лицо этого паренька Александру было знакомо. Он учился с ним в одной школе и жил неподалёку.

– Приходите на полчаса пораньше, – ответил тренер. – Покажите, что из вас каждый может делать. Кто на что способен.

– А что мы должны будем делать? – спросили сразу несколько ребят.

Александр, молча, слушал этот разговор, не задавая вопросов.

– А делать вы будете самые простые элементы гимнастики, – продолжал говорить тренер. – Каждый из вас покажет, как вы делаете «мостик», «шпагат», сколько раз подтягиваетесь на перекладине. Если среди вас найдутся такие, что не умеют ничего делать из того, что я перечислил, и сил у них нет, то гимнастикой они не смогут заниматься. Но сейчас об этом говорить не будем. Приходите завтра. Тот, кто подойдёт по своим данным для занятий спортивной гимнастикой, сразу, с завтрашнего дня будет принят в нашу детскую спортивную школу, в секцию спортивной гимнастики. И сразу начнёт тренироваться в этом зале. Всё понятно?

– Понятно, – негромко и вразной ответили ребята.

– Ну, тогда, до свидания!

В это время три мальчика-гимнаста отсоединили от пола перекладину и, приподняв её, понесли к стене. Остальные спортсмены установили в дальнем углу зала коня с ручками, обложив его со всех сторон матами, и теперь стояли, ожидая указаний тренера.

Попрощавшись с пришедшими в спортивный зал ребятами, тренер ушёл к юным спортсменам и начал им что-то объяснять. Гимнасты внимательно слушали его наставления.

Постояв ещё минуту, ребята, окружавшие Александра, стали выходить из спортивного зала.

С чувством лёгкой досады из-за того, что сегодня ничего не получилось с записью в секцию спортивной гимнастики, Александр вышел следом за ними.

На улице к нему подошёл тот самый коренастый паренёк, который стоял рядом в спортивном зале.

– Мы с тобой, вроде бы, рядом живём? – спросил он Александра. – Ты сейчас куда собираешься идти?

– Домой, – ответил Александр новому приятелю. – Тебя как звать?

– Борисом меня звать.

– А меня Александром.

Ребята пожали друг другу руки в знак признания знакомства.

– Ну, что, пошли домой? – спросил Борис.

– Идём, – ответил Александр.

Они, не спеша, направились в тот район города, где оба жили неподалёку друг от друга.

По дороге ребята говорили о всяких пустяках, но из этих разговоров Александр понял, что Борис был хорошим парнем. Ему с ним было интересно. Александр пожалел о том, что не был с ним знаком раньше. С первых же минут общения у обоих возникло чувство давнего знакомства и дружбы.

Вместе они шли не долго. Минут через пятнадцать приятели подошли к дому, в котором жил Борис. Этот дом был хорошо знаком Александру. Мимо него он каждый день ходил в школу. В этом доме даже жил один из одноклассников Александра, у которого он был пару раз в гостях.

– Вот и мои окна, – сказал Борис, когда они подошли к дому.

Он показал рукой на окна дома, расположенные на первом этаже в центральной части здания.

– Квартира номер два, – продолжил говорить Борис. – Если хочешь, заходи!

– Нет, я пойду домой, – ответил Александр. – Много уроков задали в школе. Нужно заниматься. Завтра меня, наверное, вызовут отвечать к доске. Давно не спрашивали.

– Ну, тогда, давай, пока! До завтра! – с этими словами Борис протянул Александру руку.
– До свидания! – ответил Александр, пожав руку приятелю.

Борис ушёл к себе домой. Александр, оставшись наедине с собой, ощутил новое приятное чувство приобретения дружбы. До этого у него не было таких чувств никогда. Борис был на полгода старше Александра, но этой разницы он даже не заметил.

На следующий день в начале третьего часа после полудня Александр уже был во Дворце пионеров. Там же были все вчерашние ребята. Среди них Александр увидел и Бориса.

Ребята дружно собрались на лестничной площадке перед входом в спортивный зал.

Александр и Борис поздоровались, пожав друг другу руки.

Остальные ребята тихо переговаривались между собой, не зная, что делать дальше. Все ждали прихода тренера. Ждать пришлось недолго. Ровно в половине третьего он, уже переодетый в спортивную одежду, легко взбежал по ступенькам лестницы на площадку, где его ожидали ребята.

– Здравствуйте, ребята! – с лёгкой улыбкой на лице сказал тренер. – Поднимайтесь на четвёртый этаж. Там у нас раздевалка. Переоденьтесь в спортивную одежду и быстренько спускайтесь и заходите в зал. Я вас жду! Вам на переодевание пять минут!

С этими словами тренер открыл ключом запертую дверь спортивного зала.

Не теряя времени, гимнастические новобранцы шумно побежали наверх переодеваться. Поскольку спортивной одежды ни у кого из ребят не было, то все они просто сняли с себя верхнюю одежду, оставшись в одних трусах и майках.

Раздевалка была не очень большой комнатой, но имела пять окон в двух смежных стенах. Комната эта была в здании угловой и находилась под самой крышей.

Переодеваясь, Александр мельком взглянул в окно и увидел, что из окна виден городской стадион и значительная часть построек древнего города.

Развесив свою одежду на вешалках, все ребята быстро, один за другим, сбегали вниз по лестнице и входили в спортивный зал. Александр и Борис были в их числе. Войдя в спортивный зал, ребята вновь, как и в свой первый приход, столпились у двери. Они не решались пройти вглубь зала.

Александр стоял среди них в ожидании развивающихся событий.

Тренер сидел на скамейке, стоявшей вдоль стены неподалёку от двери.

– Проходите в зал, – серьёзным голосом произнёс он, обращаясь к пришедшим ребятам. – Десять минут вам на разминку и приступим к экзаменам. Побегайте, попрыгайте, а я на вас посмотрю.

Усевшись поудобнее на скамейке, тренер начал наблюдать за ребятами. Одет он был в синий спортивный шерстяной костюм. Курточка его костюма была с небольшим замком-«молнией» застёгнутым до самого подбородка. Из-за этого воротник курточки, имевший белую кайму, плотно облегал сильную шею. Лёгким движением руки тренер расстегнул замок куртки и расправил воротник.

Между тем, ребята времени не теряли. После приглашения тренера начать разминку, весь их отряд постоял секунду, другую, а затем, не очень уверенно, рассыпался по всему спортивному залу.

Сам по себе спортивный зал Дворца пионеров был небольшой. Начав хаотично бегать и прыгать, ребята быстро начали мешать друг другу. Но, затем, самопроизвольно выстроились в круг и начали копировать движения друг у друга.

Пришедшие ребята были разными и по комплекции, и по возрасту, и по росту. Одинаковыми были, пожалуй, только их спортивные одежды – трусы до колен и разноцветные майки, которые висели на их угловатых мальчишеских фигурах, как на палках.

Всё время, пока ребята разминались, тренер, молча, наблюдал за каждым из них, делая при этом для себя какие-то выводы.

Десять минут прошли быстро. Каждый из мальчишек, видя к себе внимание со стороны тренера, старался разминаться во всю свою прыть.

Александр тоже не отставал от остальных. Он держался рядом с Борисом и, также, как и Борис прыгал, бегал, махал руками и ногами, наклонялся из стороны в сторону. Александр все свои упражнения делал так, как обычно выполнял их во время утренней гимнастики и во время разминки на уроках физкультуры в школе. В спортивном зале было тепло, и он скоро почувствовал, что начал потеть.

– Достаточно, ребята, – сказал тренер, когда истекли отведённые для разминки десять минут. – Постройтесь в шеренгу.

Ребята быстро построились. После проведённой разминки все они были слегка возбуждены. Построившись в шеренгу, они перешёптывались, стараясь предугадать желание тренера. Шеренга у ребят получилась неровная. Каждый старался выдвинуться вперёд, чтобы чем-то выделить себя перед остальными участниками. От этого шеренга оказалась выгнутой в дугу.

Кое-как построившись, ребята во все глаза смотрели на тренера. На всё построение у них ушло около минуты, но им показалось, что построились они быстро.

После этого построения тренер встал со скамейки и подошёл к ребятам.

– На первый раз сойдёт! – сказал он спокойным голосом. – Но строиться нужно быстрее, по росту и не по такой кривой линии, как у вас. Ну, да ладно. Этому вы научитесь позже, а сейчас я вас начну проверять на способности к спортивной гимнастике. Посмотрю, как вы растянуты и много ли у вас силы у каждого. Сейчас садитесь на скамейку. Будете подходить ко мне по очереди и делать то, что я скажу. Садитесь.

После слов тренера строй мальчиков сразу рассыпался. Они подошли к скамейке и сели на неё в том же порядке и очередности, в какой только что стояли в шеренге.

Среди всех ребят Александр был самым высоким. Это выделяло его среди остальных присутствующих мальчиков, но он не придавал такому пустяку, как ему казалось, никакого значения.

Тем не менее, вступительные экзамены поступления в гимнасты начались.

Тренер, выждав пару секунд, и, скользнув взглядом по лицам ребят, обратился, к первому из ребят. Им оказался именно Александр. Несмотря на то, что он сидел не на краю скамейки, а в центре среди ребят, тренер выбрал почему-то именно его.

– Вот, ты, – тренер пальцем указал на Александра, – подойди ко мне.

Это обстоятельство немного смутило Александра. Он предполагал, что тренер начнёт проверку с тех ребят, которые сидели на краю скамейки, и у него будет возможность посмотреть, что это за проверка будет такая. Но выбор начинать испытания выпал именно на него самого.

Александр поднялся со скамейки и подошёл к тренеру.

– Вы все будете делать то же самое, что сейчас будет делать этот парень, – сказал тренер, обращаясь к ребятам, сидевшим на скамейке, одновременно показывая рукой на Александра.

– Подойди вон к той лестнице и подтянись столько раз, сколько сможешь, – обращаясь уже к Александру, произнёс тренер.

С этими словами он указал на сооружение, занимавшее всю стену спортивного зала, которое действительно напоминало лестницу.

Александр подошел к этой «лестнице». Верхняя «ступенька» «лестницы» висела над остальными, несколько выступая вперёд от стены. Увидев эту «ступеньку», Александр сообщил, что удобнее всего будет подтягиваться, держась именно за неё. Но она была высоко. Вскарabкавшись в два прыжка по круглым лакированным перекладинам «лестницы», он цепко ухватился за верхнюю «ступеньку».

– Подтягивайся столько, сколько сможешь, – повторил свои слова тренер. – Руки выпрямляй полностью. Начинай!

Александр подтянулся раз, другой, стараясь подбородком достать до перекладины.

– Правильно, – сказал тренер откуда-то сбоку. – Смотрите ребята. Вот так и вам нужно будет подтягиваться.

В зале стояла тишина. Слышно было только напряжённое дыхание Александра, который продолжал подтягиваться на деревянной перекладине шведской стенки.

Третий, четвёртый, пятый, ... десятый раз. После десятого раза подтягивания силы Александра были на исходе. Подтягиваясь в одиннадцатый раз, он почувствовал, что сил для этого у него больше нет. Но он не знал, хорошо это или плохо, что он подтянулся десять раз. Ему казалось, что этого мало. Александр напряг все силы. Он медленно, медленно подтягивал к себе «ступеньку». Пот ручьями лил по лицу. Было жарко.

– У меня ещё есть силы, – мысленно твердил он себе, подтягиваясь к «ступеньке» всё ближе и ближе. – Я сильнее всех и смогу подтянуться ещё раз.

В какое-то мгновение захотелось разжать пальцы рук и, спрыгнув на пол, расслабиться.

– Нельзя, – скомандовал сам себе Александр в тот же миг, – дело ещё не сделано. Ещё немного, Ещё чуть-чуть.

Собрав последние силы, он, наконец, достал подбородком до перекладины и, разжав пальцы, спрыгнул на пол. Приземлившись, почувствовал резкую боль в ступнях ног от принудительного растяжения сжавшихся мышц, но не придавал этому никакого значения, потому что смог пересилить себя и подтянуться больше десяти раз.

– Молодец! – сказал ему тренер. – Иди, сядь и отдохни. Теперь подтягиваться будут другие. Посмотрим, сможет ли кто-нибудь из них установить новый рекорд.

Кивнув тренеру головой, Александр пошёл к скамейке и сел рядом с Борисом, с удовольствием вытянув ноги. Пот по-прежнему лил с него ручьями. Сердце колотилось в груди. Но он не замечал всего этого, радуясь победе над самим собой.

Ребята, тем временем, по очереди подходили к лестнице и подтягивались, кто сколько мог.

Борис оказался крепким парнем. Подтянувшись одиннадцать раз, он разжал пальцы рук и спрыгнул на пол. Было видно, что он мог бы ещё подтягиваться, но не стал этого делать.

– Что же ты не показал нам свою силу? – спросил тренер Бориса. – Нужно было бы побольше поработать.

– Мог бы, конечно, ещё подтягиваться, – ответил Борис, – но у меня не хуже результат, чем у других и, поэтому, я решил поберечь силы. А, вообще, я готов пойти и ещё раз начать подтягиваться.

С этими словами он повернулся лицом к лестнице и уже приготовился влезть на неё, чтобы вновь сжать руками верхнюю «ступеньку».

– Не нужно больше, – остановил его тренер, увидев этот, вполне серьёзный, порыв. – Садись, отдыхай. Сейчас я вам всем другую задачу задам.

Борис подошёл к Александру, сидящему на скамейке, и присел рядом с ним.

– А почему ты, на самом деле, не стал подтягиваться до упора, – спросил приятеля Александр, – ведь, интересно же, сколько у тебя получится. Вон тот парень всего семь раз подтянулся. И то, еле-еле.

С этими словами Александр кивнул на полноватого паренёка, который сидел рядом с ними.

– Я не еле-еле подтянулся, – в тон Александру ответил паренёк, – у меня, просто, рука болит. Я вчера упал и подвернул руку.

– Скажи об этом тренеру

– Да, ну! Зачем? Примет, если захочет. А не примет, ну и не надо. Мне всё равно.

– А зачем тогда ты пришёл сюда сегодня? – одновременно с удивлением в голосе спросили парня Борис и Александр.

– А! Скучно дома сидеть! Вот и пришёл, – после этих слов паренёк замолчал и начал беглым взглядом рассматривать интерьер спортивного зала.

Выполнение первого упражнения по заданию тренера всеми ребятами было выполнено. Они сидели на скамейке и отдыхали, ожидая объявления результатов этого испытания. Лица у всех ребят были вспотевшими и разгорячёнными.

– Так. Закончили, – обращаясь к ребятам, сказал тренер. – Ну, что же, результаты, как я и думал, средние. Но выводы, кое-какие, я, всё-таки, сделал. Сейчас об этом говорить не будем. Всё скажу каждому после завершения всех испытаний. Сейчас у нас времени осталось мало. Скоро начнётся тренировка.

В это время за дверью спортивного зала послышался шум. Скрипнула входная дверь и в зал вошла группа гимнастов. Это были ребята по возрасту года на три-четыре старше испытуемых парней. Не обращая на присутствующих ребят никакого внимания, они подошли к тренеру.

– Здравствуйте, Феликс Рубенович!

– Здравствуйте, ребята! – ответил им тренер. – Начинайте разминку самостоятельно. Сегодня у вас перекладина и конь-махи. Перекладина первая. Начинайте.

Гимнасты, в отличие от испытуемых ребят, были настоящими спортсменами.

Александр с интересом рассматривал каждого из них, отмечая, что все они имели красивые и стройные фигуры. У них были сильные мускулистые руки.

Гимнасты отошли от тренера в другую сторону спортивного зала.

– Так, парни! – прервал наблюдения Александра тренер, обращаясь к испытуемым ребятам. – Сейчас каждый из вас сделает «мостик», а затем «шпагат». Давайте, подходите ко мне по очереди. Или, нет, давайте, делайте «мостик» все сразу. Ложитесь на пол и делайте «мостик».

С «мостиком» все ребята справились быстро. Они кряхтели, делая этот «мостик».

Александр тоже старался.

– Прогибайтесь сильнее, – напутствовал ребят тренер. – Смотрите на свои пятки, если можете. Пятки ног ближе к рукам!

Слушая команды тренера, Александр старался всё делать так, как требовал тренер. Его позвоночник был согнут дугой, но он сгибал его всё больше. Сгибал до боли в плечах и позвоночнике, стараясь руки поставить ближе к ногам.

Тренер подошёл к Александру. Поддел обеими руками его под поясницу. Зачем-то, слегка, попытался приподнять его за поясницу вверх. Потом начал раскачивать «мост» Александра в продольном направлении. От всех этих манипуляций «мостик» у Александра стал, наверное, больше походить на согнутый прут, у которого соединили оба конца в одном месте. Руками он почти доставал свои ноги. Ему было больно, но он терпел эту боль.

– Хорошо! – сказал Александру тренер.

Он легонько хлопнул ладонью по животу Александра и пошёл к следующему парню, делавшему «мостик». Быстро обойдя всех ребят, тренер разрешил им лечь на пол.

После натуженного состояния все ребята легли на пол и с облегчением вздохнули. После этого все быстро встали на ноги.

Со «шпагатами» дело обстояло легче, но не проще. Конечно же, никто из испытуемых ребят настоящий и правильный «шпагат» не сделал. Но результат у каждого из них был индивидуальным. Упираясь руками в пол, каждый из парней, вытянув одну ногу вперёд, а другую назад, старался опуститься на пол, как можно ниже. Опять пришлось терпеть боль и, сжав зубы, преодолевать резиновые усилия собственных мышц и сухожилий.

Тренер осмотрел «шпагаты» каждого. Кому-то сделал замечание. Кого-то похвалил. Около кого-то промолчал.

Ну, всё! Вставайте! – сказал он, обращаясь к ребятам. – Постройтесь в шеренгу вот здесь, у «шведской» стенки.

Ребята построились. Перед их взором был весь спортивный зал. Противоположная стена была оборудована большим зеркалом во всю длину стены, и они видели себя в этом зеркале.

Пришедшие на тренировку гимнасты начали делать разминку.

Во время выполнения «мостиков» и «шпагатов» Александр не заметил, как пришедшие гимнасты поверх своей лёгкой спортивной одежды надели спортивные шерстяные свитеры и бриджи, на ноги надели тёплые шерстяные носки и лёгкие кожаные тапочки.

Они начали бегать по залу, выстроившись друг за другом, в точности повторяя движения того гимнаста, который бежал первым. Гимнасты не просто бегали по спортивному залу, а выбирали для себя разные преграды и препятствия, чтобы легко их преодолеть. Они пробегали под брусками. Подпрыгивали вверх, пробегая под кольцами, стараясь дотянуться до них. Кружились вокруг себя, продолжая гуськом бежать за направляющим гимнастом.

Александр с возрастающим интересом наблюдал за ними, не выпуская тренера из поля зрения.

Тренер, тем временем, внимательно смотрел на ребят задумчивым взглядом.

– Спортивная гимнастика очень трудный вид спорта, – после небольшого раздумья сказал он, наконец. – Серьёзно им может заниматься не каждый человек. Для спортивной гимнастики подходят люди с определёнными данными для этого вида спорта. Испытания, которые я вам устроил, показали, что не все вы подходите для этого вида спорта.

Вот, ты, например, – с этими словами тренер обратился к полному парню, который сидел на скамейке рядом с Александром и Борисом после их подтягивания на лестнице. – Тебе лучше заняться каким-нибудь другим видом спорта. Борьбой, например. Сейчас у тебя и силёнок мало, и нет ни гибкости, ни растянутости.

– Тебе я могу сказать то же самое, – сказал тренер другому парню.

– Тебя я беру в секцию спортивной гимнастики, – это тренер сказал Борису.

Тут дошла очередь до Александра. Он вдруг сразу начал волноваться, хотя, вроде бы и не было причин для этого. Но волнение нарастало от недоброго предчувствия.

– А тебя я, к сожалению, принять в секцию спортивной гимнастики не могу! – покачивая головой, произнёс тренер. – Ты, длинный! Гимнасты длинными не бывают. Длинный гимнаст никогда не добьётся хороших результатов из-за своего роста. Большой рост для гимнаста помеха в достижении хороших результатов. И, увы, это так!

После услышанных слов тренера в свой адрес у Александра всё внутри опустилось и похолодело. Как? Почему? Неужели его мечты несбыточные? В этот миг на его лице было написано всё, и эти вопросы, и отчаяние, и растерянность, и обида.

– У тебя все результаты испытаний очень хорошие, – продолжал говорить тренер Александру, – я бы даже сказал, отличные. И сила есть, и гибкость редкая и лучшая, по сравнению с остальными ребятами. И «шпагат» у тебя лучше, чем у других, но, ... ты длинный. Тебе лучше заняться баскетболом из-за роста. А, так, данные у тебя очень хорошие. И настырность, которая так нужна в спортивной гимнастике, у тебя тоже есть. Но из-за роста я не могу принять тебя в секцию спортивной гимнастики. Ты не перспективен. Из тебя ничего не получится в этом виде спорта. С первых же дней ты поймёшь это и сам бросишь заниматься спортивной гимнастикой. Мне бы нужно было сразу тебе об этом сказать ещё при нашей первой встрече вчера. Но, раз уж так получилось,...

Дальше Александр тренера уже не слушал. От обиды комок подкатился к горлу. Он проглотил его и, мучительно соображая, что же делать, решил – не сдамся!

Сделав свой выбор, тренер записал фамилии новобранцев.

– Приходите, завтра, в это же время, – сказал принятым в секцию ребятам, – начнём занятия. Но, предупреждаю сразу, на тренировки не опаздывать! Я не люблю неточных и лени-

вых людей. Тех, кто будет пропускать тренировки, или, даже, опаздывать, я прогоню! А теперь, всем до свидания!

Попрощавшись с ребятами, тренер направился к гимнастам, которые делали разминку перед тренировкой.

– Я всё равно буду ходить на тренировки, Феликс Рубенович, хоть вы меня и не приняли в секцию, – сказал Александр вдогонку тренеру твёрдым и решительным голосом.

Терять ему было нечего, и он пошёл в атаку, представив себя в эту минуту лётчиком-истребителем, о которых он уже много прочитал книг, и с которых брал пример.

Тренер на секунду остановился и, повернувшись, посмотрел на Александра. Затем он, молча, пожал плечами.

Александр и тренер посмотрели друг другу прямо в глаза.

Так ничего и, не сказав Александру в ответ, тренер отвернулся и, мягко ступая по полу, направился к гимнастам.

Настроение у Александра было наисквернейшее.

– Как же! Длинный! Так, что же? Ну и пусть длинный! – думал Александр. – А может быть я смогу больше сделать, чем остальные? Сам же, ведь, сказал, что и сила есть, и всё остальное подходящее, кроме Длинный!

Обида не проходила.

Переодевшись, ребята разошлись по домам. Александру идти домой не хотелось, и он решил побродить по осеннему городу.

На улице к нему подошёл Борис.

– Ты чего такой хмурый? – спросил он Александра. – Страшного ничего не произошло.

– Да, уж, конечно! – с какой-то внутренней злостью ответил приятелю Александр. – Это тебе расстраиваться незачем.

– Ну, вот, ни с того, ни с сего злость начал срывать на других людях, – подумал про себя Александр. – Борис то тут причём? Ну не принял меня тренер в секцию, и что? Плакать теперь, что ли?

Внутри души у Александра действительно всё сильнее и сильнее появлялось чувство какой-то злости. Но не той злости, которая сокрушает всё сразу слепо и бессмысленно, а какой-то такой, отчего можно горы свернуть и добиться того, чего хочешь.

– Ну и что, что не принял, – продолжал думать Александр о тренере, – примешь! Я не отступлю. Мне нужна не просто гимнастика. Я хочу летать! А гимнастика – это почти полёт!

Александр думал и не знал ещё, что это чувство в нём и есть рождение тех самых сил и воли, которые помогают побеждать невзгоды.

– Ты мне не груби! Не на того нарвался! А то смотри на него, глаза блестят! Сам как... – сказал Борис с нарочитым вызовом, а затем произнёс спокойным голосом: «Пошли в кино. Сегодня „Лимонадный Джо“ в „Бахоре“».

– Мне домой нужно, – ответил приятелю Александр.

– Да ладно?! Домой успеем. – Борис заговорил оживлённым голосом. – Слушай! Махни ты рукой на все запреты! Давай с завтрашнего дня вместе на тренировки ходить! Не бойся! Тренер, думаю, не выгонит!

Борис словно читал мысли Александра. Его слова окончательно убедили Александра в правильности принятого решения и стали тем живительным бальзамом поддержки, который так нужен был ему в эти минуты.

На свою первую тренировку Александр пришёл один. Приняв решение победить и стать гимнастом, он не стал отступать. Собрался и пришёл. Войдя в здание Дворца пионеров, Александр привычно поднялся по уже знакомой лестнице на четвёртый этаж, где размещалась раздевалка. Кое-кто из вчерашних ребят тоже пришли и уже, переодевшись, ждали начала тренировки.

– Привет, мужики! Поприветствовал ребят Александр.

– Здорово! А ты чего припёрся? – ответили ребята на его приветствие. – Тебя же не приняли!

Александр ничего не ответил ребятам. Настроение у него было хорошее. Он был готов к борьбе за своё право заниматься тем делом, которое ему нравилось. Спорить с парнями Александру просто не хотелось. Рассказывать им о своих желаниях, о своих мечтах не было необходимости. Да и незачем это было делать с незнакомыми для него людьми.

Всё происходящее ребятами было воспринято как обычное, ничего и ни для кого не значащее событие.

Вскоре пришёл Борис. С ним Александру стало веселее. Друг есть друг. Тут уж ничего не попишешь!

Подшло время начала тренировки. Все ребята из раздевалки спустились в спортивный зал.

Феликс Рубенович уже был там.

– Здравствуйте, ребята! – поздоровался он с начинающими спортсменами. – Проходите в зал и садитесь вон на ту скамейку.

С этими словами тренер рукой показал ребятам на скамейку, стоявшую вдоль стены.

– Ещё есть время до начала тренировки, – продолжал тренер, – посидите пока. Сейчас ещё подойдут ваши коллеги. Ровно в три часа начнём тренировку.

Ребята подошли к указанной скамейке и сели, продолжая слушать тренера.

Александр в это время всё ждал, что тренер его прогонит. Вот, сейчас посмотрит на него, и выгонит. Александр готовился к самому худшему. Он ждал этого худшего. Но тренер, продолжая разговаривать с ребятами, и даже много раз пристально глядел на Александра, но ничего плохого не говорил.

– Ну, вот видишь! – толкнул Александра в бок Борис. – Я же тебе говорил, что всё будет нормально. Так и вышло.

– Подожди, – ответил приятелю Александр, – ещё всё впереди. Кто его знает, что он скажет потом. Вчера тоже ничего вначале не говорил, а в самом конце испытаний, когда я думал, что всё в порядке, взял, да и «обрадовал».

Что ни говори, а опасения относительно своего спортивного будущего у Александра были.

В спортивный зал вошёл ещё один дядечка в спортивном костюме. Наверное, это тоже был тренер. Он свойски подошёл к Феликсу Рубеновичу и они, здороваясь, пожали друг другу руки. О чём-то тихо переговорили.

Александру не было слышно их разговора. Да он к нему, особенно, и не прислушивался, как, впрочем, и все остальные ребята, которые сидели рядом на длинной скамейке в ожидании начала тренировки.

Внимание ребят отвлекла неожиданно появившаяся группа девушек гимнасток. С их появлением спортзал ожил. Девушки весело шутили в адрес сидящих на скамейке ребят, шептались между собой и тут же смеялись над чем-то им одним только известным субъектом.

– Здравствуйте, Хамро Назарович! – задорно здоровались они со вторым тренером, который в это время разговаривал с Феликсом Рубеновичем, и тут же обращаясь к тренеру ребят, здоровались и с ним. – Здравствуйте, Феликс Рубенович!

– Здравствуйте, здравствуйте, девочки! – вразнобой отвечали им тренеры, продолжая свою беседу.

В спортивном зале стало шумно и оживлённо.

Ребята с любопытством наблюдали за девушками. Ещё бы! Сразу столько красивых и стройных девчонок! От них в это осеннее время повеяло весной и чем-то необычайно влекущим и красивым.

Парни во все глаза рассматривали девчонок в гимнастических купальниках. Было от чего заглядеться! Многие из них никогда не видели так близко от себя таких стройных, нежных и красивых девичьих фигур. Обнажённые ноги девушек притягивали взгляды парней как магнитом. Одним словом, не спортсменки, а одно загляденье.

Всё это происходило в очень короткий промежуток времени. Прошло всего минут десять с момента появления ребят в спортивном зале. Тренеры, тем временем, решив свои вопросы, разошлись к своим подопечным.

Феликс Рубенович подошёл к ребятам. Хамро Назарович увёл девушек в другой конец спортзала. Начиналась тренировка. Начиналась новая, неведомая пока для Александра, Бориса и других ребят спортивная жизнь.

Встать! – скомандовал ребятам тренер. – Строиться!

Ребята вскочили со скамейки и поначалу бестолково начали топтаться возле неё. Они не знали, как и где им нужно было строиться.

– Становитесь в шеренгу, как вчера строились! – вполголоса крикнул ребятам Александр. Тренер одобрительно кивнул головой.

Ребята построились.

– Равняйсь! – снова скомандовал Феликс Рубенович. – Смирно! – И тут же. – Вольно!

– Каждую тренировку, – продолжал тренер, мы будем начинать с построения и переключки. Привыкайте.

Он окинул ребят взглядом.

– Когда я команду «Строиться!», вы все должны бросать свои дела и бегом бежать строиться около меня. Когда я команду «Становись!», то показываю рукой, где вы должны становиться и строиться. Уяснили?

Александр стоял и слушал тренера. У него появилась спокойная уверенность в том, что Феликс Рубенович его не выгонит из спортивного зала.

– Ну, в самом деле, зачем меня выгонять? – думал Александр. – А уж если выгонять, то это лучше было бы сделать сразу до начала тренировки.

Он слушал спокойную речь тренера, смотрел ему в его открытые серые глаза, излучающие необъяснимое тепло и любовь к ребятам. Своими наставлениями Феликс Рубенович завораживал Александра, который с каждым мгновением всё больше ощущал веру в тренера и какое-то необъяснимое чувство привязанности к нему. Это было притяжение личности!

– По команде «Равняйсь!», – продолжал говорить тренер, – вы должны выровнять свои носочки по одной линии.

– Видите щель между половыми досками, – с этими словами тренер показал рукой на пол, – вот это и есть та линия, вдоль которой вы должны построиться. После этого, по команде «Равняйсь!», все смотрят на того, кто стоит первым справа, а первым справа всегда должен стоять самый высокий среди вас.

После этих слов Феликс Рубенович посмотрел на Александра.

– Становись первым, раз пришёл, – сказал он Александру.

Александр встал первым в строю начинающих спортсменов.

– По команде «Смирно!», – продолжал поучать тренер, – вы все смотрите прямо, слегка подтягиваете свои животы и делаете героическую грудь. Всё поняли?

– Поняли! – вразнобой ответили ребята.

– Ну, раз поняли, – улыбаясь, сказал в ответ тренер, – сейчас ещё раз попробуем.

А улыбаться ему было отчего. Слушая тренера, ребята, тем не менее, не упускали возможности поглазеть на обнажённые девичьи ноги.

Команда девушек построилась в противоположном конце спортивного зала и слушала наставления своего тренера.

Тренер у девушек отличался от Феликса Рубеновича всем. Он был выше ростом и плотнее телосложением. И не очень походил на спортсмена из-за слегка выступающего живота через довольно просторный, но красивый синий спортивный шерстяной костюм.

Феликс Рубенович, хоть и был не высокого роста, но на него всегда приятно было смотреть. Он был подтянутым и стройным. На ребят он смотрел внимательными и умными глазами. Серые глаза и тёмные вьющиеся волосы придавали его худощавому лицу ту мужскую красоту, которую обычно изображают на своих полотнах художники.

Александр в тренере нравилось всё. И манеры. И сложение тела. И его культура общения с начинающими и юными спортсменами.

Хамро Назарович тоже был видным мужчиной и очевидно нравился своим подопечным. Девочки слушали его наставления перед началом тренировки, не обращая на мальчиков никакого внимания.

– Разойдись! – скомандовал ребятам Феликс Рубенович.

Ребята сломали свой строй, но далеко от тренера не удалились. Встали небольшой кучкой рядом. А тренеру этого, видимо, было достаточно. Он отошёл на несколько шагов в сторону и, протянув в сторону правую руку, опять скомандовал ребятам: «Строиться!»

Мальчики бегом бросились становиться в строй с той стороны, куда была протянута правая рука тренера. Потолкавшись немного, выстраиваясь по росту, юноши успокоились.

Александр, как ему и было сказано тренером, стоял в строю первым рядом с тренером.

Увидев, что ребята построились, Феликс Рубенович встал перед ними.

– Равняйся! – вновь скомандовал он. – Смирно!

Ребята, неумело толкаясь, всё же выровняли носки вдоль линии стыка крашенных светло-коричневой краской половых досок и после команды «Смирно!» замерли в строю, поджав животы.

Феликс Рубенович, наблюдая за построением, вновь улыбнулся.

– Ничего, – сказал он юным будущим гимнастам, – для начала пойдёт. Со временем научитесь!

Строй юных гимнастов был, в общем, несколько неуклюж. Фигуры у ребят были пока ещё совсем не спортивными. Все они, как на подбор, были одеты в разноцветные майки и трусы. Причём, трусы почти у всех ребят были такой длины, которая вызывает улыбку у любителей спорта.

Александр ничем не отличался от остальных ребят. Всем им хотелось выглядеть лучше, поэтому, каждый старался выглядеть молодцом.

Александр стеснялся своей угловатости и не совсем спортивного вида.

– Вольно! – опять подал команду тренер. – Сейчас сделаем перекличку.

Ребята расслабились, а Феликс Рубенович подошёл к окну. Там, на подоконнике, лежала папка с бумагами. Он достал из папки журнал, чем-то напоминающий школьный классный журнал и, раскрыв его, вновь подошёл к ребятам.

– Асланин! – постояв перед ребятами мгновение и, бегло пробежав глазами по записанному в журнале фамилиям, вдруг прочитал фамилию Бориса.

– Здесь! – ответил Борис.

– Надо отвечать «Я!», – сказал тренер и продолжил называть фамилии юных гимнастов, делая при этом какие-то отметки в журнале.

Очевидно, Феликс Рубенович отмечал присутствующих и отсутствующих.

Перекличка закончилась быстро. К большому сожалению Александра, свою фамилию он не услышал, и его опять захлестнуло чувство обиды. У него вновь возникло чувство отверженного человека. Но, в то же время, его никто и никуда не выгонял. Он стоял в строю наравне со всеми.

– Спортивная гимнастика – это большой и упорный труд, – сказал Феликс Рубенович, обращаясь к ребятам. – Не всем вам суждено стать гимнастами. Тот, кто не имеет цели достичь чего-либо в жизни, тот ничего не достигнет и в гимнастике. В этом виде спорта нужно очень сильно хотеть добиться желаемого результата и много работать. Не буду от вас скрывать того, что спортивная гимнастика сильных делает ещё сильнее, а слабые духом постепенно отсеиваются. Тренировки покажут, кто из вас есть кто. Сегодня у вас первая тренировка. Она будет не самой трудной, но легко вам не будет уже сегодня.

Ребята, молча, слушали тренера. Выражения лиц у всех были разными. Одни со скучающим видом смотрели по сторонам, изредка бросая взгляды на тренера. Другие внимательно слушали его, одновременно успевая, и понаблюдать за девушками, которые в это время начали змейкой бегать по периметру спортивного зала.

– Сейчас начнём разминку, – продолжал говорить Феликс Рубенович, – а вы слушайте мои команды.

Он посмотрел в сторону бегающих по залу девушек.

– Хамро Назарович, – громко крикнул Феликс Рубенович своему коллеге, который в это время находился в другом конце спортивного зала и подавал команды девушкам, когда они пробежали мимо него, – я своих к вашим пристраиваю. Работаем вместе.

После этого Феликс Рубенович скомандовал ребятам: «Направо!»

Александр забыл обо всех своих переживаниях. Начинаясь тренировка, и он в ней принимал участие.

Бегая по кругу вдоль стен зала, девушки быстро, в очередной раз, начали пробегать мимо стоящих ребят. Когда девушка, бегущая последней, поравнялась с Александром, Феликс Рубенович весело крикнул: «За девушками бегом, марш!»

Александр побежал за цепочкой гимнасток. Парни такой же цепочкой побежали за ним.

Во время разминки обе команды бегали, прыгали, ползали, кувыркались, гнулись, растягивались по командам Феликса Рубеновича.

– Не отставайте, – кричал он одним и, хлопая в ладоши, кричал другим: «Темп, темп, грейте мышцы!»

Разминка продолжалась минут тридцать. Как и накануне, Александру стало жарко от всех упражнений. Пот заливал глаза, струился по спине. Майки у ребят и купальники у девчат потемнели вдоль линии позвоночника.

Наконец разминка закончилась.

– Становись! – скомандовал юношам Феликс Рубенович.

Мальчики быстро построились.

Хамро Назарович увёл девушек и построил их в другом конце зала.

– Это, наверное, такой ритуал, – подумал Александр. – Сейчас тренер скажет, что мы дальше будем делать.

Выполнять команды тренера ему нравилось. Они дисциплинировали и настраивали на работу и достижение чего-то, пока не предсказуемого, но непременно хорошего и полезного. Команды тренера Александр воспринимал как что-то обязательное в данный момент своей жизни и старательно выполнял всё, что требовал тренер.

Построив ребят, Феликс Рубенович встал перед ними.

– Сегодня у вас первая тренировка, – сказал он. – Будем работать сначала на перекладине, а потом на брусках.

Тренер так и сказал ребятам – «Будем работать!» Эти слова странно и непривычно прозвучали в объёмном пространстве спортивного зала.

Александр посмотрел на ребят. Но, те стояли спокойно. И не все слушали тренера. Кое-кто шептался о чём-то постороннем, кто-то рассеянно смотрел по сторонам, кто-то с интересом наблюдал за девушками.

Александр перевёл взгляд на тренера. Было видно, что ему не понравилось общее настроение мальчиков.

– Слушайте меня внимательно и не отвлекайтесь по сторонам, – впервые, чуть повысив голос, сказал тренер. – Приучайтесь к дисциплине и порядку. Шептаться, и хихикать будете после тренировки, а сейчас всё внимание к тому, что я вам говорю, и буду говорить.

После слов тренера ребята успокоились и сосредоточили своё внимание на Феликсе Рубеновиче.

– Правильно отчитывает, – подумал Александр. – Действительно, если не интересно, то зачем пришли сюда?!

– Итак, – продолжил Феликс Рубенович, – сейчас работаем на перекладине, а потом на брусках. Это наша программа на сегодня. Сейчас будем ставить перекладину.

– А что такое перекладина? – вдруг спросил один из мальчиков, которого звали Батыр Мансуров.

Ребята зашумели. Кто-то захихикал. От этого Батыр съёжился и смущённо посмотрел сначала на ребят, а затем на тренера.

– Ну, тихо, – сказал Феликс Рубенович и, улыбнувшись одними глазами, посмотрел на Батыра. – Ты знаешь, что такое турник?

– Да, знаю, – ответил Батыр и смущённо опустил глаза.

Помолчав мгновение, он снова посмотрел на тренера и сказал: «Я кувыркался на турнике. У меня только ничего не получилось».

Феликс Рубенович, слушая Батыра, одобрительно кивнул ему.

– Мне папа турник дома во дворе сделал, – увидев это, оживился Батыр. – Он прикрепил железную трубу к двум столбам и учил меня, как надо кувыркаться на турнике.

– А где твой папа научился кувыркаться? – спросил Батыра тренер.

– Папа мне говорил, что он научился кувыркаться в армии.

– Правильно. Молодец твой папа. И сам научился и тебя учит.

– Да я ещё ничему не научился! Я только пробовал кувыркаться, но у меня ничего не получилось!

– Научись. Я думаю, что для этого ты сюда и пришёл.

В зале послышался шум. Это девушки начали носить предметы напоминающие матрасы, но обшитые чёрным дерматином. Они брали их из стопки, где эти матрасы были аккуратно уложены. Девочки переносили взятые матрасы под кольца, низко висящие на тонких тросах. Они укладывали их под этими кольцами.

– Наверное, они будут тренироваться на кольцах, – подумал Александр. – Интересно, что они там будут делать?

А девушки всё носили и носили чёрные матрасы и укладывали их под кольцами чуть ли не во всю длину спортзала. Делали они это быстро и с задором, весело бегая, то к стопке матрасов, то по двое, взяв матрас, бежали с ним к кольцам. Когда девчонки бежали с матрасом, было видно, что он не очень-то лёгкий. Матрас провисал в их тонких руках, несмотря на то, что девочки старались растянуть его в стороны для удобства собственного передвижения. Это им удавалось, но девочки почему-то смеялись над самими собой.

Вместе с Александром остальные мальчики тоже перенесли своё внимание на девочек.

– Не отвлекайтесь! – сказал Феликс Рубенович ребятам и продолжил, обращаясь и к Батыру, и ко всем мальчикам одновременно. – Так вот, турник и перекладина в сущности одно и то же. Только помните, что турников в спортивной гимнастике нет. Такого названия в спортивной гимнастике не существует. У нас есть снаряд именуемый перекладина. А такое название перекладине – турник, придумали, что называется в простонародье. То есть, это название народное, а не спортивное. И ещё одно скажу вам сразу, – Феликс Рубенович окинул ребят взглядом своих внимательных серых глаз и остановил его на Александре, пристально

глядя ему в глаза, – всё то, на чём вы будете тренироваться у нас принято называть снарядами, а тренировки работой.

– Запомним, Феликс Рубенович! – думал Александр, открыто глядя в глаза тренера.

– Хороший парень! – думал тренер, глядя на Александра. – Жаль только, что он такой длинный. Что с ним делать? А из него может быть получился бы неплохой спортсмен, будь он чуть ниже ростом.

Феликсу Рубеновичу нужны были именно вот такие ребята. Вот с такими чистыми открытыми глазами. С такими вот сильными руками. С такой вот, как у этого парня, настырностью, ... но не с таким ростом. Он мечтал о том, что сделает их большими мастерами спортивной гимнастики, в которую сам был влюблён с давних пор.

– Сейчас ставим перекладину, – вновь обратился Феликс Рубенович к ребятам. – Двое самых больших, бегом за перекладиной. Она, вон, стоит у стены. Несите её сюда.

С этими словами Феликс Рубенович показал рукой в ту сторону, где стояла прислонённая к стене перекладина.

Ребята видели её и раньше, когда пришли в спортзал. Они удивлялись тому, что она стоит прислонённая к стене, а не закреплённая к полу.

– Наверное, не успели установить, – подумал тогда Александр, уже зная, что перекладину можно устанавливать, когда нужно, и снимать после тренировки.

– Остальные, бегом за матами, – продолжал давать указания тренер, показывая на маты рукой. – Принесите шесть штук.

Ребята бросились выполнять команды тренера. Они, как и девушки, тоже шутили и смеялись, нося маты к месту установки перекладины.

Александр с Борисом подбежали к перекладине и схватили её за стойки, приподняв её над полом.

Перекладина была невысокая. Её гриф был на уровне подбородка Александра и на уровне кончика носа у Бориса. Недолго думая, мальчики потащили перекладину к тренеру. Она была совсем не тяжёлая. Однако нести её было неудобно. Мешали свисающие с концов грифа длинные стержни с цепями, которые путались под ногами.

Феликс Рубенович показал место, куда нужно было установить стойки перекладины. Оказалось, что в полу были вмонтированы специальные металлические пластины для её установки и фиксации.

Установка перекладины под руководством тренера заняла совсем небольшой промежуток времени. Устанавливать перекладину оказалось совсем просто.

Наконец, перекладина была установлена и под ней ребята расстелили шесть матов, уложив их равномерно по обе стороны перекладины так, что можно было падать с неё и не бояться расшибиться. Маты под перекладиной были разостланы и уложены плотно, без щелей, в один длинный ряд. Высота перекладины осталась неизменной, хотя, как заметил Александр, стойки, сделанные из труб, имели отверстия для фиксации высоты грифа перекладины. Для них тренер установил болты фиксирующие высоту грифа в самые нижние отверстия стоек.

Закончив подготовку снаряда к тренировке, ребята по команде тренера сели на скамейку, которая стояла вдоль стены рядом с перекладиной.

Феликс Рубенович подёргал растяжки перекладины. Одна из них показалась ему слабой, и он подтянул её, вращая тендер.

Та-а-а-к! – удовлетворённо протянул он после этого. – Теперь хорошо. Сейчас начнём!

Феликс Рубенович нагнулся и поправил мат, который, как ему показалось, лежал не совсем ровно. Выпрямился. Легонько пнул его ещё раз ногой, поправляя.

Девушки в это время уже начали тренировку на кольцах. Они по очереди подходили к кольцам и начинали на них... кататься. Это было странное зрелище. Они по очереди катались

на кольцах, разбегаясь по полу. Их тренер в это время стоял рядом с катающейся гимнасткой и, внимательно наблюдая, готов был в любое мгновение прийти ей на помощь.

– Сейчас по очереди, – обращаясь к ребятам, сказал Феликс Рубенович, – вот так, как сидите, начиная с этого высокого парня, будете подходить к перекладине и делать то, что я вам сейчас покажу. Слушайте внимательно, что я буду говорить.

С этими словами он встал прямо перед перекладиной в её центре и взялся двумя руками за гриф.

– Это упражнение входит в обязательную программу юного гимнаста, – говорил тренер ребятам. – Вы все скоро будете её хорошо уметь делать. Смотрите, как я выполняю упражнения, и запоминайте все мои движения. Старайтесь ноги всё время держать прямо, как палки, а носочки тянуть вперёд. Начало разминки и разучивание мы с вами совместим, потому что сразу у вас ничего не получится. Можете делать столько повторных упражнений, которые я вам покажу, сколько захотите.

Феликс Рубенович неожиданно отпустил гриф перекладины и пошёл в сторону тренирующихся гимнасток. Он подошёл к Хамро Назаровичу и что-то ему сказал.

Хамро Назарович, выслушав Феликса Рубеновича, кивнул ему в ответ головой, ни на секунду, при этом, не ослабляя внимания за катающейся на кольцах гимнасткой.

Феликс Рубенович после этого подошёл к окну, которое было, как раз, напротив сидящих мальчиков, но в противоположном конце спортзала и, взяв там с подоконника какую-то коробку, вновь подошёл к юным гимнастам.

– Это алебастр, – пояснил он ребятам, ставя коробку с белым порошком на край скамейки, где они сидели. – Перед каждым подходом к снаряду будете обмакивать в алебастр руки, чтобы они не потели и не скользили. С влажными ладонями вы можете не удержаться на перекладине и упасть с неё.

Невесть откуда в руках тренера появилась наждачная шкурка.

– Это тоже необходимо делать, – продолжал учить ребят тренер. – Каждый, кто закончит работать на снаряде обязан его очистить от пота и алебастра.

С этими словами Феликс Рубенович подошёл к перекладине и, обернув её гриф наждачной шкуркой, начал энергично шлифовать его по всей длине.

Ребята сидели тихо, наблюдая за тренером.

В спортзале были слышны звуки совершенно непривычные для ушей, постоянно находившихся до этого времени в обстановке шумной улицы или двора, многоголосого школьного класса на перемене, или в тихой домашней обстановке. В воздушном бассейне спортивного зала плыли необычные звуки тренировки гимнастов. Тихое перешёптывание мальчиков и чуть более громкое обсуждение воспринимаемой реальности у девушек, перемешивалось с резкими командами Хамро Назаровича, по-прежнему стоявшего на своём месте. Спокойный и уверенный голос Феликса Рубеновича чередовался с ритмичным отталкиванием девичьих ног от матов во время пробежек, которые были нужны для раскачивания колец с этой гимнасткой в ту или другую сторону. К шаркающему звуку наждачной шкурки о гриф перекладины добавлялись отдалённые, но более знакомые звуки с улицы.

Александр, слушая, и одновременно наблюдая за всем происходящим вокруг него, встал со скамейки. Он готовился подойти к перекладине.

– Что я там буду делать? – подумал он. – Получится ли у меня то, что покажет тренер?

Феликс Рубенович в это время подошёл к ящичку с алебастровой пылью и положил рядом с ним наждачную шкурку. Затем он несколько раз обмакнул ладони в белую пыль алебастра, слегка взметнув её в воздух. Ладони его смуглых, загорелых рук побелели. Они были припорошены пылью алебастра. Потерев их, Феликс Рубенович вновь подошёл к перекладине, но встал против неё не так близко, как в прошлый раз, а отойдя к самому краю матов.

Движения тренера были непринуждёнными и лёгкими. Какое-то мгновение он постоял в обычной и уже привычной для ребят позе, потом вдруг в один момент преобразился.

Александр только успел заметить, как тренер, до этого момента стоявший расслабленно с несколько расставленными в стороны ногами, вдруг поставил ноги вместе и, поджав живот, вытянулся.

Феликс Рубенович слегка развёл в стороны вытянутые руки. Его и без того красивая фигура в это мгновение стало просто прекрасным.

– Здорово! – подумал Александр. – Мне бы так!

Борис, сидевший на скамейке рядом со стоящим Александром, легонько толкнул его ногой.

Саша посмотрел на Бориса. Тот глазами показал на тренера и, слегка кивая в его сторону головой, смешно поджимал губы.

Никак не среагировав на жесты Бориса, Александр опять быстро перенёс всё своё внимание на тренера, боясь пропустить в его движениях какую-нибудь мелочь. Одновременно он мысленно копировал все движения тренера, не замечая при этом, что все эти движения выполняет сам едва заметными жестами.

Обозначив своё положение перед перекладиной, и, постояв так секунду, Феликс Рубенович в такой же собранной форме тела подошёл твёрдым, но в то же самое время и каким-то неуловимо мягким шагом к перекладине. Затем он театрально взмахнул руками и взялся за гриф перекладины. В одно мгновение тренер сделал подъём с переворотом назад при помощи силы рук, мягко подтянув к грифу, а затем, бросив вверх на него своё красивое тело. Очутившись на перекладине, Феликс Рубенович красиво вытянулся в упоре на руках, обозначая завершение выполненного упражнения, а затем, перекинув через гриф правую ногу, также красиво, шагнув вперёд, сделал оборот вокруг него.

– Блеск! – опять подумал Александр. – Я так, точно, никогда, наверное, не сумею.

– Я так уже делал, – вполголоса сказал, почти прошептал Борис. – Это совсем не трудно.

Сделав оборот вокруг грифа на перекладине, тренер опять на какое-то мгновение замер на ней, обозначая завершение выполненного упражнения, а затем, перевалив тяжесть тела на правую руку и, отпустив от грифа перекладины левую руку, Феликс Рубенович сделал простой с вида, но красиво выполненный соскок с перекладины. Перекинув через гриф во время выполнения соскока левую ногу, тренер как бы оттолкнулся от него, в то же время, совершенно не касаясь грифа своим телом, а только опираясь на него правой рукой. В воздухе, во время полёта после начала выполнения соскока с перекладины Феликс Рубенович соединил ноги вместе, успел выпрямиться, а в самый последний момент, оттолкнувшись правой рукой от грифа перекладины, мягко приземлился на маты. Очутившись на ногах, тренер слегка присел, разведя руки точно в стороны, и замер на месте, как вкопанный. Через секунду он опять выпрямился и с разведёнными в стороны руками шагнул к краю матов в сторону сидевших на скамейке ребят. Сойдя с матов, тренер опустил руки и опять принял тот прежний облик, к которому ребята уже успели привыкнуть.

– Я показал вам всё, что входит в обязательную программу юного гимнаста на перекладине, – сказал ребятам Феликс Рубенович, – что вы должны запомнить, знать и научиться красиво, выполнять. Кроме самого выступления на любом снаряде, любое выступление всегда начинается с уверенного и красивого подхода к нему и завершается... чем?

– Отходом! – вразнобой наугад в ответ сказали Борис и Эркин Махмудов, сидевшие на скамейке рядом друг с другом.

– Правильно! – весело подытожил тренер. – Все всё видели? Теперь представьте себя, как вы всё это делаете. Упасть не бойтесь. На матах мягко. Да и я вас в нужный момент всегда поймаю.

Представив себя на перекладине, Александр с ужасом подумал, что может оказаться в неловком положении перед девчонками, когда перекинет через гриф правую ногу. Кроме широких трусов и обычной майки на нём ничего больше не было. Он вдруг ясно понял, что может на перекладине «блеснуть» тем, чем «блистать» ему совсем не хотелось. Да к тому же ещё перед девчонками, которые, как назло, начали проявлять повышенное любопытство к первой тренировке мальчиков.

Он поделился своими мыслями с Борисом.

– Плавки под трусы нужно одевать! – хмыкнул тот в ответ.

– А ты в плавках? – спросил приятеля Александр.

– А как же, – ответил Борис. – Я знал, что без них может быть конфуз.

– Перекину не правую, а левую ногу, – подумал Александр. – Ничего от этого не изменится, а видно никому и ничего не будет.

– Подготовь перекладину, – сказал тренер, обращаясь к Александру. – После этого не забудь окупать ладони в алебастр.

Саша взял со скамейки наждачную шкурку и с ожесточением начал протирать ею гриф перекладины, не переставая при этом думать о своей проблеме.

– Достаточно, – остановил его тренер. – Ещё немного и совсем изотрёшь гриф. Работай!

Обмакнув ладони в алебастровую пудру, Александр занял исходную позицию в том же месте, где до этого перед показом упражнений стоял тренер. Повторив неумелыми движениями все элементы подхода к перекладине, Александр подошёл к ней.

– Молодец! – сказал тренер одобрительно. – Подход сделал почти правильно. Работай дальше.

Вдохновлённый похвалой тренера, на мгновение, забыв обо всём на свете, Александр взялся руками за гриф перекладины. Ладони ощутили приятную прохладу упругого металла. В нос ударил слабый кислотный запах, идущий от грифа.

Феликс Рубенович стоял рядом, но с противоположной стороны перекладины. Он взял одной рукой Александра за руку чуть выше кисти.

– Работай! – слегка кивнув головой, сказал тренер.

Александр подтянулся к грифу и, оторвав ноги от пола, попытался поднять их так, как это делал тренер. Нужно было сделать подъём переворотом.

Ноги коленями коснулись грифа перекладины. И как дальше не старался Александр, как не пытался подтянуться выше, чтобы перевалить их через гриф, ничего у него не получалось. Задняя часть тела упорно, как магнитом, тянула к полу.

Вдруг, ничего не поняв, Александр оказался на перекладине. Это тренер одним движением руки закинул его туда.

– Выпрями руки! Выпрями спину и делай перемах ногой! – напомнил тренер.

– Да, перемах! – вдруг вспомнил свою проблему Александр и перекинул через гриф левую ногу вместо правой ноги.

Лихого перемаха не получилось. Случилось быстрое перелезание ногой через гриф, потому что левая рука никак не хотела отпустить гриф.

Тренер, стоявший слева, никак не ожидал такого хода событий. Он был вынужден отпустить руку Александра и перескочить в другую сторону перекладины.

Оставшись без поддержки и страховки тренера, Александр сжал ноги вместе и, потеряв равновесие от этого, повалился вперёд, вцепившись двумя руками в гриф перекладины.

Весь мир перевернулся. Ничего не соображая, Александр ощущал лишь свободное падение вперёд, а затем чьё-то сильное толкание в спину.

Это Феликс Рубенович, быстро поменяв своё место для страховки, опять помог Александру оказаться на перекладине. Усадив, таким образом, парня на перекладину, тренер, кроме

того, что крепко держал его за руку, другой рукой схватил Александра за щиколотку правой ноги.

Пытаясь сохранить равновесие и удержаться верхом на грифе, Александр сторбился, приподнявшись на руках над грифом. Он согнул при этом находившуюся впереди левую ногу, совершенно не замечая того, что тренер крепко держит его.

Сделав неверное движение, Александр опять потерял равновесие и под дружный смех ребят опять повалился вперёд.

Тренер отпустил его руку и, не отпуская правой ноги свободной рукой, с противоположной стороны упёрся ему в грудь, возвратив в исходное положение.

– Выпрями и разведи пошире ноги, – сказал Феликс Рубенович.

– Легко сказать «Разведи ноги!», – подумал Александр. – А как это сделать, если они не раздвигаются?

Тем не менее, он сделал попытку выполнить требование тренера. Это ему удалось. Более того, Александр понял, что в таком положении он сидит на перекладине очень даже устойчиво. Забыв про всё на свете, ему захотелось ещё раз сделать оборот вокруг грифа, но тренер преудгадал его намерения.

– Не всё сразу! Успеешь ещё! Накрутишься! – спокойно сказал Александру Феликс Рубенович. – Делай соскок!

Простой с виду соскок тоже, оказалось, сделать было в первый раз непросто. Тело было тяжёлым и не поворотливым. Оно не слушалось. К тому же было немного страшно упасть с перекладины, зацепившись за гриф ногой.

Боясь потерять равновесие, Александр перекинул правую ногу за гриф и, поддерживаемый в спину тренером, оттолкнулся от него и отпустил правую руку. Он спрыгнул с перекладины на маты, пытаясь во время короткого полёта развернуть тело так, чтобы удобнее было приземляться.

– Неплохо для начала! – сказал тренер под общий смех ребят. – Для первого раза, нормально!

Александр только на матах услышал смех ребят. На перекладине до него доходили какие-то отдалённые звуки, но он их не воспринимал, потому что всё внимание отдал работе на перекладине.

– А вы чего смеётесь? – тренер строго посмотрел на ребят. – Ну-ка, тихо! Запомните, во-первых, на тренировке смеяться нельзя! Это расслабляет. Во-вторых, сейчас сами будете такими же. А вашему товарищу сейчас было труднее всех вас. Он начинал разучивать упражнения первым среди вас.

– Я ещё раз хочу попробовать выполнить упражнения, – сказал Александр, – мне кажется, что сейчас я смогу сделать всё правильно.

– Нет, – ответил тренер, – сядь на скамейку и отдыхай! Сейчас наступила очередь для других гимнастов.

Александр сел на скамейку рядом с Борисом. Разгорячённый выполнением упражнений он не мог успокоиться. Хотелось повторить всё сначала.

– Ну, ты и мотался на перекладине! – с улыбкой сказал Борис. – Как будто в первый раз. Ты чего? В самом деле, ни разу ничего не делал на перекладине до этого?

– Нет, – ответил Александр приятелю. – Раньше я только подтягивался на турниках. И всё. А наверху никогда не сидел.

– Асланин, ты чего ждёшь? – обращаясь к Борису, произнёс тренер. – Твоя очередь! Ну-ка, быстро к снаряду!

– Бегу! – Борис вскочил и подошёл к перекладине.

Протерев гриф наждачной шкуркой, он со знанием дела обмакнул ладони в алебастровую пудру и, постукав ладонями, сбросил лишнюю пыльцу обратно в коробку. Сделав неболь-

шое усилие для подъёма переворотом, Борис уверенно забросил на гриф своё тело. Перекинув правую ногу через гриф, он начал выполнять оборот вперёд. Однако, ему не хватило умения правильно выполнить этот элемент.

Александр видел, как Борис сделал отчаянную попытку вновь оказаться на грифе после завершения вращения вокруг него. Для этого он сильно согнул правую ногу, зацепившись, таким образом, ногой за гриф и смешно дрыгнул левой ногой. Похоже, было, что это движение он выполняет не в первый раз.

– Держи ноги! – вполголоса наставлял Бориса тренер. – Спину! ... Спину держи прямо!

Феликс Рубенович без особых усилий заученным движением, так же, как и Александра, забросил на перекладину и Бориса.

Пытаясь сохранить равновесие, Борис всё время сгибал ноги в коленях. Соскок с перекладины он сделал также коряво, как и предыдущие элементы упражнений. Но всё-таки сделал. И сделал почти самостоятельно.

Александр, наблюдая за «работой» Бориса, пытался понять свои манипуляции на перекладине. Вспоминая своё непроизвольное вращение на ней, он заново переживал те новые ощущения, которые возникали при этом. В этих ощущениях было всё. И состояние преодоления страха, и полная потеря ориентации в пространстве во время вращения. Было также и удовлетворение от преодоления неизведанного.

– То, что ты сейчас сделал, называется «саксаул в пустыне», – сказал тренер Борису после завершения его манипуляций на перекладине. – Сделать лишь бы как, дело не хитрое. Нужно все элементы комбинации выполнять красиво, а главное, с прямыми ногами!

– Я старался, а про ноги забыл, – ответил Борис.

– Всегда следи за ногами. Они должны быть прямыми, как палки, – тренер продолжал поучать Бориса, – и носочки тоже должны быть вытянутыми. Я вижу, что ты, хоть и грубо, но комбинацию делаешь. Это хорошо. Теперь шлифуй её, и, главное, старайся всё делать красиво. Именно в этом основа спортивной гимнастики, а не в том, что ты крутишься на снарядах на полусогнутых руках и с кривыми ногами.

Борис стоял перед тренером и, слушая его наставления, кивал головой в знак понимания.

У других мальчиков выполнение упражнений на перекладине оказались не лучше, чем у Александра. Лидером среди них в упражнениях на перекладине оказался Борис.

Чередуясь по очереди, ребята по несколько раз повторяли одни и те же упражнения.

Уже чувствовалась усталость. Но никто из ребят не показывал вида, что устал.

Феликс Рубенович, умело страхуя ребят, одновременно и всячески помогал им освоить первые шаги в спортивной гимнастике. Он своей помощью вселял в ребят ту уверенность, которая вновь и вновь звала их на покорение перекладины.

Тренеру было жарко от работы. Его синий спортивный шерстяной костюм потемнел от пота. Между подходами ребят к перекладине он снял с себя футболку, оставшись в майке.

Тут ребята впервые увидели открытые плечи и руки своего тренера.

Майка на нём была вишнёвого цвета. На ней не было ни единой морщинки. Она плотно обтягивала его сильное мускулистое тело, подчёркивая красоту гармонии его физического развития. В глаза сразу бросились объёмные желваки бицепсов и круглые мускулистые плечи. Плавные рельефы мышц угадывались даже под тканью майки.

Тренер страховал ребят на перекладине естественным образом, приводя в движение все видимые мышцы своего тела. От этого ребятам казалось, что тренер играет мышцами.

После очередного подхода ребят к перекладине Феликс Рубенович посмотрел на часы.

– На сегодня перекладину закончим, – сказал он ребятам. – Следующий снаряд, как я вам уже говорил, брусья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.